

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

PACIFISM IN HISTORY

MOSCOW
1998

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ**

**ПАЦИФИЗМ В ИСТОРИИ
ИДЕИ И ДВИЖЕНИЯ
МИРА**

МОСКВА
1998

Ответственный редактор:

д.и.н., член-корреспондент РАН А.О. Чубарьян

Редколлегия:

Р.М.Илюхина, Т.А.Павлова,

Г.П.Добросельская (ответственный секретарь)

The Chief Editor

Professor A.O. Chubaryan

EDITORIAL BOARD:

R.M. Ilukhina, T.A. Pavlova,

G.P. Dobroselskaya (Academic Secretary)

Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. — М.
ИВИ РАН, 1998. — 290 с.

Настоящий труд связан с важным и в значительной мере новым направлением в исторической науке — изучением теории и практики доктрины миротворчества и ненасилия. Он посвящен исследованию проблем истории пацифизма в странах Европы, Азии и Америки на протяжении многих столетий — с древности вплоть до Второй мировой войны. Впервые в отечественной исторической науке он дает обобщенную картину развития пацифизма как теории и как конкретно-исторической практики. В частности исследуются проблемы становления пацифистской идеи, ее развития на заре Нового времени, появления обществ мира в Европе в XIX веке, создания пацифистской доктрины в Европе и Азии и воплощения ее в жизнь в деятельности антивоенных обществ.

Авторский коллектив включает в себя как российских, так и зарубежных ученых (Англия, Германия, США, Франция, Швейцария, Япония), специализирующихся в области западного, восточного и российского пацифизма.

ISBN 5-201-00492-X

ББК 63.3

© Коллектив авторов, 1997

© Институт всеобщей истории РАН, 1997

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателю книга представляет собой результат труда коллектива историков, работавших над проектом по истории миротворчества и пацифизма.

Еще сравнительно недавно эта тема была почти запретна. В нашем политическом и идеологическом лексиконе пацифизм трактовался как «абстрактный» или буржуазный, как космополитическое течение, чуждое нашим представлениям об истории, о классовой борьбе и о социальных процессах.

Институт всеобщей истории РАН уже выпустил книгу о русском пацифизме — теме фактически новой и неизвестной ни нашему, ни зарубежному читателю.

В новом труде авторы пытаются дать общие представления о формировании и эволюции миротворческих идей с античности и до наших дней.

Интерес к книге обусловлен рядом факторов.

Прежде всего, речь идет об исторических традициях, об их роли в нашей истории и в современной жизни. Идеи ненасилия и миротворчества зародились в глубокой древности, они составили важную часть древних философских и политических сочинений. Эта традиция возродилась к XIV—XV векам, а начиная с XVII века наполнила многочисленные проекты вечного и справедливого мира, ставшие особенно популярными в XVIII и XIX столетиях.

На международном конгрессе историков в Бухаресте известный итальянский историк Манселли говорил, обращаясь к многочисленной аудитории: «Всем известно, что мировая история наполнена множеством войн и конфликтов, но следует помнить, что в истории всегда были люди, которые думали о мире».

Эта «мирная традиция», объединявшая людей самых разных профессий и знаний, составила тот важный и неотъемлемый компонент мировой истории, который привлекает сегодня внимание многих исследователей в различных странах.

Следующий вопрос относится к самому понятию «ненасилия» и пацифизма. В мировой историографии существуют разнообразные толкования этих явлений и их включения в контекст мировой истории. В разные исторические периоды они выражались в определенных философских или просветительских идеях и трактатах, либо проявлялись в конкретных проектах, пактах и соглашениях.

В то же время пацифизм и в более широком плане ненасилие весьма часто рассматриваются исследователями как некая всеобщая тенденция, как постоянный компонент истории человечества.

И это сочетание конкретно-исторического и общетеоретического смысла пацифизма влияет на характер исследовательских тем и проектов по истории пацифистских идей и движений.

Широкая трактовка идей мира, ненасилия и миротворчества приводит к тому, что их исследование объединяет специалистов различных дисциплин — историков, философов, психологов, правоведов и политиков, и придают им комплексный характер.

Разумеется, историки имеют свой специфический взгляд на эти явления, что и нашло выражение в предлагаемой книге. Для нас, историков, важны, прежде всего, два аспекта этой проблемы. Это — место пацифистских идей и движений в конкретных исторических условиях той или иной эпохи и одновременно это — эволюция миротворческих идей, рассмотрение вопроса о пацифизме по вертикали, на протяжении веков.

В исследовании истории пацифизма в более узком плане наибольший интерес представляет изучение многочисленных конкретных мирных проектов, существовавших в истории на протяжении многих веков. В Европе они весьма часто прямо связывались с проектами объединения и переустройства Европы. Вспомним проекты аббата Сен Пьера и Ж.-Ж.Руссо во Франции, И.Канта — в Германии, У.Пенна в Англии и В.Малиновского — в России.

Для всех них вечный и справедливый мир был не только высшей целью и императивом, но и средством федеративного или конфедеративного переустройства европейского континента.

Вышедшие из-под пера философов и общественных деятелей, эти проекты выражали настроения сравнительно узкого слоя, как правило не связанного с властями или даже оппозиционного им.

Но в конце XIX — начале XX века начал зарождаться так называемый «официальный» пацифизм. На Гаагских конференциях на рубеже веков, в рамках Лиги Наций и на правительственном уровне отдельных стран предлагались разнообразные проекты и способы достижения мира.

Они, разумеется, были, как правило, связаны с конкретными политическими и дипломатическими целями и расче-

тами, но и в них часто содержались новые трактовки идей мира.

В рамках ряда международных организаций и особенно в ООН шла большая работа по кодификации и правовому оформлению правовых норм и утверждению идей мира и ненасилия. Эта работа завершилась принятием ряда важных документов, устанавливающих понятия «мира», «агрессии», «ненасилия» и т.д.

Новый этап в эволюции идей и практики пацифизма был связан с появлением и распространением ядерного оружия. Его часто так и называли — «ядерный пацифизм».

Речь шла о необходимости поставить преграду распространению или запретить ядерное оружие. На уровне общественности были широко распространены разнообразные массовые акции и движения против атомного оружия.

В 80-е годы этот общественный пацифизм соединился с официальным. Именно на уровне глав государств и правительств были приняты хорошо известные международные акты, декларации и документы, ставящие преграду на пути распространения ядерного оружия и направленные на его запрещение.

Акции и решения, направленные против ядерного оружия, составили важный неотъемлемый компонент в процессе окончания «холодной войны».

Но пацифизм 70—80-х годов имел еще одну важную особенность как в международном плане, так и внутри отдельных стран. Он входил составной частью в движение за права человека; многие диссидентские акции в разных странах проходили под лозунгами мира и ненасилия, против применения силы, в защиту принципов демократии и свободы.

Пацифизм в широком плане связан еще с одной важной особенностью исторического процесса. Речь идет о проблеме нравственности в истории и в политике. Некоторые исследователи и деятели общественности скептически воспринимают важность, а скорее возможность применения нравственных категорий в политике. Между тем, нам представляется, что проблемы морали, нравственный фактор и в истории вообще, и в политике в частности, составляют не просто возможное, но и необходимое условие политической деятельности.

Конечно, слишком часто общество сталкивается с отступлениями и с нарушениями принципов этики и морали, но эти отступления не только не отменяют, а лишь подчеркивают важность привития и утверждения в обществе принципов и норм морали и нравственности.

И в этом комплексе моральных императивов идеи мира и ненасилия занимают важное место.

Пацифизм и миротворчество прямо связаны и с религиозными верованиями. На протяжении многих веков религиозные идеи мира, добра и справедливости очень часто вдохновляли пацифистов и сторонников мира. В более широком плане связь пацифизма и религии составляла существенный компонент все той же более общей проблемы морали и нравственности в истории.

Можно выразить надежду, что издание представляемой книги, подводящее итог деятельности коллектива историков, явится важным стимулом для продолжения исследований пацифизма и миротворчества в истории человечества.

ИСТОКОВ ПАЦИФИЗМА

В.И. Уколова

При рождении слова пацифизм, а его относят к началу XX в., точнее к 1902 г., когда на конгрессе по вопросам мира одним из французских участников оно было произнесено впервые, это название употреблено в самом прямом значении как антитеза понятию «война». И хотя еще в 1904 г. такое представительное издание, как «Полный Оксфордский словарь», не содержало термина «пацифизм», однако уже тогда он стал реальностью мировой политической лексики. Дело, конечно, не столько в слове, которое в своей этимологической основе многомерно, ибо произведено от латинского *рах* — мир, первоначальное значение которого союз, договор, согласие, а в том, что пацифизм в начале XX столетия предстал мощно набирающим силу общественным и политическим движением, частью практической жизни человечества, перестав быть преимущественно принадлежащим к сфере его духовного существования. В то же время пацифизм — это теория, точнее — комплекс теоретических воззрений и идейных устремлений и, если угодно, особый тип отношения к существованию человечества и человека, указующий на возможность и необходимость разрешения всех конфликтов ненасильственным путем, установления всеобщего согласия. Этот комплекс зародился за тысячи лет до того, как появилось слово, точно его обозначающее. И чтобы глубже понять сущность пацифизма, важно обратиться к его истокам.

Широко распространено мнение, что истинное миротворчество имеет своим истоком христианство, во всяком случае для стран так называемого европейского пути развития. Не оспаривая того, что подобное утверждение не лишено определенного основания, хотелось бы обратить внимание на то, что фундамент пацифизма был заложен в глубокой древности, в античном мире, и отразил особенности греко-римского культурного универсума.

Как известно, мир для древнегреческого сознания — это прежде всего состояние согласованности, единения, порядка, но выстроенного не из отдельных частиц, а в результате органического слияния. Здесь мы имеем удивительно глубокое постижение гармонии мира как онтологического усло-

вия, без которого невозможно и помыслить бытие Космоса. Мир, согласование начал в макрокосме и микрокосме, в универсуме и человеке определяет и их сущность, и их форму, и их существование. Отклонение от равновесия, распад связи (мира) равнозначен гибели. На это обратил внимание Платон в диалоге «Тимей»: «В самом деле, тела, вращающиеся по небосводу вокруг Земли, отклоняются от своих путей, и потому через известные промежутки времени все на земле гибнет от великого пожара».

Для нас уже давно стало общим местом утверждение, что вся предшествующая история человечества — это история войн и что в течение многих веков война рассматривалась как неотъемлемая часть существования человеческого общества, хотя мир, конечно, всегда оставался желанной мечтой. Хочется подчеркнуть, что еще в глубокой древности человечество в лице своих величайших мыслителей и поэтов пришло к выводу, что главное естественное, т.е. природное, состояние — это мир, согласие, гармония, а состояние войны нередко имеет результатом уничтожение, прекращение существования. Мир мыслился и как лучшее и необходимейшее условие для жизни человека и человеческого сообщества. Не случайно Золотой век, воплотивший самые прекрасные упования человечества, представлялся веком постоянного мира.

Пифагореизм — одно из древнейших религиозно-мистических и философских направлений в античной культуре, в качестве важнейшего императива морального порядка выдвигал требование не убивать ничего живого, сближаясь в этом с этическими максимами индуизма и буддизма.

Интенсивная политическая жизнь греческих полисов и эллинистических государственных образований, весьма часто погружавшихся в стихию войны, породила и целый ряд политических теорий, практических интерпретаций и воплощений войны и мира как элементов их внутренней и внешней жизни. Начали складываться представления о войнах справедливых и несправедливых, о тяготах войны и благах мира, о правовом обеспечении мира, о способах сохранения социального мира и т.д. То, что можно было назвать своеобразной борьбой за мир, подчас принимало, выражаясь современным языком, формы «народной дипломатии». Об этом поведал, например, Аристофан в своей комедии «Лисистрата». Женщины, чтобы отвратить мужчин от войны, нашли способ столь же простой, сколь и действенный — они отказались исполнять свои супружеские обязанности. К этому факту следует, конечно, отнестись с подобающим в дан-

ной ситуации чувством юмора, однако все же нельзя не признать, что это пример пацифистского действия, опирающегося на природу человека.

С началом походов Александра Македонского и в эпоху эллинизма складывается еще одно важнейшее для развития миротворческих концепций понимание возможности единства человечества, единства мира, синтеза культур, правда, достигаемых посредством войны. Однако такая война своей высшей целью имеет мир и не просто мир как отрицание ее самой, но мир, устроенный на общих культурных основаниях, предполагающий общечеловеческое единство.

Рим воспринял от эллинистической эпохи идею всеобщности, единства мира, в ее онтологической интерпретации она естественно вошла в философские концепции и нашла оригинальное, подлинно римское преломление в государственной, политической практике.

В латинском языке слово мир — *пакс* — одного корня с глаголами *пакко*, среди прочих имеющем значение «обуславливать, устанавливать, определять», и *пакиско* — «договариваться, улаживать, приходить к соглашению». Любопытно также, что слово *пакс* употреблялось главным образом в сочетании с глаголами, обозначающими действие, а не состояние. Даже жить в мире на латинском по существу звучало, как пользоваться миром (*паксе ути*) или управлять с миром. Для римского сознания мир не просто согласие, но соглашение, предполагающее активное действие субъектов, этот мир устрояющих. Не случайно Римское государство, которое Гвардини назвал «полной и всеохватывающей конструкцией бытия», этот римский «круг земель» именовался «*Пакс Романа*», т.е. «римский мир» — замиренные земли, разноликие и разноречивые, связанные соглашением, системой договоров.

В Древнем Риме, величайшей военной державе, мир почитался, тем не менее, как высочайшая ценность. Вспомним, что век императора Августа, удостоившийся эпитета «золотой», претендовал на то, чтобы называться веком мира. Август был провозглашен гарантом мира, и символом этого стало закрытие им собственноручно ворот храма Януса, двуликого бога, что мистически преграждало путь войне. Римляне, великие практики, создали разработанную систему мирных политических договоров и детально выстроили систему мер, обеспечивающих государственный мир, включая юридические и политические гарантии, обеспечение безопасности, внутренней и внешней, регламентацию действий армий, отношение к противникам, предотвращение или подав-

ление гражданских войн, обеспечение прав гражданина и т.п.

В значительной степени через римскую культурную традицию в европейское сознание проникла идея Золотого века, когда все люди были счастливы. Но самое важное — в Золотом веке исчезало любое проявление враждебности не только между людьми, но и между животными, стихиями и т.д. Мир был всеохватывающим состоянием, и он не только символизировал, но и обеспечивал всеобщее счастье. Римский поэт Вергилий писал:

Жил Сатурн золотой на земле подобною жизнью.

И не слышали тогда, чтобы труб надувались гортани,

Чтобы ковались мечи, на кремневых гремя наковальнях»².

Еще в I в. до н.э. в Риме в годы, предшествовавшие принципату Августа, среди кровопролитных войн начинают громко звучать идеи милосердия и гуманности. Юлий Цезарь придает особое значение культу Милосердия (*Misericordia*), воздвигая в честь него храм. А его противник великий оратор и философ Цицерон развивает понятие *humanitas*, уходящее корнями в греческий стоицизм. Выработывая комплекс принципов, которыми человек должен руководствоваться в жизни, мыслительной и гражданской деятельности, Цицерон полагал, что главным является соответствие жизни достоинству, доблести. Это залог цивилизованности и гуманного отношения людей друг к другу. Реализация высоких принципов обеспечивает существование цивилизованных граждан, лучшее состояние для которого — мир³. Цицерону были близки идеи, навеянные представлениями о переселении душ, усвоенные через пифагорейско-платоновскую традицию, о единстве всего живого, невозможности убийства живого существа, ненасилии. Убивая другое живое существо, человек убивает самого себя, выпадает из круга жизней. Это преступление не только в его теперешнем существовании, но и перед одушевленным Космосом.

Идущая от Цицерона традиция оказалась очень устойчивой. Уже на исходе античности ее продолжил Макробий, который придавал исключительное значение единству мира как космоса (вспомним хотя бы, как он описывает вид Земли с Млечного Пути, видя ее такой маленькой, беззащитной открытой любым воздействиям Космоса и постоянно сотрясаемой войнами и неурядицами). Лишь соблюдая достоинство, коим человек наделен по божественному установлению, стремясь к миру, человечество способно выжить. В картине большого космического масштаба все эти линии соединил

«последний римлянин» Боэций, который обратился к всевышнему с мольбой:

О, взгляни на несчастную землю,
Что покорна порядку вещей!
Не ничтожная мира мы часть,
Хоть бросают нас волны судьбы.
Их обвал удержи, повелитель,
И законом бескрайних небес
Укрепи неподвижную землю!⁴

Вопрос о мире — один из ключевых в христианстве. Формирование христианского пацифизма традиционно и совершенно справедливо связывается прежде всего с ранним христианством. Христос стал мерой мира, истинно по-божески дарованного им человечеству. Мир — благоволение господне, он принадлежит на Земле всем, внявшим Благой вести и отмеченным божьей благодатью. «Мир оставляю вам, мир мой даю вам; не так, как мир дает, я даю вам» — говорит Христос⁵. Мир величайший дар, который Христос приносит людям: «Слава в вышних Богу, и на земле мира, в человеках благоволение», мир принадлежит людям так же, как Слава — Господу.

Следует обратить внимание на то, что в этой своей апологии миру евангельское Слово как нельзя более близко к ветхозаветной традиции. Ветхий Завет, пронизанный идеей «браней господних», борьбы против язычников, тем не менее основой своей имеет идею мира, мира не в традиционном человеческом понимании как антитезы войне, но мира как исконного союза между Богом и человеком, как высшего закона существования человечества.

В Ветхом завете понятия «berit» и «solom» — союз и мир — взаимно дополняют друг друга, образуют единое целое, освященную систему сакральных ритуальных и этически-правовых норм. Реализация этого мира, явленного также и в «горизонтальном» плане — между людьми, составляет истинный двигатель Священной истории. Это особенно ясно проявляется как в жизни «праотцев», пророков (вспомним хотя бы Моисея, так и в истории «богоизбранного народа». Однако этот мир не исключает, а вбирает в себя войну, которая предстает как мистическое его проявление в утверждении богоизбранности, ибо великое Моисеево «не убий» относится прежде всего к тем, с кем заключен божественный союз. К народам, выпавшим из этого союза, Второзаконие или Книга Судей, например, призывают быть беспощадными. Но в конечном итоге, война — это тоже поиск мира, не

только в его человеческом понимании, но и как средство «приведения» инакомыслящих и инакоживущих к Богу.

Это мистическое отношение к войне наличествует и в евангельской традиции, где, с одной стороны, мы встречаемся с императивом непротivления и утверждения абсолютной ценности мира и ненасилия («Блаженны миротворцы, ибо их Царствие небесное», «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую», «Все взявшие меч, мечом и погибнут»), а с другой — со словами «Не мир я принес вам, а меч». Любопытно, что признание божественной природы Христа, восшедшего на Голгофу, «Воистину он был Сын Божий»⁶ вложено в уста воина — сотника из Капернаума. Христианин — это прежде всего воин Христа. «Переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа» — призывает апостол Павел⁷.

Следует, правда, обратить внимание на одну очень существенную вещь, о которой говорит тот же апостол Павел: «Ибо мы, хотя во плоти, не по плоти воинствуем; оружия воинствования нашего не плотские»⁸. Однако истолковать эту двумерность лишь как противопоставление войны и мира было бы неверным. В евангельской традиции речь идет о духовном борении, с помощью которого Бог приобщает человека к союзу с Собой. Такое приобщение носит характер эсхатологический, Не случайно христиане первых веков нашей эры были противниками войны в ее мирском понимании, уклонялись от воинской службы, ибо они «не от мира сего». Следуя путем Спасителя, мученики подражали ему. Вместе с тем ранние апологеты христианства, отрицая насилие и человекоубийство, государственную воинскую службу, безусловно оправдывали войну за веру, сопротивление преследователям-язычникам. Такой милосерднейший отец церкви, как Амвросий Медиоланский пришел к утверждению справедливости войны, восстанавливающей поправленную справедливость⁹. Справедлива или не справедлива война, должна была определять церковь, которой Богом предписано быть вместилищем и мерилom Его Справедливости. Уже не только духовная война, но война имеющая своей целью восстановление Божьей справедливости и как ее высшей цели — мира — признавалась ею несущей священство и, следовательно, допустимой.

Комплекс идей, связанных с войной и миром, был детально осмыслен святым Августином. Его поиски Божьего Града — это в конечном итоге поиски Божьего мира, ибо Бог и только Он есть Истина. Первородная греховность человека не дает ему достигнуть истинного мира в его земном

странствовании. Земной мир — это частичный мир, и война — отражение этой невозможности достичь полноты и целостности. Человек жаждет Божественной любви, но обрести ее не может. От невозможности обрести эту любовь, не понимая истинных причин своих метаний, люди вступают в противоречия между собой, что приводит к войне. В справедливой войне человек ищет справедливого мира, который есть его приход к Богу: «Мира не ищут для того, чтобы творить войну, но творят войну для того, чтобы добиться мира»¹⁰. Миссия христианина — поиск мира как справедливости. Однако, строго говоря, несмотря на такую установку «высочайшего миролюбия», Августин объективно нередко выступал как теолог войны, обосновывавший справедливость воинствования за веру. Не случайно его концепция освятила идеологию рыцарства как Христова воинства, долженствовавшего вести священную войну за веру. Воинствующий мир принял Бога, провозгласившего Мир и Любовь, как Бога-Защитника, и выказал полную готовность защищать Его веру оружием. Идея Священной войны, прозвучавшая еще в Ветхом завете, затем мистически проинтерпретированная евангельской традицией, обрела в средние века вполне политическое бытование, особенно ярко это проявилось в крестовых походах — жесточайших войнах, поднятых до уровня священства.

Итак, христианская доктрина давала глубокое религиозное оправдание как концепции войны, так и концепции мира. Однако стержень христианства — глубоко интимное, личностное отношение между Богом и человеком. Не случайно гуманистическая суть христианства выражена в постулате столь всеохватывающем, сколь и кратком: «Бог есть любовь». Истинный христианин не может находиться в состоянии конфронтации со своим Богом, отсюда постоянный поиск мира с богом и как отражение его — мира в собственной душе. Не случайно Христос Спаситель по воскресении обращает к своим ученикам слова «Мир вам».

Однако эта миротворческая суть христианства была наиболее труднодоступной народам-воинам, захватившим территорию бывшей Римской империи и ставших новыми хозяевами Европы. Народы, пребывавшие в течение столетий в состоянии перманентной войны и представлявшие мир лишь как передышку в военных действиях (германское слово *fritus*), не могли быстро проникнуться христианской идеей мира как основой связи между Богом и человеком. На это указывают хотя бы те трудности, с которыми столкнулся креститель готов Ульфил, переведший Библию на готский

язык. Ульфила вынужден был ввести неологизм, этимологически происходящий от корня «драгоценность, сокровище»¹¹. Тем самым, понятие мира в его христианском понимании должно, по мысли переводчика, приобрести в глазах воинственного народа поистине божественную ценность. Вместе с тем, используя термин, указующий на особую ценность мира, он сближает его с представлениями о даре, составляющими органичную часть ментальности германского воина. Мир из религиозной с трудом постигаемой варваром-воином абстракции превращается в нечто почти конкретное, осязаемое, уподобляясь дару, которым военный вождь наделяет членов своей свиты. И сам Бог в сознании народов-воинов все больше приобретает черты повелителя небесного воинства. Вероятно, в особенностях такого мифологизированного сознания крылись отчасти причины того, что наибольшей популярностью в раннее средневековье пользовался образ Бога-отца, а Христос предстал прежде всего Мессией-Защитником, вдохновителем духовной битвы. Любопытно, что, дабы умерить воинственный пыл своих соплеменников, Ульфила, как свидетельствует византийский историк Филосторгий, исключил наиболее «воинственные» моменты в переводе Ветхого завета¹². Это свидетельствовало не только о хорошем знании Ульфилой духа своего народа, но и о сознательном стремлении представить христианство как религию, смягчающую жестокие нравы и зовущую к миру. В сущности требовалось большое пропагандистское искусство, чтобы сделать для военных народов приемлемой проповедь миролюбия и ненасилия. Однако надо признать, что окрашенный воинственностью мистицизм Ветхого завета и воинственная символика Посланий апостола Павла оказались гораздо ближе варварам, чем проникновенные слова Нагорной проповеди. Военный век требовал Бога-воина. На рубеже античности и средневековья происходит сближение в сознании варваров образов бога-воина Одина, повешенного на мировом древе, и Христа, распятого на кресте. Это один из моментов соединения традиционной системы ценностей народов-воинов с христианством. Только таким образом можно было добиться, чтобы люди, естественным состоянием жизни которых была война, приняли религию мира и любви. Крест стал символом не только духовной, но и военной победы. (Правда, стоит напомнить, что до германских народов это успешно проделали и императоры Восточной Римской империи, в особенности Константин Великий и Феодосий). Варвары шли по их стопам, делая видимой и осязае-

мой военную символику Евангелия и Посланий апостола Павла.

В раннем средневековье складываются в определенную систему и получают конкретное воплощение идеи «Христово воинства», справедливой войны как крестового похода за веру, положенные затем в основу идеологии рыцарства. Не случайно монархи называют себя «христовыми воинами», а войны против народов, принявших христианство не по ортодоксальному обряду (например, остготов), или против язычников ведутся под лозунгами борьбы за истинную веру. Представления о святости оказываются связанными не только с миром, «замирением», утешением, но и с системой воинских ценностей. Важным, однако, было то, что христианство такими сложнейшими путями воспринималась народами, населявшими Европу, не только как официальная (государственная) религия, но и как особый тип отношений к богу, миру, человеку и, следовательно, как регулятор отношений между людьми. Едва ли можно говорить о реальном смягчении нравов (достаточно вспомнить полную кровавых эпизодов «Историю франков» Григория Турского), но в глубинах складывающейся новой ментальности все же пустили корни, пусть еще очень слабые, идеи христианского мира и любви, чтобы через столетия дать мощные победы не только в политике, но и в культуре, идеологии и в послевоенном существовании общества. Так, например, остготский король Теодорих (493-526) провозглашал, что «споры нужно решать словами, а не оружием»¹³. (Это, впрочем, не мешало ему быть отменным воином, произведшим на современников столь сильное впечатление своими деяниями, что они сохранили память о короле-герое в германских эпических сказаниях, воспев его под именем Дитриха Бернского). Необходимо подчеркнуть, что хотя в сознании варварских народов, пришедших в Европу, война оказалась окруженной ореолом священства, но под влиянием христианства сформировалось представление, что священная цель всякого воинствования — мир. Вслед за Августином, «теологом справедливой войны», варварские воины, ставшие христианами, в идеале видели справедливый мир завершением справедливой войны. Война рассматривалась как путь восстановления попорченной справедливости, мир — как знак торжества справедливости, воплощения божественного закона.

В начале IX в. часть европейских земель начинает собираться воедино под императорским скипетром Карла Великого. Этот процесс осуществлялся в основном военным путем. Однако в царствование Карла Великого обретает новое

звучание концепция права и порядка как необходимых условий стабильности и процветания государства. Мир понимается как согласие народов и людей под эгидой сильной власти и спаянных единой религией. Теодульф, один из самых просвещенных и талантливых поэтов при дворе Карла Великого, обратил к королю, «замирявшему племена», слова:

Вот притекли племена, Христу поклоняться готовы, Коих десницей своей ты призываешь к Христу. Вот явился к нему и гунн с заплетенной косою, Вере покорен святой, тот: кто упорствовал встарь¹⁴. В сущности, Карл Великий в своей политике возвращался к римской концепции «сильное государство — гарант мира и благоденствия народов». После смерти Карла его империя стала быстро распадаться на отдельные королевства и герцогства, а те в свою очередь — на независимые владения сеньоров. В X в. Европа представляла собой настоящий военный лагерь, и для характеристики положения людей того времени на память невольно приходят слова пророка Иеремии: «Меч доходит до души». Казалось, общество, истощенное непрерывными войнами, эпидемиями, голодом, распрями сеньоров, тяжелой борьбой за выживание, находилось на грани гибели.

Ожидания конца мира особенно усилились к 1000 г. В это время церковь, в которой по инициативе французского монастыря Клуни началось обновленческое движение, развернула широкую борьбу за Божий мир (pax Dei). Именно Божий мир призван был, по мнению духовенства, спасти человечество или приуготовить его к достойной встрече конца мира — Страшного суда. Ревнители Божьего мира взывали к людям с требованием прекратить взаимные распри, утишить злобу, порождающую разбой и взаимную ненависть, прекратить насилие, объединиться в единое сообщество — христианский мир, где каждому человеку нашлось бы соответствующее ему место.

Так, например, в трактате о Божьем мире, провозглашенном в Шарру в 989 г., предаются анафеме разного рода нарушители спокойствия церкви и общественного согласия, а в трактате о Божьей справедливости (1054 г.), принятом на соборе в Нарбонне, убийство христианина квалифицируется как «пролитие крови самого Христа», т.е. как величайший грех¹⁵.

Полагаясь на милость Божию, духовенство, однако, решило прибегнуть и к «организационным мерам». По всей Европе стали устраиваться съезды духовных и светских лиц,

которые после долгих дебатов, как правило, давали торжественные клятвы хранить «Божий мир». Типичным для таких клятв было включение в них формулы типа: «Отныне никто не должен врываться в церковь, оскорблять монахов, хватать крестьян, грабить купцов, отбирать скот». Защите подлежали все слабые, прежде всего женщины и дети. Мир мыслился не только как преодоление войны «всех против всех», но в первую очередь как неотъемлемое условие спасения христианского сообщества, его земного выживания и дарования ему жизни вечной. Воскресало почти забытое, но принципиально важное для христианства понимание мира как главной формы союза человека с богом. Любопытно, что при такой трактовке обращалось большое внимание не на индивидуальное отношение бог—человек, но на договор между человеческим, христианским сообществом и богом. По существу впервые была столь отчетливо провозглашена идея: мир есть непреложное условие выживания человечества (в преддверии третьего тысячелетия эта идея отстаивается с еще большей болью и страстью, чем в преддверии тысячелетия второго). Широко распространилась практика заключения договоров о «вечном мире». Сеньоры и вассалы, клирики, государства и феодалы осуждали войну, давали клятву не развязывать военных действий и силой останавливать тех, кто будет продолжать усобицы и распри.

Однако эйфория ревнителей Божьего мира оказалась недолгой. Клятвы нарушались незамедлительно, а общие призывы к миру констатировались, но не затрагивали реальной жизни большинства людей. По существу это первое европейское пацифистское движение оставалось поверхностным и во многом лишь идеологическим, хотя нельзя не отдать должное благородству его целей. Видя неуспех своих общих начинаний борцы за Божий мир, решили несколько «заземлить» свои требования. Под влиянием клюнийского аббата Одилона (944-1048) они стали ограничиваться более умеренными требованиями и локальными целями, речь уже шла не о всеохватывающем Божьем мире, а о временных божьих перемириях (*treuga Dei*). Такой поворот был зафиксирован в 1040 г. на синоде в Аквитании, где было сформулировано требование не вести военные действия каждую неделю с вечера в четверг до утра понедельника, чтобы в эти дни, посвященные памяти о страданиях и воскресении Спасителя, каждый человек «без страха перед врагами своими, под охраной божьего мира, мог бы спокойно совершать свои дела». В дальнейшем эти требования на синоде в Монтре были расширены до прекращения военных действий на время

празднования Рождества и Пасхи. Эти «временные» Божьи перемирия оказались более действенными, чем общие идеи Божьего мира. Они практиковались довольно часто. Показательно, что идеи Божьего мира, «Божьи перемирия» развивали мотивы необходимости усиления личной безопасности человека, еще раз возвращаясь к практически забытому евангельскому представлению о ценности индивидуальной жизни как дара Божьего. Однако было бы неверным идеализировать «пацифистские побуждения» раннего средневековья. И дело не только в его недостаточной действенности.

В движении за Божий мир можно лишь обнаружить характерные черты пацифизма, которые в дальнейшем получают развитие на европейской почве. Речь идет прежде всего о его основных идейных постулатах — отрицании войны и провозглашении мира высшей ценностью, Божественным даром и главным условием сохранения человека как истинного творения Божия; поддержании мира как долге христианского человечества перед будущим (в данном случае этот тезис естественно приобретал эсхатологическую окраску). Утверждалась необходимость поддержания мира всеми доступными средствами, в том числе с помощью государства и системы договоров; а также личная и правовая ответственность договаривающихся сторон за поддержание мира. Общественная и личная безопасность провозглашались одним из главных компонентов Божьего мира, сохранения союза между богом и человеком. Звучали призывы к объединению различных сословий в борьбе за мир, к сохранению мира «всем миром», ненасилию по отношению к наименее защищенным членам христианской общины. Но нельзя забывать, что это первое европейское пацифистское движение отстаивало мир только для христиан, более того, только для истинных христиан (напомним, что, с точки зрения римско-католической церкви, даже греко-католическая церковь была еретической, что «оправдывало» разгром Константинополя во время четвертого крестового похода западным рыцарством), а все остальные никак не вписывались в концепцию Божьего мира и в этом отношении это был «сепаратистский» пацифизм, а не пацифизм в полном смысле интеграционный (до появления такового оставалось ждать тысячу лет), однако в перспективе он содержал возможность интеграционизма, что вполне закономерно обуславливалось его христианской природой.

Движение за Божий мир довольно скоро соединилось с набирающей силу борьбой за божью справедливость. Соче-

тание той и другой доктрин можно обнаружить, в частности, в клятве Роберта Благочестивого (996-1031).

В сущности поиски Божьего мира обернулись разрешением справедливой войны против тех, кто представлялся иным, врагом. Прежде всего, это те, кто находился вне христианского мира, затем те, кто мыслил иначе, чем правверные христиане, т.е. еретики, затем просто те, в ком усматривали опасность для себя, а потому отождествляли с силами зла. Справедливый, праведный характер войны, таким образом, обуславливался ее конечным итогом, причем не конкретной победой как таковой, а провозглашением восстановления Божьей справедливости. Война понималась как акт Божественного правосудия, как реализация Божественного права для наказания и исправления неправедных и для испытания праведников. Смысл справедливой войны — не захват и слепое отмщение, а праведный суд и исправление ошибок, возмещение ущерба не только в самом прямом, но и в высшем божественном смысле. В таком понимании война становится отражением грандиозной духовной битвы добра и зла, сражающихся за Божью справедливость против видимых врагов так же, как молящиеся сражаются с невидимым противником. Справедливая война священна, ибо является путем не только к земному миру, но к миру истинному, миру Божьей справедливости.

В 1095 г. на соборе в Клермоне папа Урбан II, благословляя «Мир божий» для всех христиан, призвал их к праведной, священной войне против неверных за освобождение Гроба Господня и главных христианских святынь. Так началась эпоха Крестовых походов. Религия, несшая слово любви и мира, стала оправданием противостояния двух миров — христианского и не христианского, вылившегося в многочисленные кровавые войны, приведшие к огромным человеческим жертвам.

Вместе с тем было бы слишком просто усмотреть в такой трансформации Божьего мира в священную войну крах миротворческой концепции церкви. Признавая всю сложность и неоднозначность этого процесса, следует все-таки отметить, что церковь попыталась определить и регламентировать как сам процесс войны, так и ее последствия, представляя ее как определенную, но все же ограниченную соответствующими установлениями, законами, правилами, этикой, форму выяснения отношений между людьми, форму тяжкую, постыдную и приносящую страдания, но все же такую, которая не должна превращаться в зверство (к сожалению, это пожелание очень часто оставалось совершенно утопиче-

ским). Постепенно складывались нормы, определявшие применение силы. Война, подчиненная высшим, божественным принципам, в идеале предполагала некую освящаемую этику, своеобразный кодекс войны, включавший элементы справедливого отношения к противнику и побежденным, проявление милосердия к более слабым. К сожалению, на практике все это реализовывалось очень редко. Однако именно в средние века были сформулированы основы той концепции справедливой войны, которая впоследствии нашла развитие в европейском политическом мышлении.

Средневековый мир был в сущности миром войны. Однако над этим военным и несправедливым миром в качестве абсолюта парила идея высшего мира и высшей справедливости. Это нашло отражение в многочисленных договорах о мире, заключавшихся в XII-XV вв. Самые воинственные государи неустанно твердили, что цель их деяний — мир. Изобиловавшие описаниями кровавых войн хроники тем не менее почти всегда содержали похвалы миру как антитезе войны. Феодалное общество, вступившее в стадию зрелости, несмотря на проявлявшуюся хаотичность его бытия, было обществом, тяготевшим к закону, прежде всего к высшему закону как реализации Божьей справедливости, и к праву, земному закону как к отражению Закона небесного. Общество, в котором царил произвол, в идеале видело себя правовым обществом, в котором все было бы регламентировано согласно Справедливости. Отсюда констатация воюющими сторонами своей приверженности миру как бы делала позицию каждой из них оправданной с точки зрения Божьей справедливости, Божьего закона и, следовательно, законной в правовом отношении. Любые притязания при таком оправдании должны были представляться законными и справедливыми. Таким образом абстрактный пацифизм становился оправданием законности средневекового милитаризма, облекая насилие покровом божественного и правового оправдания. Было бы нелепо осуждать такое положение с современных позиций или усматривать в нем сознательное двоемыслие. Напротив, противоречивость средневекового пацифизма скорее кажущаяся, внутренне же он органично стремится к единству.

Это особенно ярко проявилось в концепции средневекового схоласта XIII вв. Фомы Аквинского. Высший смысл всего, что предпринимается церковью, государством, состоит в том, чтобы помочь людям обрести спасение. Лучшей предпосылкой для спасения являются мир и единство: мир и единство государства и человеческого сообщества — как

внешние условия спасения; мир и единство души — как условие внутреннее. Однако сохранение мира и единства не осуществляется само по себе, они должны быть обеспечены целым комплексом усилий, и если говорить о мире внешнем, то — хорошим правлением, осуществляемым на основе естественного и человеческого права, в которых отразился Вечный Закон Бога. Чем морально совершенней человек, тем ближе он к вечному праву в своих побуждениях. То же можно сказать и о государственных образованиях. Спасение как достижение блаженства в Боге не может быть осуществлено лишь индивидуальными усилиями. Спасение — дело Бога. Лучший вид человеческого государства — монархия, ибо единство личности правителя является надежнейшим гарантом единства и стабильности государства. Иерархи церкви и светские монархи получают свою власть от Бога, их власть несет на себе отсвет божественный. Только сообщество, а точнее всемирное государство, управляемое им (теократия), может обеспечить земной мир, отражающий мир небесный, и обеспечивающий порядок и благоденствие народам и людям.

Аналогичную мысль можно обнаружить и у Данте, развившего идеи мирового государства, в котором должна царить Справедливость. Однако Данте мыслил мировое государство как светское, как своеобразную федерацию национальных государственных образований, образующих единое правовое государство. Только такое государство способно положить конец войнам и распрям и обеспечить всем мир и достойное человека существование. Мир же покоится на установленном порядке и соглашении, консолидирующем общество, мир — это состояние устроенного человеческого сообщества.

Французский юрист XIV в. Пьер Дюбуа, продолживший в ряде своих трактатов аверроистскую традицию, также выступил как идеолог мира. Показывая пагубность войны и разобщенности народов, он видел путь восстановления мира в создании объединенной христианской Европы. Мир, утверждал он, есть высшее благо для государства и народов. Чтобы установить мир в Европе, необходимо создать совет правителей европейских государств, а также международный суд, который бы по справедливости на основе международного права решал спорные вопросы. Всех, кто пытался нарушить мир, необходимо предать международному осуждению, применив к нему установленные карательные санкции. Предложенный Дюбуа союз европейских государств предполагал установление вечного мира, но формировался

он как образование, противостоящее не-христианскому миру, и следовательно, потенциально нес в себе военную направленность. Дюбуа не смог преодолеть столь характерную для средневековья сопряженность «мир — война», однако его идея христианской республики европейских государств оказалась весьма привлекательной для мыслителей XVII и последующих веков. Сходные идеи, сформулированные с яркой антипапской направленностью, составляли ядро трактата «Защитник мира» Марсилиа Падуанского, созданного в XIV в.

До сих пор мы рассматривали то, что можно назвать «идеологическими» концепциями мира. Но не менее важно обратить внимание на ряд аспектов представлений о мире, более «заземленных», связанных не столько с официальной культурой, сколько с народной, с массовыми представлениями средневековья. То, что мир был объектом упований и переживался как мечта о высшем благе, свидетельствуют источники разных жанров.

Вспомним, что лозунгом империи Фридриха Барбароссы были *Pax et Justitia* (Мир и Справедливость), которые на практике трансформировались в авторитет и дисциплину. Эта практическая политизация мышления прослеживается в так называемых мирах (договорах о замирании земель), получивших распространение в развитии средневековья на германских территориях. «Университетская» концепция мира преломлена через право, в том числе обычное, и интегрирована в систему вполне практических, житейских, обыденных представлений о мире. Показательно, что в недрах этого «мирного движения» складывались и конкретные формы сохранения социальной стабильности и своеобразного контроля над вооружениями. Земский мир представлял собой провозглашение через светский закон или договор чрезвычайных мер контроля над действиями феодалов, имеющий целью подчинение их имперской власти, предотвращение грабежа и насилия и обеспечение общего блага. Нельзя сказать, чтобы политика земского замирания была успешной. Война продолжала оставаться одной из главных реалий средневекового мира, в том числе и в германских землях, однако движение за земский мир дало интересные образцы активного миротворчества, не только поисков мира, что так характерно для средневековой ментальности, но и его воплощения на основе установления и сохранения порядка.

Эта идея порядка как главного условия мира очень характерна для иерархизированного и регламентированного средневекового общества. Вспомним одну из главных его

идей о трехчленном делении общества на молящихся, воюющих и трудящихся, которые до тех пор, пока их взаимоотношения строятся на основе установленного Богом закона, взаимно дополняют друг друга и обеспечивают стабильное существование общества, общественное благо. Как только в этих отношениях возникает диссонанс, взаимные претензии или желание вырваться из предписанных богом рамок для данного сословия, неизбежно происходит разрушение мира как гармоничного социального состояния. Нарушение порядка, малейшее отклонение от божественного закона немедленно порождает распад социального консенсуса, влекущий за собой и дестабилизацию мира. Однако только ли соблюдение закона и порядок обеспечивают мир?

Этот вопрос, очевидно, вставал и перед людьми средневековья. Еще в начале XI в. епископ Жерар из Камбре резонно заметил, что мир зависит в большей степени от возрождения человека, чем от разнообразных способов сохранения силой. Эта мысль звучит удивительно современно, но истоки ее уходят к началу первого тысячелетия, к Благой вести, завещавшей людям любовь. Любовь — основа единения людей, их согласия между собой, процветания человеческого сообщества и счастья каждого человека. Но по-видимому задача возлюбить своего ближнего, как самого себя, — самая сложная для осуществления. Не случайно Петр Абеляр упрекал своего противника Бернара из Клерво, автора знаменитого трактата «О любви к Богу», в том, что бога возлюбить легче, чем возлюбить человека. Провозвестником всеобщей любви в начале XIII в. стал человек, которого называли «вторым Христом» — Франциск Ассизский. Он проповедовал, что все люди братья, но братьями он называл и волка, и огонь, и птиц. Франциск считал, что любовь и неразрывные узы родства связывают все живое и неживое, все творения Божий. Эта живая связь, основанная на любви, и есть истинный мир. Св. Франциск давал людям исцеление от апокалиптического страха проповедью любви, и это было то самое нужное им милосердие, которого жаждали их души, уставшие от злобы, ненависти и отчаяния, разделяющих их. Отказавшись от всех земных благ во имя святой бедности Франциск подарил людям радость божественной любви, ставшей любовью человеческой. «Правила» Св. Франциска гласили: «Да остерегаются показываться печальными, внутри себя смутными и немощными, но да покажут себя веселящимися о Господе, ликующими и приветливыми». Однако Франциск стремился своей проповедью и к практическому замирению итальянских городов, обращался

с проповедью о мире и к турецкому султану. Но истинное величие Франциска в том, что своей жизнью и своим удивительным примером он показал, что Бог, который есть любовь пребывает в каждом своем творении и каждый человек может и должен обрести его в себе, ибо утеря Бога есть утеря человеком самого себя, толкающая его на гибельный путь.

Эта мысль также проявилась в учении Иоахима Флорского, проповедовавшего о трех царствах Богобытия в мире — в царстве Бога-Отца, царстве Бога-Сына и царстве Бога-Духа Святого. Для Иоахима чаяние мира сопряжено с чаянием нового Царства Святого Духа, истинный мир наступит по окончании великой битвы Христа и Антихриста.

Широко распространено мнение о пацифизме средневековых сект катаров, вальденсов и близких к ним. Это основывается прежде всего на том, что их последователи были противниками военной службы, осуждали убийство и насилие. Вместе с тем фундаментальным принципом их веры было признание великой борьбы между Богом и Дьяволом, светом и тьмой со свойственной манихейской традиции остротой. Они чувствовали себя духовными ратниками, отвергая реальную войну.

Элементы пацифизма содержались в учении английского проповедника Уиклифа (80-е гг. XIV в.), выступавшего за коренную реформу католической церкви. Будучи поборником социального мира, он считал, что в идеале христиане не должны воевать, но на практике допускал это, если войны велись из любви к Богу или с целью исправления людей. Его последователь Херефорд был более решителен в утверждении идеи мира, провозглашая, что «Иисус Христос, наш царь и водитель в битве, учил нас любви и терпению, а не кровопролитию».

XV век принес ренессансные идеи мира, в которых очень своеобразно преломились пацифистские воззрения предшествующих эпох, отразившие не только новое состояние умов, но прежде всего иное состояние общества и конфигурации власти. Он стал веком поисков европейского мира. Уже, казалось, брезжила его возможность, столь последовательно осмысленная в трактатах и проектах «вечного мира». Однако когда папа Пий II, поверив в возможность реализации этой идеи, захотел призвать христианских монархов в Мантую для заключения всеобщего мирного договора в 1459 г. перед лицом турецкой опасности, на встречу явился только сам инициатор. Европейские монархи остались глухи к его миротворчеству. Идея всеобщего мира еще не имела

реальной почвы. К ней предстояло идти мучительнейшим путем многовековых войн и огромных утрат. Человечество хотело мира, но совершенно не было готово к нему.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Платон. Тимей. 22 d.
- ² Вергилий. Георгики. II, 538-540 (пер. С.Шервинского).
- ³ Цицерон. Об обязанностях. I. XXV.
- ⁴ Boetii De consolatione philosophiae. I, m. V.
- ⁵ Иоан. 14, 27.
- ⁶ Матф. 27, 54.
- ⁷ Тим. II, 2, 3.
- ⁸ Коринф. II, 10, 3-4.
- ⁹ S.Ambrosii Epistula. XXV.
- ¹⁰ S.Augustini Epistula. CLXXXIX, 6.
- ¹¹ Cardini F. Alle radici della cavalleria medievale. Firenze, 1982. P. 136.
- ¹² Philostorgii Historia eccles. epit. II, 5.
- ¹³ Cossiodori Varia. III, 24.
- ¹⁴ Теодульф. Послание к королю. 37-44 (пер. М.Л.Гаспарова).
- ¹⁵ Select documents 800-1492 // Western Europe. Hubert. N.Y., 1967. P. 19, 20.

ДЖОРДЖ ФОКС, РАННИЕ КВАКЕРЫ И ПРОБЛЕМЫ ПАЦИФИЗМА

Т.А. Павлова

Квакеры наряду с Моравскими братьями и меннонитами-анабаптистами стоят у самых истоков современного западного пацифизма. Однако в отличие от первых двух деноминаций, идущих от традиций средневековых ересей, квакеры впервые сформулировали и обосновали в коллективных документах основные принципы мирной доктрины: неучастие в войнах, мятежах и вооруженной борьбе, неприменение оружия и физического насилия вне зависимости от цели и обстоятельств — т.е. те принципы, которые легли в основу пацифистской доктрины нового времени.

В оценках историками отношения ранних квакеров к вопросам войны и мира до сих пор нет единства. Долгое время исследователи всех направлений считали их безусловными приверженцами пацифистских воззрений. И только в 1956 г. Э. Коул в статье «Квакеры и Английская революция» впервые отметил: «Пацифизм не был характерной чертой ранних квакеров: он был навязан им враждебностью окружающего мира». Тридцать лет спустя Б. Рэй в своем основательном исследовании на ту же тему и с тем же названием пришел к выводу, что до 1661 г. «...невозможно говорить... о квакерах как о пацифистской группе по преимуществу» и что во взглядах самого основателя квакерского движения Дж. Фокса на проблемы войны и мира существовала определенная двойственность². Наконец, К. Хилл утверждает, что Друзья приняли доктрину мира и ненасилия только после реставрации монархии и что даже сам Фокс «не был приверженцем пацифизма до реставрации»³.

Все эти вопросы были подвергнуты детальному анализу в монографии Т. Кэнби Джонса «Отношение Дж. Фокса к войне». Автор приходит к выводу, что в своем личном поведении Фокс всегда, «с самого начала своего служения в 1647 г.», отвечал любовью и смирением на все насилия, гонения и избиения, которым он подвергался. Он никогда не отвечал ударом на удар, гневом на злобу и тем самым

одерживал духовные победы над своими гонителями, которые зачастую обращались в его последователей⁴.

Что касается антивоенной доктрины Фокса, то она вырабатывалась постепенно в течение всей его жизни. Т. Кэнби Джонс показывает, что еще до реставрации, до знаменитой «Декларации мира» 1661 г., Фокс утверждал в некоторых своих посланиях, что война и вооруженная борьба всякого рода — это происки дьявола и измена учению Иисуса Христа и что если внутренний свет любви и истины проснется в людях, то все основания для войн исчезнут сами собою⁵. В то же время в ранних своих произведениях Фокс не исключал самой по себе необходимости существования армии, солдат, оружия и властей, владеющих этим оружием, дабы «искоренять беззаконие», т.е. бороться с насилием⁶. Это значит, что пацифизм Фокса до 1660 г. не был абсолютным.

При всем уважении к подробному и очень доказательному исследованию Т. Кэнби Джонса отметим несколько положений, представляющихся особенно важными для нашей темы и не получивших в нем достаточного внимания. Прежде всего необходимо сказать об истоках и характере того откровения, которое пережил Дж. Фокс и которое обусловило его проповедь ненасилия.

Фокс родился в 1624 г. в деревне Фенни Дрейтон (графство Лестершир), в семье зажиточного ткача-пуританина и в отрочестве был отдан в обучение к сапожнику. Уже в ранней юности он задумывается о смысле жизни, взаимоотношениях человека и Бога, спасении души. Он осознает, что «Бог, создавший мир, не обитает в храмах, сделанных [человеческими] руками... но пребывает в сердцах человеческих». Из этого следовал вывод, что «Господь сам будет учить свой народ», без помощи возвращенных в Оксфорде и Кембридже теологов. Наконец, в возрасте 24 лет он получает откровение свыше. «Есть некто, — сказал голос внутри него, — сам Христос Иисус, кто может ответить на твои искания»⁷. Из этого следовал вывод: непосредственный религиозный опыт («Христос внутри») существеннее, истиннее любых написанных или произнесенных слов, любого учения, толкования, писания. Даже Священное Писание, которое Фокс хорошо знал и почитал, отходит для него на второй план и является меньшим авторитетом, нежели непосредственное религиозное откровение.

Ему открывается также, что природа зла, проявляющего себя в этом мире, «находится внутри, в сердцах и душах злых людей». И хотя жизнь человеческая полна зла, греха и отчаяния, но бесконечная любовь Бога к человеку побеж-

дает. «И я увидел также океан тьмы и смерти, но бесконечный океан света и любви затоплял океан тьмы. И в этом также узрел я бесконечную любовь Божью»⁸.

Основу основ духовного учения Фокса составляет доктрина внутреннего света, божественной искры, живущей в каждой душе. В противовес протестантско-кальвинистской догме об изначальной избранности одних и вечном проклятии, тяготеющем над другими, Фокс подчеркивает полное равенство всех перед Богом. Именно оно дает возможность каждому человеку, как бы глубоко ни погряз он в грехах и как бы ни был он далек от идеала христианской жизни, покаяться, обратиться и очиститься, став подлинно сыном Божиим. И оно же запрещает всякое нанесение вреда, насилие и убийство, ибо оскорбляя или нанося вред любому человеку, мы оскорбляем Христа, пребывающего в каждом.

Фокс верил также, что в человеке идет постоянная борьба между добром и злом, светом и тьмой, Богом и Сатаной, духом и плотью. В проповедях своих он призывал противиться духу злобы и вражды, стремиться к внутреннему миру и ни под каким видом не прибегать к плотскому оружию, а лишь к «оружию духа». «Эта борьба за свет и против тьмы, — замечает Т. Кэнби Джонс, — пронизывает все верования Фокса и служит важным этическим основанием для его отказа от войны»⁹.

Следует отметить, что за исключением мирной декларации, о которой речь будет ниже и которая появилась уже после реставрации, Фокс не посвятил специального труда вопросам миротворчества и отказа от войны как способа решения конфликтов. В то же время он с самого начала своей деятельности выражал отношение к этим вопросам вполне определенно. В его дневнике, многочисленных трактатах и посланиях содержится призыв к ненасилию и отказу от любых видов плотской борьбы.

Причиной войн и вражды он считал дьявола, также обитающего в душе человека и проявляющего себя в его вожделениях, похотях, алчности, гордыне и нарушении евангельской этики. В послании № 154 (1657 г.) он пишет Друзьям: «Все войны и раздоры происходят от вожделений... Так, дух мира сего вожделеет к зависти, он вожделеет к ссоре, он вожделеет к спору, он вожделеет против духа Божья: вожделения ока, тщеславная жизнь, вожделения плоти, облеченные в плоть, покрытые плотью, не духом, — таковы нечистые, следующие за вожделением, не за Агнцем, и живут они в том, из чего проистекает война, в раздорах и спорах... Отвращайтесь от того, откуда поднимаются споры и

раздоры и войны, плоды тех, кто живет в вожделениях...»¹⁰. Соответственно путем к миру служит борьба с «дьяволом внутри» и обретение той силы, которая «устранит основания для всяческих войн». Если мы пребываем в Слове Божьем, пишет он в 1654 г., «это устраняет основания для войн и, собрав наши сердца вместе, ведет их к Богу и друг к другу и приводит к тем началам, которые существовали прежде всех войн»¹¹. Другими словами, внутренняя битва, война с самим собой устраняет причины войн в обществе в целом. Обращаясь к офицерам и солдатам в 1657 г., он так и пишет: «Итак, начните внутреннюю войну, которая устранит причины внешней, посредством чего вы все сможете прийти к истинному пониманию, как отвечать тому, что от Бога в каждом»¹².

Таким образом, первый способ устранения войн и их причин, «самых их оснований», для Фокса носит по преимуществу этический характер: борись с собственной греховной природой, говорит он, откажись от алчности, зависти, гордыни и себялюбия, исполняй евангельские заповеди — и с причинами войны в мире сем будет покончено.

Однако есть и еще одна, мистическая сторона в его подходе к этой теме. Исследование Д. Гуина показало, что воззрения Фокса носили с самого начала апокалипсический и эсхатологический характер. За видимыми событиями и поступками людей он постоянно ощущал невидимую космическую брань сил добра и света с силами зла, Агнца с Драконом. Эта «война Агнца», постоянно ведущаяся со всем ожесточением на духовном плане, приводила, по его убеждению, к войне и ожесточению в мире видимом. Собственно, «пребывание в свете», духовное участие в борьбе на стороне Агнца приведет силы Света к победе. Еще в 1652 г. Фокс писал: «Миротворец имеет царство и пребывает в нем; и властвует над нарушителем мира, дабы утихомирить его властью Божией»¹³. Ибо «всякое пребывание в свете, который исходит от Иисуса, выводит из состояния войны, выводит из раздоров, выводит из причин войн и ведет от земли к небесам, от приземленности духа к воспарению духа и приводит ваш дух на небеса»¹⁴.

Духовно-нравственная проповедь Фокса указывала пути к преодолению войны или враждебности людей по отношению друг к другу. Эта проповедь повторяла основные евангельские истины. «Во времена закона, — писал он в 1656 г., — среди иудеев велась внешняя борьба; но во времена благовестия Христа Иисуса, который пришел, дабы свершить закон, они должны были любить врагов, а не убивать их; и

любить тех, кто ненавидел их, но не убивать их»¹⁵. Однако и здесь Фокс опирался больше на дух, чем на букву Нового Завета. Он призывал заключить «завет мира», который означал бы подчинение «царскому закону любви». Т. Кэнби Джонс так обозначает содержание этого закона: следует любить врагов и молиться за гонителей, как велел Христос; следует принять страдание и проявлять терпение; следует быть уверенным, что Бог допускает гонения и страдания лишь постольку, поскольку это необходимо ради истины и очищения человека. Ибо тот, кто страдает, одерживает в конце концов победу, которая приводит к вечному миру¹⁶.

В реальной деятельности квакеров такое понимание задачи миротворчества выражалось в призывах к представителям власти и солдатам армии: «Чтобы вы не обвиняли никого понапрасну, чтобы вы не чинили насилия ни одному человеку, и чтобы вы соглашались с размером вашего жалованья; так, чтобы вы понимали, на что вам дан меч, и чтобы он опускался на головы всех, кто чинит насилие, и на лживых обвинителей...»¹⁷.

Всякое иное насилие и войны Фокс решительно осуждает. Особый гнев вызывают у него религиозные войны, которые велись между сторонниками различных христианских конфессий. Вспомним, что и гражданские войны в Англии осознавались многими как войны правоверных — пуритан — против ложной веры сторонников епископата. Кромвелевские солдаты ощущали себя мечом Божиим, карающим нечестивых и расчищающим путь духовному Израилю — английскому народу — к земле обетованной. Фокс же пишет с сарказмом: «Прости нам, как мы прощаем им, вопиют паписты, вопиют епископалы, вопиют пресвитериане, и баптисты, и индипенденты, вопиют и повторяют молитву Господню: 'Прости нам наши долги и прегрешения, как и мы оставляем тем, кто прегрешает против нас'; а потом, словно стадо неразумных людей без понятия ввязываются в драку один против другого по поводу их прегрешений и долгов... и хватают братьев и сослужителей своих за горло по поводу религии, которая в молитвах говорит: прости им, как мы прощаем им...»¹⁸.

Поскольку, согласно учению Фокса, каждый человек может очиститься от греха и подчиниться Божьему водительству внутри себя, мир на земле, жизнь без войн, во взаимной любви всех людей казались ему вполне возможными. Именно вера в реальность преодоления греха обуславливала исторический оптимизм Фокса. В этот первый период своей деятельности, до поражения революции, он утверждал: «И

те, кто собрались здесь, узнают мир и конец войны, и [увидят], как причины войн устранятся... И не будет истинного мира, пока они не придут к царству, которое стоит в радости, в мире, в справедливости... И те, кто сделаются свободными от греха и мертвыми для него и не смогут более жить в нем, те узрят мир...»¹⁹.

Уже на этих примерах видно, что в учении Фокса проповедь мира, ненасилия, любви к врагам и т.п. отнюдь не носила квиетистского характера, не была пассивным «непротивлением». Наоборот, он постоянно призывал активно противостоять злу, бороться с ним, одолевая его в неустанной внутренней битве. Однако признавал в этой борьбе только один вид оружия — духовный. Он решительно отвергал всякую «плотскую борьбу» и подчеркивал незаконность материальных орудий убийства. «Все, кто претендует на [веру в] Иисуса Христа и исповедуют его, и все же соглашаются использовать плотское оружие, сражаясь с плотью и кровью, — писал он, — отбрасывают духовное оружие»²⁰. Это утверждение основывалось на известных словах апостола Павла²¹.

В кризисный год Второй республики Фокс в посланиях к Друзьям напоминал им: «Вы мертвы для всякого оружия плоти, и разбили его на куски, и стоите на том, что устраняет всякие причины войн, и в той силе, которая спасает человеческие души и ничего не разрушает»²².

Только за светской исполнительной властью Фокс признавал право употреблять «убивающее плоть и кровь» оружие, и то не во всех случаях. В уже цитировавшемся обращении «Ко всем офицерам и солдатам» 1657 г. он призывал их и всех вообще правителей и представителей власти употребить свой меч против тех, кто чинит насилие. Тем самым он признавал за солдатами право употреблять силу, только исполняя полицейские функции. И здесь он опирался на известный текст из Послания к Римлянам: «Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Римл.13.4-5).

Т. Кэнби Джонс ставит в связи с этим два важных вопроса, касающихся воззрений Фокса на проблему войны. Во-первых, предполагает ли признание им возможности и справедливости существования светской власти, вооруженной «карающим мечом», согласие участвовать в оборонительной «справедливой войне», если это необходимо и если власть

того требует? Во-вторых, «тот факт, что Фокс признавал за магистратами земную полицейскую власть, является важным свидетельством того, что он не был столь духовно настроен относительно власти и оружия, к которым он призывал, чтобы не связывать²³ это практически с человеческими институтами власти».

Размышляя над этими вопросами, следует отметить, и Т. Кэнби Джонс признает это, что Фокс определенно различал между тем, что следует отдавать Богу и что — кесарю. Он постоянно подчеркивал, что высшей властью и авторитетом во всех делах, в том числе и государственных, является Иисус Христос, и властям следует подчиняться только тогда, когда они действуют в согласии с «духом Христа». А любая война противна «духу Христа», духу любви и мира, и поэтому ответ на первый вопрос — допускал ли Фокс «справедливую войну»? — будет отрицательным²⁴. Что касается второго вопроса — об отношении Фокса к характеру и функциям государственной власти — то он заслуживает специального исследования²⁵. Здесь напомним только, что Фокс всегда делал упор на совершенствование внутренней жизни человека, целью которого явится и безгрешная жизнь во внешнем мире, — жизнь, которая устранил всякие причины для войны и насилия. Показательно следующее высказывание: «Что касается правителей, которые должны хранить мир, ради мира и утверждения истины, — то отдавайте им должное. Но носить плотское оружие, чтобы им сражаться, люди мира (которые живут в том духе, который устраняет всякие причины войны) не должны вовлекаться в это разными властями; но просто отдавать должное»²⁶.

Таким образом, Фокс все же словно бы разделял людей на «мирских», обычных, живущих по законам мира сего, и «детей света», «людей мира», которым следует жить по своим особым, духовным законам, подчиняясь мирскому начальству лишь постольку, поскольку оно действует в духе евангельского учения.

В период до реставрации Фокс сделал несколько определенных письменных заявлений, подтверждающих его мирные убеждения. Первое из них относится к марту 1655 г., когда по требованию самого Кромвеля он написал: «Я... отрицаю ношение или поднятие любого плотского меча против кого бы то ни было или против тебя, Оливер Кромвель, или против любого человека. Я заявляю это в присутствии Господа»²⁷. И далее: «Мое оружие — не плотское, но духовное, и "царство мое не от мира сего", и потому я не сража-

ую плотским оружием и мертв для таких вещей... И я готов запечатлеть это моею кровью»²⁸.

В 1659 г., в год кризиса и постоянных смен правительства когда квакеры были особенно активны, Фоксу опять было предложено вступить в армию, на этот раз в чине полковника. В связи с этим он написал два послания к Друзьям, где определенно заявил о своих мирных принципах. В первом из них говорилось: «Все Друзья, повсеместно, воздерживайтесь от смут и волнений и оружия плоти, ибо все это удел сынов Адама падшего, когда разрушают человеческие жизни, словно псы, и звери, и свиньи, бодая, разрывая и кусая друг друга и разрушая друг друга, и сражаясь плотью и кровью... Вы призваны к миру, и потому следуйте ему, а этот мир — во Христе, не в Адаме падшем. Все те, кто делают вид, что сражаются за Христа, — обмануты, ибо Его царство не от мира сего, а потому слуги Его не сражаются... Все Друзья... живите в мире, во Христе, пути мира, и в нем ищите мира всем людям и никому не наносите вреда»²⁹. Этот документ содержит в себе все главные положения учения Дж. Фокса о мире: причинами войн являются человеческие вожделения; Христос спасает человеческие жизни, а не разрушает их; Он велит любить врагов и не противиться злу насилием; те, кто воюет, нарушают Евангельские заповеди и отбрасывают единственно возможное для христиан и единственно действенное духовное оружие; чтобы искоренить причины внешних войн, надо каждому побороть в себе грехи и вожделения и стремиться жить в любви и мире со всем родом человеческим³⁰.

В том же году осенью, когда к власти пришла офицерская хунта — «Комитет безопасности», некоторым квакерам были предложены высокие посты в армии. Большинство из них отказались. По этому поводу Фокс написал еще одно послание, предостерегавшее Друзей от участия в любой борьбе за власть и в «прочих мирских делах» и призывавшее их вооружаться духовным оружием и бороться за стяжание царствия небесного³¹.

Эти документы не оставляют никаких сомнений в том, что миротворческое учение Фокса сложилось еще до знаменитой «Мирной декларации» 1661 г. и что жизнью своей он постоянно и неуклонно доказывал готовность следовать этому учению на деле.

В целом мирная доктрина Фокса в 1648-1660 гг. переживала период становления. Но с самого начала и произведения его, и поведение, и самый дух его учения носили определенно мирный, ненасильственный характер. Пацифистское

мироощущение содержалось как зерно в его учении и проявлялось в его действиях, осознанно или неосознанно, но вполне определенно. Сформулировать эту идею, обосновать ее и сделать обязательным принципом квакерского вероучения Фоксу и другим квакерам удалось позднее, уже после реставрации монархии.

В таком же зачаточном виде мирная доктрина содержалась в произведениях других ранних квакеров — У. Дьюсбери, Дж. Нейлора, Дж. Парнелла и др., а также вождя ле-веллерского движения Дж. Лилберна и вождя диггеров, автора социальной утопии «Закон свободы» Дж. Уинстэнли; оба они в конце жизни стали квакерами.

Реставрация монархии в 1660 г. принесла квакерам, как и другим участникам революции, жестокие преследования. Однако в отличие от большинства народных сект и движений революционной поры они не ушли в подполье, не свернули свою активность и не перешли, подобно «людям Пятой монархии» к открытым бунтарским действиям. По справедливому замечанию К. Хилла, только они, да еще гениальный слепец Джон Милтон не склонили головы перед репрессиями восстановленной монархии и продолжали выполнять³² свою социальную и духовно-этическую программу. Но для выполнения этой программы им требовалось показать свою лояльность и миролюбие, дабы избавить себя от ложных обвинений и наветов. И надо сказать, что уже к началу 1660 г. многие квакеры определенно выражают свои пацифистские наклонности и призывают к миру. Вот что пишет, например, А. Паркер в январе 1660 г.: «Мой совет и настояние — чтобы каждый из вас, кто любит и верит в свет, был тих и мирен, и не участвовал бы ни в каких партиях... и свидетельствовал бы против зла, в чем бы оно ни проявлялось, не так, как дети мира сего, воюющие плотским оружием против плоти и крови, дабы разрушить человеческие жизни, но как христиане — духовным оружием сражаясь против духовных пороков»³³.

Однако мирные декларации и призывы не помогали. Сразу по возвращении короля, в конце мая или начале июня 1660 г. Дж. Фокс был арестован и препровожден в тюрьму в Ланкастере как «подозреваемый в том, что является постоянным нарушителем мира в этом народе, врагом королю и главным зачинщиком квакерской секты, и что он, вместе с другими такими же фанатиками, недавно попытался поднять восстание в этих областях страны и ввергнуть все королевство в кровопролитие»³⁴. В это же время был арестован А. Паркер и многие другие квакеры.

Эти аресты в первую очередь побудили Друзей заявить о своем миролюбии — ведь им предъявлялись обвинения в попытке поднять восстание и нарушить мир в нации. В ответ на это верная последовательница Фокса, впоследствии ставшая его женой, Маргарет Фелл написала в письме к властям, причастным к заключению Фокса в тюрьму, что он не виновен ни в одном из тех преступлений, которые ему приписывают. Она отправилась в Лондон, добилась свидания с королем и заявила ему, что готова «жизнью своей поручиться за миролюбие и спокойствие всех Друзей и за их веру»³⁵. Она составила «Декларацию Божьих людей, именуемых квакерами», которую подписали, кроме нее, 13 ведущих Друзей (сам Фокс, Р. Хабберторн, С. Фишер, Дж. Стеббс и др.) и которая была лично вручена Карлу 22 июня. В ней говорилось: «Мы — люди, которые следуют принципам, ведущим к миру, любви и единству; мы желаем, чтобы и другие шли таким же путем, и мы отвергаем и свидетельствуем против всякой борьбы, войн и раздоров... Наше оружие не плотское, но духовное»³⁶.

В это же время заключенный в тюрьму А. Паркер писал королю: «Я твердо намерен охранять, а не нарушать, мир короля и всех людей Англии... И подобным же образом [охранять] все добрые и полезные законы Англии, которые основываются на истине и равенстве, которые согласны с законными Христа». Наконец, сам Фокс пишет из Ланкастерской тюрьмы письмо королю. В нем он решительно отвергает всякие обвинения в попытке поднять оружие против Кромвеля, короля Карла или «любого иного человека на земле», ибо его «оружие духовно, и оно устраняет причины войн и ведет к миру». Он утверждал также, предвосхищая знаменитую квакерскую Декларацию о мире 1661 г.: «Что касается мира этой нации, то я не нарушитель его, но стремлюсь к миру в ней и во всех людях, и стою за мир всех наций и всех людей на земле...»³⁷.

Таким образом, мирная доктрина квакеров была высказана со всей определенностью уже в первые месяцы реставрации. Вопреки утверждению К. Хилла, она не являлась «совершенно новой»³⁸ для Друзей, ибо идейные основы ее были заложены уже в самом их учении.

С реставрацией начался новый период в истории квакерского движения. Утопические надежды на скорый приход царства мира и справедливости не осуществились. Их место заняла конкретная работа по строительству организации и дисциплины, по оформлению движения религиозных энтузи-

астов в «Общество Друзей». И именно в этот период складывается их пацифистская доктрина.

Ее оформлению в немалой мере способствовали преследования со стороны властей и продолжавшиеся выдвигаться против квакеров обвинения в «замышлении мятежей и беспорядков». Но существовало и еще одно обстоятельство, подтолкнувшее квакеров к тому, чтобы торжественно объявить о своих мирных принципах. Этим обстоятельством было восстание в январе 1661 г. «людей Пятой монархии», религиозных и политических экстремистов, старавшихся активно способствовать установлению «Пятой монархии» — Тысячелетнего царства Христа и его святых на земле. 6 января 1661 г. ближе к полуночи 35 человек вышли с оружием в руках из своего молельного дома в Лондоне с криками «Король Иисус! Король Иисус! К оружию!» и терроризировали весь город в течение четырех дней. Мятеж был жестоко подавлен, и репрессии распространились на квакеров. 12-го вечером был арестован Дж. Фокс, все еще находившийся в Лондоне, а на следующий день, в воскресенье, произведены массовые аресты среди Друзей прямо во время их молитвенного собрания.

Паника, поднявшаяся в городе и во всей стране в связи с восстанием «людей Пятой монархии», усилила подозрительность и по отношению к квакерам. Их вновь стали арестовывать повсюду по обвинению в причастности к мятежу и в подготовке новых диверсий. Тюрьмы заполнились тысячами Друзей, их собрания наряду с собраниями баптистов и других сектантов были запрещены³⁹.

На этот раз устных заверений Маргарет Фелл и Томаса Мура, сразу же добившихся аудиенции у Карла II, было недостаточно. И через несколько дней, в январе 1661 г., последовала общеизвестная «Декларация о мире», подписанная Фоксом, Р. Хабберторном и другими квакерами. 21 января она была представлена королю и его совету. Декларация была воспринята как квакерский манифест и до сих пор остается официальным документом, выражающим отношение квакеров к вопросам войны и мира и к властям предрежащим.

Документ носил название «Декларация безобидных и безвинных людей Божьих, именуемых квакерами, против всех заговорщиков и бойцов в мире». Она заявляла, что принципом квакеров и их практикой всегда было стремление к миру и справедливости. «Мы знали, — писали авторы, — что войны и сражения происходят из похотей людских (Ин. 4.1-3), от коих похотей Господь искупил нас и

тем самым — от всяких причин, порождающих войны... Все кровавые принципы и деяния мы... полностью отрицаем, вместе со всеми внешними войнами, и враждою, и сражениями внешним оружием, какой бы целью и под каким бы предлогом они ни совершались. И это — наше свидетельство перед всем миром»⁴⁰.

На возможное возражение, что если дух поведет их, они возьмут мечи и станут сражаться за царствие Христово, авторы отвечали соответствующими цитатами из Евангелия и Откровения св. Иоанна и заключали: «Таким образом, царство Христово не от мира сего, и потому рабы его не сражаются»⁴¹.

Квакеры отвергали всякую вооруженную борьбу, даже «за дело Христово или за установление его царства и правления», также основываясь на соответствующих идеях Писания. «Мы определенно знаем, — утверждали они, — и свидетельствуем перед миром, что дух Христов, который ведет нас ко всякой Истине, никогда не подвигнет нас сражаться и воевать внешним оружием против какого бы то ни было человека ни за царство Христово, ни за царства мира сего»⁴².

Цель свою в здешнем мире они определяли следующим образом. Мы желаем, писали они, чтобы «путем работы Божией в сердцах человеческих» земные царства могли стать «царствами Господними», и чтобы Христос правил в них своим духом и Истиной, так чтобы все люди объединились в любви к Богу и друг к другу. Это не значит, что квакеры выступали за теократическое государство. Их стремлением было пробудить души человеческие к «божьей работе», и тогда, верили они, Христос, правящий в сердцах людей, будет достойным образом править и в земных государствах.

Декларация заявляла также, что квакеры никогда никому не причинили зла, «не использовали силы или насилия против кого бы то ни было», не участвовали в заговорах и мятежах. «Когда с нами поступали несправедливо, — писали они, мы не искали отмщения, мы не сопротивлялись властям, а там, где совесть не позволяла нам повиноваться, мы предпочитали претерпеть страдания более, чем кто-либо другой в этой нации». Они перечисляли преследования, которым подвергались все эти годы («нас били, побивали камнями, ранили, бичевали, бросали в тюрьмы, изгоняли из храмов, бросали в казематы» и т.п.) и подчеркивали, что не отвечали на это насилием, но покорно сносили все, подставляя мучителям свои «волосы, спины и щеки»; многие умирали»⁴³.

Декларация завершалась утверждением, что все, кто составляют заговоры и поднимают восстания, принадлежат к тому несправедливому миру, который в свое время привел к закланию Агнца Божия. Мы же, писали квакеры, принадлежим к иному, горнему миру, и «оружие наше духовное, а не плотское, но весьма могучее и способное сокрушить оплот Сатаны, творца войн, борьбы, убийства и заговоров... И все заговоры, восстания и мятежные сборища мы отвергаем, зная, что они — от дьявола, человекоубийцы, над которым мы во Христе... одержим победу. И все войны и борьбу плотским оружием мы, имеющие духовный меч, отвергаем»⁴⁴.

С момента выпуска в свет этой декларации можно считать, что пацифизм стал неотъемлемой и характерной частью идеологии Общества Друзей.

Вслед за декларацией 1661 г. появились квакерские трактаты, провозглашающие и обосновывающие мирную доктрину. Среди них следует упомянуть трактаты Э. Бэрроу, А. Пеннингтона, У. Смита, У. Бэйли. Однако наиболее ясно и последовательно она была обоснована в фундаментальной книге Роберта Баркли «Апология истинного христианского богословия», вышедшей в 1676 г. на латыни в Амстердаме. В течение двух веков эта книга оставалась основным учебником квакерской веры и практики жизни по всему западному миру. Апология включала разделы о Писании, грехопадении человека, об откровении, об искуплении, об оправдании, богослужении, крещении, отношении к гражданской власти и пр. Изложение отличалось ясностью, логикой и было насыщено ссылками на библейские тексты.

Мирная доктрина наиболее полно изложена и аргументирована Баркли в тезисе 15 — «О суетных и пустых обычаях»; однако Баркли уделяет ей внимание и в других главах «Апологии». Прежде всего следует отметить, что мир выступает у него как одна из высших человеческих ценностей. О мире должны заботиться старейшины в общине, мир является первым плодом работы внутреннего света в сердце, мир сопровождает тех, кто творит добро и следует истине⁴⁵.

Собственно, внутренний мир, являющийся плодом откровения, обращения к истине и свету чистого христианского учения, не испорченного позднейшими наслоениями, и являются для Баркли, как и для Друзей вообще, основной идейной опорой мирной доктрины. Недаром тезису о войне и насилии как «суетных и пустых обычаях» предшествует подробное изложение квакерской теологии.

Война и насилие являются для Баркли одним из безусловных зол на земле. Они полностью противоречат христианскому учению. Причинами войны Баркли считает неуважение к христианскому нравственному закону, из-за чего «мир наполняется насилием, угнетением, убийством, наругательством, грабежом, разрушением, огнем и мародерством, а также всеми видами жестокого и похотливого поведения»⁴⁶. Подобно Фоксу и Уинстэнли, он считает человеческую жадность, вожделения плоти основой насилия. Общим источником для таких утверждений являлось опять-таки Писание, в частности известный стих из соборного послания Иакова: «Откуда у вас вражды и распри? Не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих в членах ваших?» (Иак. 4.1). Те, пишет Баркли, кто, по слову апостола Павла, «распяли плоть со страстями и похотями» (Гал. 5.24), не могут дать вовлечь себя в войну⁴⁷.

Хорошо знающий ветхозаветную историю, наполненную, как известно, всякого рода вооруженными конфликтами и кровавыми расправами, Баркли проводит четкое различие между ветхозаветными и новозаветными этическими принципами. То, что было возможно и законно для древних иудеев, — пишет он, — не годится для христиан. Моисеев закон разрешал отмщение и не запрещал войны. Но войны древних иудеев против диких племен «как бы символизировали собой внутренние войны, путем которых истинные христиане побеждают своих духовных врагов — дьявола, мир сей, плоть»⁴⁸. Кроме того, некоторые жестокости были разрешены иудеям в те древние времена «по причине их жестокосердия»⁴⁹. Но даже у ветхозаветных пророков Исаии и Михея имеются призывы «перековать мечи на орала и копья на серпы» и прекратить войны и насилия (Иса. 2.4; Мих. 4.3).

Отрицание войны и всяческого насилия Баркли аргументирует исключительно новозаветными текстами; и здесь главную роль играет, конечно, Нагорная проповедь, диалектически противопоставляющая иудейский Закон и христианскую Любовь. Здесь и знаменитое указание не противиться тому, кто делает тебе злое, но подставлять ему другую щеку для удара (Мф. 5.38-48), здесь и требование «любить врагов и молиться за обидчиков», и призывы к смирению и терпению. Соответствующие евангельские цитаты повторяются много раз, и вывод Баркли однозначен: как невозможно примирить Бога с дьяволом, Христа с антихристом, «так же невозможно примирить войну и отмщение с христианской жизнью»⁵⁰. То же доказывается и с помощью текстов апостольских посланий. Кроме того, знавший патристику Барк-

ли упоминает и цитирует творения Юстина Мученика, Тертуллиана, Климента Александрийского и других христианских писателей первых трех веков нашей эры, которые буквально следовали учению Христа и отрицали всякое употребление оружия, всякое насилие и войны.

Но более всего, в согласии с квакерской традицией, Баркли опирается не на букву, а на дух христианского учения. Царство духа — не от мира сего, и потому те, кто принадлежит к этому царству, не должны сражаться и воевать оружием плоти. Человек, сотворенный по образу и подобию Бо-жию, рассуждает Баркли, — когда участвует в войне, напоминает дикого зверя. Сажающиеся «становятся рыкающими львами, терзающими тиграми, пожирающими волками и дикими вепрями, а не созданиями, наделенными даром разума. Не поразительно ли, что эти жуткие монстры находятся среди тех, кто объявляют себя учениками нашего Господа Иисуса Христа? Несмотря на то, что он, кого по праву называют Царем мира (покою — *Т.П.*), совершенно ясно воспретил своим детям совершение любого насилия, таковые находятся среди подстрекателей к вражде. Он же приказал им делать как раз обратное. По примеру его они должны следовать путями терпения, милосердия, прощения и других добродетелей, достойных христианина»⁵¹.

При этом Баркли понимает, что пассивное непротивление злу может привести к весьма пагубным последствиям. «Есть возражение, — пишет он, — что защита является естественным правом и религия не разрушает природу». На это он отвечает, что послушание евангельским заповедям не разрушает природу человека, а укрепляет ее и совершенствует. Такое послушание «поднимает нас от естественной к сверхъестественной жизни»⁵².

Принадлежащий к более молодому поколению квакеров и обладавший большей ученостью, чем Фокс или Бэрроу, Баркли обращается также и к доводам разума, показывая с помощью чистой логики, что война неразумна, приносит людям большие несчастья и разорение и превращает их в злобных, не помнящих себя зверей. Дж. Натталл называет это «ренессансной струей в квакерстве»⁵³; однако представляется, что это скорее влияние тенденций раннего английского Просвещения, уже давшего о себе знать во второй половине XVII в. Вот пример используемой Баркли аргументации такого рода: «Если сражаться за внешние и тленные вещи, поднимать войну друг против друга, даже против тех, кого мы никогда не видели и с кем никогда не ссорились и вообще не имели ничего общего, ничего не зная о причинах

войны, которую власти каждой страны раздувают друг против друга, причины которой в основном не известны сражающимся солдатам, как и то, на чьей стороне лежит правда или неправда, и все же заражаясь такой злобой и ненавистью друг против друга, что все вокруг может быть разорено и разрушено для того, чтобы отменить одну форму богослужения и установить другую... — если творить все это и подобные вещи означает выполнять закон Христа, то наши противники — действительно верные христиане, а мы (квакеры — *Т.П.*) — жалкие еретики, позволяющие себя разорять, тащить в тюрьму, изгонять, избивать и жестоко обходиться с нами безо всякого сопротивления»⁵⁴.

Именно такого рода аргументация становится характерной для квакерских пацифистских трактатов много позднее, в XIX и XX вв. Она, по мнению П. Брока, отличает апологетов квакерского пацифизма от пацифизма других религиозных течений, таких, например, как менониты⁵⁵.

Наиболее трудной проблемой во все века существования пацифистской идеи является вопрос о сопротивлении насилию и в связи с этим — о роли гражданских властей и возможности участвовать в их деятельности. Выше уже отмечалось некоторое противоречие, которое существовало на этот счет в воззрениях Фокса. Р. Баркли тоже не свободен от подобных противоречий. Мы видели, что он говорил о возможности самозащиты и отмщения для людей Ветхого Завета, в дохристианские времена. Что касается нескольких темных мест в Евангелии (там, например, где в рассказе Луки, 22.35-36, говорится о покупке меча), то Баркли считает их чисто символическими, не буквальными⁵⁶. Он признает, что это место трудно для понимания и подвергалось различным интерпретациям, однако его собственное мнение однозначно: «использование оружия незаконно для христиан»⁵⁷.

Баркли рассматривает и другое возможное возражение мирной доктрине; согласно ему, Евангелие и отцы Церкви запрещали лишь личное отмщение, а не использование оружия вообще — для защиты родной страны, своей личности, семьи или имущества. Поэтому когда правительство приказывает защищаться, следует повиноваться, ибо христианство учит подчиняться властям. На это Баркли отвечает, что если правитель является воистину христианином, то он прежде всего должен подчиняться принципу «любите врагов своих». «Тогда, — продолжает он, — для него станет невозможным приказывать нам их убивать. Если же он не является воистину христианином, тогда и он и мы должны подчиняться Иисусу Христу, нашему Господу и царю»⁵⁸.

Однако Баркли сознает всю невозможность такого поведения со стороны правителей. Он приводит превосходное изречение И. Л. Вивеса (1422-1540), испанского теолога и критика схоластики, друга Эразма, где говорится о том, что правитель приводит вместе с собой на престол свою гордость, свою знатность, свою честь и свое оружие как непрменный атрибут этой чести, т.е. «приносит с собой дьявола в дом Христов», и потому невозможно для него поступать по-христиански. «Действительно решающим аргументом, — заключает Баркли, — является, однако, то, что нет ничего более противного человеческой природе, чем отказ защищаться. Но поскольку это так трудно для людей, это является одним из наиболее совершенных моментов христианской веры»⁵⁹. Следовательно, Друзья должны в этих случаях подчиняться Богу, а не людям.

Специальный параграф «Апологии» посвящен вопросу о так называемой «справедливой войне». Баркли признает, что хотя большинство из европейских правительств можно считать христианскими, однако они далеки от христианского совершенства и, хотя и исповедуют веру Христову, все же «не пришли еще к чистому евангельскому порядку». Поэтому для них война, ведомая во имя справедливости, не может считаться полностью незаконной. В ветхозаветные времена иудеям разрешались некоторые вещи, которые были отменены потом Новым Заветом. В некотором смысле и современные христиане представляют собой «смесь старого и нового». Они еще не достигли «терпеливого страдающего духа» и «поэтому они не могут оставлять себя незащищенными до тех пор, пока не достигнут этой степени совершенства»⁶⁰.

Баркли, таким образом, приходит к вполне реалистичному компромиссу. Сильные мира сего и многие из народа не готовы еще к героизму, которого требует совершенная вера и совершенное непротivление. От них он такого непротivления и не требует. По отношению же к квакерам он вполне тверд: «Однако незаконно для тех, кого Христос уже привел к этому состоянию, защищать себя с помощью оружия. Из всех людей они должны возлагать полное упование на Господа»⁶¹.

Помимо «Апологии», Баркли затрагивал тему войны и мира в других трактатах. Один из них, «О всеобщей любви», он написал во время тюремного заключения в Абердине зимой 1676-1677 гг. Это был протест, обращенный ко всем христианам, против любых форм преследования, насилия и войны. Летом 1677 г. Баркли совместно с Фоксом, Пенном и другими квакерами посетил Голландию и Германию и был

поражен разрушениями и страданиями, которая принесла война за Испанское наследство. Под этим впечатлением он сочинил написанный на прекрасной латыни адрес к посланцам европейских государств, собравшихся в Нимвегене.

Война, начатая в 1672 г. Людовиком XIV с целью подчинить своей власти часть Соединенных провинций, вовлекла интересы других европейских держав. Вопреки логике Франции помогала протестантская Швеция, и Карл II Стюарт против воли английского народа послал ей на помощь свой флот. Император же, ряд германских правителей, Дания и даже Испания выступали на стороне Голландии, не желая усиления и без того могущественной Франции.

Послание Баркли написано с позиций «рядового христианина», который осмеливается высказать высокому собранию свою точку зрения и напоминает, что для всех собравшихся истинным главой, царем и правителем является Христос, голос которого они могут услышать в глубине своего сознания. Оно начинается с личных воспоминаний о тех прискорбных бедствиях и опустошениях, произведенных войной, которые он сам наблюдал в Голландии и Германии. Ради мирской славы люди «разрушают, теряют и сравнивают с землей целые страны; доводят до величайших бедствий многие тысячи семей; делают вдовами тысячи и сиротами десятки тысяч», проливают потоки крови и уничтожают Божьи творения. Все это происходит от человеческой алчности и амбиций. Дипломатическими методами можно достигнуть компромисса, удовлетворив одни желания и подавив другие. Но мир, установленный таким путем, будет лишь временным. Для достижения истинного и прочного мира Баркли призывает европейских правителей вспомнить, что они должны «быть христианами не по имени только, но по природе».

Пока те, кто принимают участие в переговорах, не изменят своего отношения к войне в целом, — они не смогут заключить прочного и продолжительного мира. Стоит предлогу для войны появиться снова, — и все статьи мирного договора рассыплются. Единственный верный путь к миру — слушаться того «божественного света Иисуса Христа», который находится внутри каждого человека и ведет к подлинному миру. Для того, чтобы участники переговоров осознали суть этого учения о внутреннем свете и внутреннем мире, Баркли прилагал к посланию текст своей «Апологии».

Оценивая вклад Р. Баркли в мирную доктрину начала нового времени, следует признать, что она опирается в основном на христианское учение, данное в Евангелии. Почти

вся апологетика Баркли идет «от Писания» и «от духа Христова», ибо христианские догматы все еще остаются основным авторитетом. При этом упор делается, в соответствии с квакерским учением, на «свет внутри», на осознание прерогативы духовного побуждения в стремлении к миру. В то же время отдельные аргументы Баркли идут, в духе раннего Просвещения, «от разума», «от пользы» и тем самым открывают новые, гуманитарные пути для апологии мирной доктрины, которые получают свое развитие в XIX и особенно в XX в.

Баркли впервые в литературе ранних Друзей полно и последовательно обосновал квакерскую мирную доктрину. До него квакеры, не исключая и самого Дж. Фокса, защищали квакерскую пацифистскую идею от разного рода обвинений, искажений и непонимания. Баркли первый заявил о ней, как о непременной составной части всего квакерского учения, и более того, попытался доказать что она является обязательным компонентом христианства вообще, что война и исповедание христианской веры — несовместимы⁶².

Наконец, Баркли впервые выходит со своим обоснованием мирной доктрины на международную арену. Он пытается повлиять на решения послов европейских держав, собравшихся для заключения мирного договора в Нимвегене. Его книга, благодаря латинскому изданию, становится доступной интеллектуалам Европы. Известно, что в XVIII в. ее читал Вольтер и с особенным одобрением цитировал страницы, относящиеся к вопросам войны и мира. Таким образом, с трудами Баркли квакерская пацифистская идея выходит на широкую международную арену тогдашнего западного мира. Только после нее стали возможными такие законченные выражения мирной доктрины, как «проекты всеобщего мира», предложенные квакерами Дж. Беллерсом и У. Пенном. Эти проекты, однако, выходят за рамки данного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Cole A. The Quakers and the English Revolution//Past and Present. № 10, 1956, p. 346.

² Reay B. Quakers and the English Revolution. London, 1985, p. 41.

³ Hill Chr. The Experience of Defeat. Milton and some Contemporaries. London, 1984, pp. 18, 130, 160, 161.

- ⁴ Canby Jones T. George Fox's Attitude toward War. Richmond, IN, 1982 (first publ.1972), p. 8.
- ⁵ Ibid., p. 34-35, 37.
- ⁶ Ibid., p. IX,40.
- ⁷ Ibid., p. 11.
- ⁸ Ibid., p. 19.
- ⁹ Ibid., p. 6.
- ¹⁰ Fox G. Epistle 154 (1657) — Works, vol.VII. Philadelphia, 1831, p. 117-118.
- ¹¹ Fox G. Gospel Truth Demonstrated. — Works, vol. IV, p. 43.
«Пребывание в свете, — пишет Фокс в другом месте, — устраняет причины войны и соединяет наши сердца в Боге и друг в друге и приводит к тому началу, которое было до всех войн...» — Doctrinals, vol. I, 1659, p. 43.
- ¹² Fox G. The Great Mystery. — Works, vol.111, p. 551.
- ¹³ Fox G. Epistles. Цит. по: Hirst M. Op.cit., p. 114.
- ¹⁴ Fox G. Epistle 139 (1657) — Fox G. Works, vol.VII, p. 133.
- ¹⁵ Fox G. Epistle 131 (1656). — Fox G. Works, vol.VII, p.128.
- ¹⁶ Canby Jones T. Op.cit.,p.40.
- ¹⁷ Fox G. This is to all officers and Soldiers of the Armies... London, 1657, p. 1-2.
- ¹⁸ Fox G. Epistle 171 (1659). — Works, vol. VII, p. 162-163.
- ¹⁹ Fox G. The Great Mystery... p. 217.
- ²⁰ Цит. по: Canby Jones T. Op.cit., p. 47.
- ²¹ «Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем; оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы» (2 Коринф. 3.4; см. также Ефес. 6.10-17).
- ²² Fox G. Epistle 177 (1659) — Works, VII, p. 168.
- ²³ Canby Jones T. Op.cit., p. 54.
- ²⁴ Ibid., p. 54, 56.
- ²⁵ См. Павлова Т.А. Социальные воззрения Джорджа Фокса// Социализм и христианство. ИВИ (в печати).
- ²⁶ Fox G. Epistle 177 (1659) — Works, VII, p. 168.
- ²⁷ Ibid., p. 197.
- ²⁸ Ibid., p. 198.
- ²⁹ Ibid., p. 357.
- ³⁰ Полностью этот документ приведен в издании: Fox G. Journal, 8th or Bicentenary ed.,vol.I. London, 1891, p. 448-450.
- ³¹ Fox G. Journal, p. 358.
- ³² Hill Chr. The Experience of Defeat. Milton and some Contemporaries. London, 1984, p. 127, 164-169.
- ³³ Braithwaite W. The Beginnings of Quakerism, p. 468.
- ³⁴ Fox G. Journal, p. 379.
- ³⁵ Ibid., p. 383.
- ³⁶ Ibid., p. 128.
- ³⁷ Fox G. Journal, p. 379-380.
- ³⁸ Hill Chr. Experience of Defeat, p. 162.

- ³⁹ Hirst M. Op.cit., p. 66-68. Т. Кэнби Джонс указывает цифру в 4200 квакеров, заключенных в тюрьмы в эти дни.
- ⁴⁰ Fox G. Journal, p. 399.
- ⁴¹ Ibid., p. 399.
- ⁴² Ibid., p. 399-400.
- ⁴³ Ibid., p. 401-402.
- ⁴⁴ Ibid., p. 402.
- ⁴⁵ Barclay's Apology in Modern English. Manasquan, New Jersey, 1967 (далее — Barclay R. Apology), p. 216, 84, 116, 163.
- ⁴⁶ Barclay R. Apology, p. 425.
- ⁴⁷ Ibid., p. 428.
- ⁴⁸ Ibid., p. 429.
- ⁴⁹ Ibidem.
- ⁵⁰ Ibid., p. 427.
- ⁵¹ Ibid., p. 425.
- ⁵² Ibid., p. 430.
- ⁵³ Nuttall G.F. Christian Pacifism in History. Oxford, 1958, p. 57, 60, 61.
- ⁵⁴ Barclay R. Apology, p. 437.
- ⁵⁵ Brock P. Op. cit., p. 29.
- ⁵⁶ Barclay R. Apology, p. 433.
- ⁵⁷ Ibid., p. 432.
- ⁵⁸ Ibid., p. 434.
- ⁵⁹ Ibidem.
- ⁶⁰ Ibid., p. 435.
- ⁶¹ Ibidem.
- ⁶² «Христос также убеждает избегать славы мира сего, а не добиваться ее путем войны. Посему война абсолютно противна закону и духу Христа» — Barclay R. Apology, p. 429, 437.

АНТИВОЕННЫЕ ИДЕИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XVIII - НАЧАЛА XIX ВЕКА

А.В. Чудинов, К.М. Андерсон

Век Просвещения и Великой французской революции пополнил сокровищницу европейской общественно-политической мысли блестящими идеями, открывшими новые пути понимания различных сторон социальной жизни, в том числе проблем войны и мира. Авторы настоящей статьи, отнюдь не претендуя на детальное исследование всех аспектов развития антивоенных идей того периода ставят целью выявить основные особенности их эволюции на примере творчества плеяды выдающихся мыслителей Франции, Англии и Германии.

В критическом осмыслении такого социального явления, как война, и в поисках средств установления «вечного мира» просветители XVIII в. опирались на миротворческую философскую традицию, имевшую к тому времени уже 200-летнюю историю. Впервые вопрос о полном устранении войн из практики межгосударственных отношений и о необходимости всеобщего мира поставили гуманисты эпохи Возрождения¹. Их подход к выявлению и объяснению причин военных конфликтов носил ярко выраженную этическую окраску. Война рассматривалась как порождение нравственных пороков людей. Эразм Роттердамский, признанный глава международной «республики ученых», в знаменитом трактате «Жалоба Мира» писал: «Я уже давно слышу, что рассказывают в свое оправдание изворотливые люди — на свою беду. Жалуются, что их принуждают против воли идти на войну. Сними эту личину, отбрось притворство, спроси свое сердце — и поймешь, что гнев, тщеславие и глупость увлекают тебя туда, а не нужна»². Путь к избавлению от войн Эразм и его единомышленники видели в переустройстве отношений между людьми и государствами на основе норм гуманистически понимаемой христианской этики. Роттердамец взывал: «Воистину одного добивается Христос: велит, чтобы научились от него быть кроткими духом», — и

далее: «Прочный мир создается не династическими браками и не союзами, которые заключаются между людьми и которые, как видим, чаще приводят к войне. Надо уничтожить сами источники, из коих бьет ключом сие зло: низкими страстями порождаются эти бесчинства»³.

Этический подход к объяснению причин военных столкновений пронизывал сочинения многих авторов, писавших на эту тему в XVI-XVII вв. Преобладал он и в век Просвещения. В произведениях ряда мыслителей XVIII столетия можно встретить сходное с приведенным выше объяснение вражды государств и народов отходом от христианских моральных ценностей. Так, английский ученый и проповедник Р.Уоллес в философских сочинениях наряду с рационалистической аргументацией обращался к авторитету Священного писания и доказывал, что несчастья рода человеческого вызваны всевозможными пороками и злоупотреблением свободой, полученной от Бога. Именно следствием пороков, утверждал он, является одно из страшнейших зол — война: «Как много бед вызывают гордыня, раздутое тщеславие, суеверный и слепой фанатизм. Они влекут за собой жестокие войны, ярость и безумие завоевателей...»⁴

Однако, как правило, общественно-политическая мысль XVIII в. — «века Разума» — значительно чаще апеллирует к рациональному началу и природе человека, нежели к Ветхому и Новому Заветам. Этические представления большинства просветителей проникнуты рационализмом. Нравственные пороки, по их мысли, это, прежде всего, результат невежества, заблуждений, суеверия и глупости, мешавших поступать согласно разуму. Соответственно, эти качества, обуславливая нравственную испорченность людей, являются причинами войн. В антиутопии «Путешествие Гулливера» Дж.Свифт с горьким сарказмом отобразил современные ему межгосударственные отношения в отталкивающей картине жизни «неразумных еху» (людей). Рассказывая о вооруженных конфликтах в Европе, герой книги объясняет, что иногда поводом к ним «является честолюбие и жадность монархов, которые никогда не бывают довольны и вечно стремятся расширить свои владения и увеличить число своих подданных; иногда развращенность министров, вовлекающих своего государя в войну только для того, чтобы заглушить и отвлечь жалобы подданных на дурное правление. Много крови было пролито из-за разногласий во взглядах» и т.д. Не удивительно, что мудрый гуингм (разумная лошадь), выслушав рассказ Гулливера, с печальным вздохом заметил, «что развращенный разум, пожалуй, хуже звериной ту-

пости. По его мнению, это уже не разум, а какая-то особая способность, содействующая развитию наших природных пороков»⁵.

Вольтер, осуждавший войну во многих своих сочинениях, считал, что она порождается своего рода «бешенством», помутнением рассудка, порочными наклонностями — жадностью, завистью и т.п. Так страсть шведского короля Карла XII к завоеваниям Вольтер называет «безумной», имея в виду, конечно, не душевное расстройство монарха, а противоречие воинственности разуму⁶.

По словам П.Гольбаха, невежество людей — единственный источник морального зла, а нравственно испорченные индивиды и целые нации в силу естественного порядка вещей время от времени впадают в буйство, набрасываясь на соседей. Именно это и вызывает войны: «Разум народов, как и разум управляющих ими государей, часто недостаточно развит; они безрассудно предаются стремительным порывам своих желаний, возбуждаемых предполагаемыми выгодами, честолюбием, а нередко и глупым тщеславием, которого иногда достаточно, чтобы предать сожжению весь мир»⁷.

А.Р.Тюрго тоже видел в войнах следствие страстей — жадности и честолюбия, управляющих действиями людей, чей разум еще не проснулся: «Разум, тождественный с самой справедливостью, не лишил бы никого того, что ему принадлежало, изгнал бы навсегда войну и захваты»⁸. Правда, по Тюрго, завоевания, несмотря на множество сопровождавших их негативных последствий, на ранней стадии мировой истории все же в целом содействовали прогрессу. На честолюбие как стимул завоевательной политики указывал и Д.Дидро⁹.

Существовала в XVIII столетии и иная точка зрения на причины нравственных пороков, а значит, и войн. Ее сторонники видели истоки моральной испорченности не в темноте и невежестве, открывающих простор дурным страстям, а в отходе от природы, в прогрессе цивилизации. Обычно такой взгляд на общество связывают с именем Ж.-Ж.Руссо. Действительно, «гражданин Женевы» нарисовал яркую картину возрастающего упадка нравов по мере отхода людей от естественного состояния. Одинок блуждающий в лесах дикий человек, по его словам, был подвержен лишь немногим страстям, не имел никакого желания вредить себе подобным, а потому ни в ком не вел войны¹⁰.

Формирование общества, совершенствование умственных способностей человека, появление земледелия и искусства

обработки металлов, и, наконец, возникновение имущественного неравенства привели к развитию у людей самых низменных наклонностей. «Несправедливые захваты богатых, разбой бедных и разнузданные страсти тех и других, заглушая естественную сострадательность и еще слабый голос справедливости, сделали людей скупыми, честолюбивыми и злыми... Нарождающееся общество пришло в состояние самой страшной войны»¹¹. Образование политических организмов — государств — привело к войнам между народами.

Идеи Руссо вызвали немало острых споров, обретя множество и критиков, и сторонников. Менее известно сегодня сочинение другого крупного мыслителя той эпохи, близкое по духу произведениям Руссо и своей антимилитаристской направленностью, несомненно, заслуживающее, того, чтобы быть упомянутым здесь. Речь идеи о первой работе знаменитого впоследствии Э.Бёрка «Защита естественного общества», которая была анонимно опубликована в 1756 г. Позднее Бёрк утверждал, что выразил в ней не свои взгляды, а пародировал лорда Болингброка. Так это или нет, разговор особый, во всяком случае современники очень серьезно восприняли данное сочинение, вызвавшее тогда довольно много откликов.

Автор «Защиты», в отличие от Руссо, идеализирует не естественное состояние, когда люди якобы жили изолированно друг от друга, а естественное общество, «основанное на естественных потребностях и инстинктах», т.е. фактически — большую семью. Искусственное объединение нескольких, а затем и многих семей, создание законов и назначение правителей привели к появлению «политического общества». Бёрк осуждает последнее в любых формах, будь то республика или монархия, и доказывает, что «все виды политических обществ являются надругательством над природой и насилием над человеческим разумом. Именно государство и гражданское общество считает он виновниками всех бед людских, среди которых особо выделяет соперничество наций: Война целиком заполняет собой историю; соответственно, всю или почти всю внешнюю сторону жизни политических обществ можно рассматривать как противоборство». Произведение молодого Бёрка написано столь же выразительным языком и содержит такие же яркие образы, как и его зрелые работы. «Разве не залил левиафан политического общества землю кровью, как-будто создан только для того, чтобы резвиться и плескаться в ней» — восклицал автор «Защиты». Это небольшое по объему сочинение оказало за-

метное влияние на социальную мысль Англии второй половины столетия¹².

Однако подобное осуждение всех форм правления, как одинаково виновных в разжигании войн, было тогда скорее исключением, чем правилом. Для большинства философов Просвещения характерно стремление установить связь внешней политики той или иной страны с ее государственным строем. Принцип сформулированный Монтескье: «Дух монархии — война и расширение территорий; дух республики — мир и умеренность»¹³ — в той или другой степени разделялся многими просветителями. Дидро тоже отмечал, что монархиям присущ дух завоеваний, тогда как у республик дух мирный. Насильственное расширение территорий, утверждал он, всегда ведет к усилению в государстве деспотических тенденций¹⁴. Руссо подчеркивал заинтересованность деспотов в постоянных военных конфликтах: «Война и завоевания, с одной стороны, и усугубляющийся деспотизм — с другой, взаимно помогают друг другу... у народа, состоящего из рабов, можно вволю брать деньги и людей, чтобы с их помощью покорять другие народы... война дает одновременно и предлог для новых денежных поборов и другой не менее благовидный предлог для того, чтобы постоянно содержать многочисленные армии, дабы держать народ в страхе»¹⁵. По мнению Тюрго, республики в отличие от монархий редко совершают захваты; деспотизм же по сути своей является властью, основанной на военной силе¹⁶.

Понимание кровной заинтересованности абсолютных монархов в частых войнах обусловило скептическое отношение большинства видных мыслителей того времени к международно-правовой концепции мира, к плану обеспечения «вечного мира», предложенному аббатом Ш.Сен-Пьером. Этот дипломат и философ написал обширный трактат, призвав европейские правительства заключить договор о создании конфедерации, возглавляемой выборным советом, главной целью которого должно было стать наблюдение за сохранением мира между суверенными государствами — конфедератами¹⁷.

Современники высоко оценили благородный порыв автора проекта, отдавая ему должное за проповедь мира и дружбы между народами. В одном из писем Фридриху П Вольтер признавал: «Я всегда желал этого всеобщего мира, как-будто я — побочный сын аббата Сен-Пьера. Заключить мир только ради собственных интересов — это проступок короля, который не любит ничего, кроме своего трона и государства; мы, философы, мыслим иначе, считая, что лю-

бить надо весь род людской. Аббат Сен-Пьер скажет Вам, сир, что, дабы попасть в рай, надо желать добра китайцам так же, как бранденбуржцам и силезцам». Руссо говорил о «святом сердце» аббата Сен-Пьера, «помышлявшего единственно об общем благе»¹⁸.

Но в то же время никто из видных философов не разделял надежды этого мечтателя-филантропа на возможность заключения подобного договора корыстными, вероломными и воинственными государями Европы. Вольтер характеризовал его проект как «химеру» ибо вечный мир «между монархами продержится не дольше, чем между слонами и носорогами, волками и собаками. Эти звери всегда набросятся друг на друга при первом удобном случае». Руссо считал, что система Сен-Пьера «слишком хороша, чтобы быть принятой». Гольбах в этой же связи указывал, что различие интересов отдельных правителей и обществ делает «несбыточными и фантастическими самые полезные планы, диктуемые разумом»¹⁹. Удивительно ли, что среди крупнейших мыслителей века Просвещения не нашлось желающих следовать примеру Сен-Пьера, кроме Дж.Бентама, составившего во второй половине 80-х годов чем-то похожий план «Всеобщего и вечного мира», который он, правда, при своей жизни так и не опубликовал.

Не разделялись просветителями и пацифистские идеи, выдвигавшиеся квакерами. Это религиозное течение зародилось в Англии еще в середине XVII в.²⁰ Его основатель Дж.Фокс проповедовал, что Бог живет в душе каждого человека как внутренний свет добра и любви ко всему живому. Отсюда вытекал призыв к полному отказу от насилия и установлению общего мира. «Я отвергаю ношение меча или другого видимого оружия», — торжественно заявлял Фокс²¹. Именно в среде квакеров на исходе XVII — в начале XVIII в. был разработан ряд известных миротворческих проектов. Самый знаменитый из них, безусловно, — «Опыт о настоящем и будущем мире в Европе» У.Пенна. Раскрывая губительное влияние войн на экономические связи между народами, Пени предлагая создать Европейскую лигу по улаживанию межгосударственных конфликтов путем достижения взаимоприемлемых для спорящих сторон компромиссов. Близкие к этим мысли высказывались и в трактате Дж.Беллеса «Некоторые соображения в пользу всеевропейского государства»²².

Хотя общественная деятельность квакеров в XVIII в. была не так активна, как в предшествующее столетие, их идеи, однако, стали известны многим философам Просвещения.

Вольтер неоднократно с большим уважением писал о квакерах, как о людях, которые «никогда не были виновны в мерзости» кровопролития. Глубоко изучали квакерские принципы Т.Пейн, Э.Бёрк, Ж.П.Бриссо. И тем не менее среди них не было желающих призывать к применению пацифистских идей на практике. Вольтер заметил по этому поводу: «Если какой-нибудь государь распустит свои войска, позволит своим крепостям обратиться в развалины и будет заниматься чтением Гроция, то смотрите, не потеряет ли он через год или два свое королевство»²³.

Но если великие мыслители XVIII столетия ясно осознавали невозможность прекращения войн путем одностороннего отказа от насилия или заключения договора между деспотами, для которых война — сама жизнь, значит ли это, что они видели путь к вечному миру в свержении деспотической власти? Утвердительно ответить на данный вопрос можно, пожалуй, лишь в отношении Ж.Мелье. Неистовый кюре, мечтавший о том времени, когда последний из королей будет повешен на кишках последнего попа, искренне верил, что именно так можно достичь счастливого миропорядка, при котором никто больше не захочет убивать и грабить ближнего своего²⁴. Другие просветители с опаской отнеслись к подобной перспективе. Кровавый призрак гражданской войны, «самой ужасной», по словам Гольбаха, «из всех войн, опустошавших землю», заставлял усомниться в том, что эта дорога ведет к «золотому веку» всеобщего счастья. Даже Руссо, чье имя позднее начертали на своих знаменах неумолимые якобинцы, предпочел отказаться от идеи вечного мира, если тот достигим «лишь при помощи средств насильственных и опасных для человечества»²⁵.

Большинство философов не надеялось на то, что человечество когда-нибудь полностью сможет избавиться от войн, и считало реальной лишь возможность смягчить их пагубные последствия. «Войны в Европе будут всегда, в этом можно поручиться к удовольствию министров, — писал Дидро в "Энциклопедии", — но со временем развитие торговли и просвещения приведут к уменьшению жестокости». Монтескье, также соглашаясь с неизбежностью войн, советовал прибегать к ним лишь при крайней необходимости и на основе строгой справедливости, а не ради «произвольных принципов славы, приличия и пользы». Гольбах видел в распространении просвещения важное средство ограничить приносимые войной несчастья, ибо «для просвещенного правительства война всегда является лишь путем к миру; мудрое правительство предпочитает даже невыгодный мир самой

удачной войне». Вольтер сравнивал войну со стихийным бедствием, справиться с которым человечеству не под силу: «война подобна вулкану Везувий: ее извержения поглощают города, а потом ее пламя гаснет». Вместе с тем он призывал к религиозной терпимости и изгнанию суеверий, считая, что это объединит человечество и устранил одну из важнейших причин вражды народов. Вот какой наказ оставили корифеи Просвещения своим идейным преемникам и последователям²⁶.

Начало Великой Французской революции воспринималось многими современниками как вступление в ту эру Разума, о которой мечтали и до которой не дожили великие мыслители столетия. Сравнительно небольшое число жертв на первых порах революции и при этом быстрое ее продвижение, казалось, опровергали опасения философов. Забрезжила надежда полного избавления от войн через социальные преобразования по образцу французских и в других странах. Революция во Франции, восклицал английский философ Дж. Пристли, открыла путь для беспрепятственного распространения Истины и победы Разума во всем мире: «Вместе с повсеместным преобладанием этих истинных принципов гражданского управления мы должны ожидать исчезновения всяких национальных предрассудков и вражды и установления всеобщего мира и отношений, основанных на доброй воле, между народами»²⁷.

Оригинальное теоретическое обоснование эта перспектива получила в фундаментальном трактате англичанина У. Годвина «Исследование о политической справедливости», над которым он работал в 1791-1792 гг. исходя из этико-рационалистической трактовки войны как следствия глупости, тщеславия и алчности, Годвин, однако, поднялся на более высокий уровень обобщения и, развивая идеи Руссо, связал эти пороки, а вместе с ними и войну — их детище — с имущественным неравенством. «Из всех человеческих страстей, — писал Годвин, — самые большие опустошения производит тщеславие. Оно побуждает захватывать область за областью, королевство за королевством. Оно ведет к тому, что кровопролитие, бедствия и войны распространяются по всему земному шару. Но сама эта страсть, как и способы ее удовлетворения, представляет собой следствие господствующей системы распределения собственности»²⁸. Соответственно, путь к отказу от войн и установлению всеобщего мира Годвин в создании нового социального строя, основанного на социальной справедливости, на полном, в том числе имущественном равенстве.

Переход к новому обществу должен был, по мнению Годвина, произойти в результате повсеместного распространения знаний и торжества Разума. Насильственные методы социального преобразования необходимо свести к минимуму, а по возможности вообще обойтись без них. Применение их в строго ограниченном количестве допустимо лишь на первом этапе перехода — политическом, — при свержении деспотизма и установлении демократической власти; главным же способом перераспределения собственности, которое мыслилось как исключительно добровольное, предполагалось длительное просвещение и воспитание членов общества. Годвину казалось, что Франция уже миновала первый этап, причем с минимальными человеческими потерями, и теперь перед ней открылась перспектива постепенного и продолжительного мирного усовершенствования.

Поскольку переход к новым общественным отношениям тесно связан, по мысли Годвина, с просвещенностью народа, которая у разных наций не одинакова, какие-то страны должны будут вступить на этот путь раньше, какие-то позже. Естественно, что на определенном отрезке времени государствам, где преобразования уже начались (Годвин называл их демократиями), пришлось бы существовать бок о бок с теми, где еще господствовали бы отношения несправедливости и угнетения (монархии). Но уже в этот период, считал Годвин, войны станут чрезвычайно редким явлением, поскольку будут иметь место только в случае агрессии монархического государства против демократического. Самим же монархиям нет нужды опасаться тех стран, где восторжествовали равенство и справедливость, ибо демократии по самой своей природе не заинтересованы в войнах. «Народ, у которого воцарилось равенство, будет обладать всем для себя необходимым, если только у него будут средства существования. Зачем же ему домогаться дополнительного богатства или территории?»²⁹

Если же монархия нападет на демократическое государство, то война со стороны последнего будет всенародной и освободительной; армия агрессора окажется обреченной на поражение. Когда деспоты осознают, насколько опасны и бесперспективны для них столкновения со свободными странами, войны практически прекратятся. Но окончательно всеобщий мир утвердится только тогда, когда повсюду установится справедливый общественный строй³⁰.

Но жизнь не оправдала надежд английского философа. По мере нарастания революционных событий во Франции у наиболее радикального крыла их участников крепло убеж-

дение в возможности насильственного распространения революции на другие страны. Сравнительно легкая победа над своим деспотизмом кружила головы и, казалось, обещала столь же быстрое свержение деспотических правительств соседних государств, если только помочь народам сбросить гнет тиранов. Вот тогда-то на земле и установится вечный мир, основанный на свободе, равенстве и братстве всей наций. Подобные представления о путях к вечному миру сыграли свою роль в борьбе различных политических сил французского общества вокруг вопроса о вступлении в войну. В 1792 г. Франция объявила войну Австрии, менее чем через год — Англии. Настроения революционного мессианства нашли отражение в печально известном декрете Конвента от 19 ноября 1792 г. «Об освобождении народов», который начинался следующими словами: «Национальный Конвент заявляет от имени французской нации, что она окажет братскую помощь всем народам, которые захотят вернуть свою свободу...»³¹

Развернутое теоретическое обоснование идеи «экспорта революции» (если пользоваться современной терминологией) дал французский революционер уроженец Германии Анахарсис Клоотс в сочинении «Всемирная республика». Причиной кровопролитных и почти непрерывных войн, которыми полна история, «оратор рода человеческого» (так называл он себя) считал «коллективное честолюбие», присущее народам так же, как «индивидуальное честолюбие» присуще отдельным лицам. Покончить с этим пороком можно, лишь уничтожив все барьеры между нациями; пусть все люди земли станут гражданами одной Всемирной республики. «Организм не будет воевать сам с собой, и род человеческий заживет в мире только после того, как станет одним организмом, единой нацией». Но как достичь этого, не будет ли сей план столь же утопичен, как мечты Сен-Пьера? — вопрошал Клоотс. Нет, отвечал он себе, слияние человечества в единую семью произойдет в результате победы Франции над армиями тиранов и присоединения к ней остальных стран. Все народы освободятся от оков, благодаря импульсу, полученному от французов; обе Индии встретятся под сенью Прав человека. «Наши стремительные завоевания, — писал Клоотс, — ежедневно служат все более широкому применению Декларации прав человека. В них нет других побежденных, кроме тиранов, и других победителей, кроме Свободы». Войне он придавал глубокий моральный смысл, видя в ней непримиримую борьбу двух противоположных нравственных начал — порока и добродетели, которая, естествен-

но, не могла закончиться иначе, кроме как уничтожением одной из сторон³².

Хотя сам Клоотс вскоре стал жертвой политической борьбы внутри революционного лагеря, казнивший его Робеспьер тоже придавал войне прежде всего этическое значение, рассматривая ее как смертельное противоборство добра и зла, добродетели и порока. Потребовался Термидор, чтобы преодолеть этот манихейский взгляд на политику и постепенно перевести войну в русло обычной борьбы за территории, которая, хотя и носила откровенно корыстный характер, зато открывала возможность для примирения сторон на компромиссной основе, ибо в отличие от вечных ценностей, низменными земными благами можно было частично и поступиться.

Итак, путь к вечному миру через насилие привел в тупик жесточайшей войны, унесшей миллионы жизней. В конечном счете правы оказались великие философы Просвещения, предрекавшие вероятность подобного исхода. Надо было начинать поиск заново.

В 1795 г. Кант публикует трактат «К вечному миру», написанный в форме проекта соответствующего договора всех государств. Но это сочинение имело мало общего с системой аббата Сен-Пьера, рассчитанной на немедленное применение. Хотя Кант и подчеркивал практическую осуществимость своей идеи, все же он относил возможность ее реализации на неопределенно долгий срок, до тех пор, пока политика наконец, не придет в соответствие с моралью. По его мнению, сама природа гарантирует достижение вечного мира, «конечно, с достоверностью, которая недостаточна, чтобы (теоретически) предсказать время его наступления». Действительно, было бы утопично надеяться на скорое осуществление проекта, предполагавшего в качестве обязательного условия достижения мира такие демократические принципы международных отношений, как «гражданское устройство каждого государства должно быть республиканским», «международное право должно быть основано на федерализме свободных государств» и т.д. Впрочем, в трактате, видимо, нашел отражение и опыт шести предшествовавших его появлению лет, ибо некоторые из предложенных принципов самым непосредственным образом могут быть отнесены к эпохе революционных войн. Это, во-первых, принцип невмешательства во внутренние дела других стран («ни одно государство не должно насильно вмешиваться в вопросы правления и государственного устройства других государств», а во-вторых, недопустимость войны на уничтожение

(«истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ним и всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества»). Важное значение имеет также мысль об отказе от насильственного пути к всеобщему миру: «Благоразумие подсказывает не осуществлять эту цель слишком поспешно и насильственно, но постоянно приближаться к ней, сообразуясь с благоприятными обстоятельствами»³³.

Если установление вечного мира виделось Канту в чрезвычайно отдаленной, но все же хоть сколько-нибудь обозримой перспективе, то другой выдающийся немецкий философ, И.Г.Гердер, был настроен более пессимистично. По его глубокому убеждению, к прекращению войн можно прийти только через очень долгое и постепенное распространение гуманности среди народов. Многие поколения должны внести вклад в этот крайне медленно идущий процесс, плодами которого смогут в лучшем случае воспользоваться лишь их далекие потомки. «И если, как я почти уверен, формально вечный мир будет заключен лишь в день Страшного суда, тем не менее ни один принцип, ни одна капля елєя, подготавливавшие его даже в самые отдаленные времена, не пропадут даром»³⁴.

Век Просвещения заканчивал свою «песнь о вечном мире» тем же мотивом, что и начинал — мотивом гуманизма и нравственного совершенствования человечества, но если на восходе столетия мелодия эта звучала светло и оптимистично, то кровавый закат века Разума, немало надежд которого сгорело в огне революции, был окрашен в тона отчаяния и пессимизма.

Начало XIX столетия не предвещало перемен к лучшему. Новая волна войн, известных под именем «наполеоновских», захлестнула Европу. Многие в них казалось непривычным даже для людей, вдоволь навоевавших за последнее жестокое десятилетие века Просвещения. Конечно, в том, что военное искусство, отточенное в баталиях революционной поры, позволяло с большим толком посылать на взаимное уничтожение армии, превосходившие по численности и вооружению все армии прошлого: не было ничего удивительного. И то, что войны продолжались несмотря на смену правителей и политических институтов, противореча тем самым умозаключениям философов-просветителей, вряд ли кого-нибудь настораживало: после якобинского террора

трудно было уверовать в грядущее царство разума. Впрочем, философского истолкования происхождения войн было уже явно недостаточно. Слишком очевидной становилась их экономическая подоплека. Разве не превратилась экономика в поле брани, как это доказала «континентальная блокада», установленная Наполеоном, решившим совладать с неуязвимой для его войск Британией таким новаторским способом? И разве наступление долгожданного мира, событие бесспорно благословенное с нравственной точки зрения, не нанесло урон британской промышленности, лишившейся военных заказов и, соответственно, рабочим и ремесленникам, оставшимся не у дел? Война, способствующая процветанию, и мир, ведущий к разорению, были парадоксами не столько логическими, сколько экономическими. А начавшийся век преподнес их в изрядном количестве.

На фоне политических потрясений, охвативших Европу в XVIII в., лишь немногие заметили и по достоинству оценили перемены, которые исподволь происходили в хозяйственной жизни. Научные открытия и технические новшества подготовили промышленную революцию, подобно тому, как идеи просветителей предварили революцию во Франции. В обоих случаях воплощение замыслов принесло не те плоды, на которые рассчитывали «духовные отцы». Свержение монархии не привело к торжеству равенства и братства; машины, сотворенные человеком и призванные облагодетельствовать его, вступили с ним в противоборство. Беспредельно расширяя возможности производства, они вместе с тем порождали безработицу и нищету в невиданных прежде размерах. Вдобавок, «фабричная система» круто, а подчас безжалостно ломала весь уклад жизни людей, приспособлявая его к своим нуждам. Ради нее возводились колоссальные промышленные мегаполисы, мало пригодные для проживания человека; она разрушала духовные ценности, подменяя их материальными; она превратила труд в отупляющее, механическое занятие, лишённое всякой привлекательности; по его милости «купля-продажа» стала основой человеческих отношений и привязанностей.

Мир преображался на глазах, вызывая тревогу у очень многих, ибо суть происходящего не укладывалась в рамки былых представлений, а будущее выглядело слишком неопределенным. Среди тех, кто все же попытался постигнуть логику перемен были А.Сен-Симон (1760-1825), Ш.Фурье (1772-1837) и Р.Оуэн (1771-1858). С их именами связано начало социалистической традиции в общественной мысли, в том числе и миротворческой. Имевшие немало общего с

коммунистическими и эгалитарными утопиями предшествующих веков, их учения были тем не менее явлением иного рода, хотя бы потому, что своим возникновением они были обязаны «машинной цивилизации». Система аргументации, понятия, весь образ их мышления вполне отвечал духу «века пара». Видимо, поэтому учения Сен-Симона, Фурье и Оуэна превратились во влиятельнейшие теоретические системы, оставившие глубокий след в истории социальной мысли и общественных движений.

Расхождения во взглядах трех «патриархов» социализма на такие важные проблемы, как собственность, классовые отношения, принципы идеального строя, были столь значительны, что их принадлежность к единому течению общественной мысли не воспринимается как нечто самоочевидное. Все же их связывала идея, которая впоследствии была воспринята в той или иной форме социалистами всех толков — от марксистов до христианских социалистов. Суть этой «объединяющей» идеи можно было бы назвать экономическим детерминизмом, т.е. признанием решающего влияния способа производства и распределения материальных благ на все стороны жизни общества — от военных и политических конфликтов до семейных отношений и экологии.

По убеждению первых социалистов, хозяйственный механизм, возникший в ходе промышленного переворота, был сложен, а последствия его неправильного функционирования столь пагубны, что извлечь из даруемых им преимуществ подлинную выгоду можно, лишь поставив его под контроль всего общества, а не отдельных групп или индивидов. Признание зависимости прав человека от прав общества, идея целенаправленного регулирования производства и распределения, обеспечивающего справедливые интересы всех слоев общества, — таковы были основополагающие принципы, которые определяли отношение Сен-Симона, Фурье и Оуэна к любым проблемам, в том числе и к проблеме войны и мира.

Разумеется, эти принципы не исключали и нравственной оценки. Этика раннего социализма во многом основывалась на христианской традиции, правда значительно видоизмененной. По мнению социалистов начала XIX в., человечество связано воедино общностью судеб, точнее законов, движущих его развитием. Гармония в отношениях между людьми, единение и сотрудничество является конечной целью нравственного совершенствования человечества. Разобщение, а тем более противоборство — свидетельства невежества и безнравственности. Насилие нельзя оправдать ничем,

даже если к нему прибегают из самых благих побуждений. Революция во Франции, свершенная ценою неисчислимых жертв, но не изменившая бедственного положения большинства народа, являлась для создателей первых социалистических учений веским доводом против насильственных преобразований и применения политического и вооруженного насилия вообще.

Война не только безнравственна, но и бессмысленна. Конечно, она приносит прибыль некоторым социальным группам. Но выгода эта обманчива, так как война пагубна для общества в целом, а следовательно, даже те, кто на первый взгляд не остается в накладе, в конечном счете проигрывает, ибо бедствия, переживаемые его согражданами, прямо или косвенно сказываются и на его положении. Война, возможно, и подталкивает развитие промышленности, но придает ему крайне неверное направление: людские и материальные ресурсы расходуются на производство предметов, отнюдь не способствующих процветанию рода человеческого, а именно оно является предназначением гражданского общества. «Для народа, целью которого служит производительная деятельность, важнейший интерес — мирная обстановка, ибо война мешает покупать и производить, прерывая все средства сообщения, закрывая все пути обмена», — писал Сен-Симон, высказывая мысль, разделявшуюся так же Фурье и Оуэном; война — вредна с точки зрения экономической³⁵. Именно это убеждало социалистов в необходимости длительного, а лучше всего вечного мира.

О греховности и безумии войн проповедовали столетиями, но безуспешно. Войны не прекращались, напротив, становились все более кровопролитными. Успехи науки эпохи промышленного переворота обещали сделать их еще ужаснее. И хотя социалисты начала XIX в. допускали вероятность появления некоего сверхоружия, способного превратить войну в занятие самоубийственное для всех втянутых в нее сторон, а следовательно в занятие немыслимое, все же они не слишком полагались на подобный исход дела³⁶.

Порочность политических институтов, невежество и безнравственность правителей, — словом, те факторы, которые, по мнению лучших умов «осьмнадцатого века», служили источником войн, с точки зрения социалистов были лишь следствием, но не первопричиной. Отношения между народами — не более чем отражение порядков, царящих в обществе. Мир стал ареной, на которой нации выступают подобно диким зверям, готовым разорвать друг друга, — утверждал Фурье. «Мир стал полем соперничества из-за обла-

дания богатством, территорией и властью» — вторил ему Оуэн³⁷. Но та же самая вражда разъедает и Британию, и Францию, и всякое общество, основанное на ложном принципе конкуренции и своекорыстных частных интересах. Разделение людей на религиозные секты, партии, классы и нации, по мнению Оуэна, было не чем иным, как проявлением невежества и формой борьбы за групповые интересы. Хотя Сен-Симон и Фурье были не столь категоричны, как Оуэн, считавший понятие нация ложным измышлением, тем не менее и они видели в классовом, религиозном и межнациональном противоборстве следствие неразумности существующего строя.

Примирение враждующих интересов, сплочение во имя созидательной деятельности, ведущей ко всеобщему процветанию, являлось, с точки зрения социалистов, единственной альтернативой соперничеству и насилию, грозящему вселенской катастрофой. Пути к достижению этой цели могли быть различными. К примеру, одно время Ш.Фурье, полагал, что мир на земле может установиться на века, если некая могущественная держава утвердит свое господство над всеми странами. Впрочем от подобной мысли он вскоре бесповоротно отказался, не утратив, однако, твердой веры в необходимость преодоления межнациональных и межгосударственных барьеров. В целом социалисты отдавали предпочтение действиями, которые, пользуясь современной терминологией, можно было бы называть укреплением международного сотрудничества. Так, в 1817 г. Сен-Симон в соавторстве со своим учеником, впоследствии известным историком О.Тьерри, подготовил проект «О реорганизации Европейского общества», в котором предусматривалось создание общеевропейского парламента, руководящего осуществлением таких важных для всех стран работ, как строительство дорог, каналов, создание единой системы образования³⁸. Близкие по духу предложения выдвигал и Оуэн, обнародовавший в 1834 г. «Хартию прав человечества». В обоих проектах главное место занимали проблемы экономического сотрудничества, развития торговли, обмена изобретения, а также содействие культурному и духовному сближению народов. Политика как средство достижения прочного мира казалось средством ненадежным, ибо она, по мнению социалистов, была занятием пустопорожним, порождающим только споры и разногласия. Меры, предлагавшиеся в указанных проектах, могли улучшить обстановку в мире. Но войны, по мысли первых социалистов, исчезнут навсегда лишь тогда, когда исчезнут социально-экономические по-

рядки, порождающие их. Преобразование общественных систем на принципах справедливости, разумного регулирования производства и распределения, социальной гармонии приведет к тому, что народы, избавившись от «искусственных» различий, будут постепенно сближаться, сливаясь в единое человечество, не ведающее социального, религиозного, государственного и национального разделения. Разумеется, такая перспектива была весьма отдаленной, однако тем не менее этот идеал, пусть даже недостижимый, побуждал последователей Сен-Симона, Фурье и Оуэна стремиться к преодолению национальной замкнутости, а уж тем более вражды. Таким образом, идеальное представление о будущем человечества давало социалистам точку опоры, обуславливало их отношение к войнам и вооруженному насилию. С распространением социалистических идей в обществе и возникновением целого ряда движений, так или иначе связанных с учениями первых социалистов, взгляды Сен-Симона, Фурье и Оуэна на проблемы войны и мира стали основой антивоенных программ значительного числа тред-юнионистских, кооперативных и других организаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее см.: Андреева И.С. Проблема мира в западноевропейской философии. М., 1975. С. 17-83.
- ² Эразм Роттердамский. Жалоба Мира, отовсюду изгнанного и поверженного // Эразм Роттердамский и его время. М., 1989. С. 263.
- ³ Там же. С. 257, 264.
- ⁴ Wallace R. Variorus Prospects of Mankind, Nature and Providence. L., 1761. P. 301.
- ⁵ Свифт Дж. Путешествия в некоторые отделенные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей. М., 1955. С. 328-329, 333.
- ⁶ См.: Вольтер. Разговоры между А, В и С// Вольтер. Избр.произв. М., 1947,. С. 487, 491; Voltaire. Histoire de Charles XII // Voltaire. Ouevres completes. Далее - Ouevres). Т. 23. Р., 1784. Р. 7. Подробнее см.: Сиволап И.И. Социальные идеи Вольтера. М., 1978. С. 30-36, 122-125.
- ⁷ Гольбах П.А. Естественная политика или беседы об истинных принципах правления // Гольбах П.А. Избранные произведения. М., 1963, Т.2. С. 451.

- 8 Тюрго А.Р. Рассуждение о всеобщей истории // Тюрго А.Р. Избр. философ, произв. М., 1937. С. 85.
- 9 См., например: Дидро Д. Законодатель (Политика) // Дидро Д. Собр. соч., м., 1939. Т. 7. С. 259.
- 10 Руссо Ж.Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства // Руссо Ж.Ж. Трактаты, М., 1969. С. 69.
- 11 Там же. С. 82.
- 12 См.: Burke E. A Vindication of Natural Society // Burke E. Works. L., 1808. Vol. I. P. 11-12, 35, 16, 76.
- 13 Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955. С. 270.
- 14 См.: Дидро Д. Указ. соч. С. 262, 247.
- 15 Руссо Ж.Ж. Суждение о вечном мире // Руссо Ж.Ж. Трактаты. С. 144.
- 16 Тюрго А.Р. Указ. соч. С. 90-91, 95.
- 17 Saint-Pierre Ch. de. Projet de traite pour rendre la paix perpetuelle. Amsterdam, 17717. Подробнее см.: Андреева И.С. Указ. соч. С. 69-76.
- 18 См.: Voltaire. Ouevres. T. 65. P., 1785. P. 117; Руссо Ж.Ж. Суждение о вечном мире. С. 142.
- 19 Voltaire. Dela paix perpetuelle // Ouevres. T. 29. P., 1784. P. 35; Руссо Ж.Ж. Суждение о вечном мире. С. 150; Гольбах П.А. Указ, соч., с. 479.
- 20 Подробнее см.: Павлова Т.А., Чибисенков В.С. «Общество друзей» // Вопр. истории. 1986. № 12.
- 21 Fox G. The Journal. L., 1924. P. 105.
- 22 См.: Penn W. An Essay towardg the Present and Future Peace of Europe. L., 1693; Bellers J. Some reasons for an European State. L., 1793. См.: также Павлова Т.А. Джон Беллерс и социально-экономическая мысль второй половины XVII в. М., 1979.
- 23 Вольтер. Разговоры между А, В и С. С. 486, 488.
- 24 Мелье Ж. Завешание. М., 1954. Т. 1. С. 71; Т. 2. С. 210.
- 25 См.: Гольбах П.А. Указ. соч. С. 498; Руссо Ж.Ж. Суждение о вечном мире. С. 150.
- 26 См.: Дидро Д. Указ, соч., С. 261; Монтескье Ш. Указ. соч., С. 276; Гольбах П.А. Указ, соч., С. 461; Вольтер. Разговоры между А, В и С. С. 491; Voltaire. De la paix perpetuelle. P. 72.
- 27 Пристли Дж. Письма к достопочтенному Эдмунду Бёрку, вызванные его «Размышлениями о французской революции» (1791) // Английские материалисты XVIII в. М., 1968. Т. 3. С. 498.
- 28 Godwin W. Enquiry Concerning Political Justice and its Influence on General Virtue and Happiness. L., 1793. P. 811-812.
- 29 Ibid., P. 512.
- 30 Подробнее см.: Чудинов А.В. Уильям Годвин о проблемах войны и мира // Новая и новейшая история. 1988. № 6.

- ³¹ Цит. по: Революционное правительство в эпоху Конвента. М., 1927. С. 333.
- ³² См.: Clouts A. La Republique universelle ou Adresse aux tyrannicides. P., 1793. P. 7, 17-18, 20, 42, 34.
- ³³ Кант И. К вечному миру // Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 172, 157, 159, 154-155, 182.
- ³⁴ Гердер И.Г. Письма для поощрения гуманности // Трактаты о вечном мире. С. 212.
- ³⁵ Подробнее см.: Кучеренко Г.С. Сен-Симон и Тьери: в поисках концепции мирной ассоциации народов // Новая и новейшая история. 1974. № 2. С. 42-55; Борщевский Л.В. Отношение Сен-Симона, Фурье и Оуэна к проблемам войны и мира // Вестник Ленинградского ун-та. Экономика, философия, право. 1974. Вып. 1. № 5. С. 140-143.
- ³⁶ Р.Оуэн, к примеру, считал прототипом такого оружия многоствольную пушку, изобретенную одним из американских фурьеристов.
- ³⁷ Оуэн Р. Избр. соч., М.-Л., 1950, С. 92.
- ³⁸ См.: Кучеренко Г.С. Указ. соч.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКИХ ОБЩЕСТВ МИРА (1815-1871)

С. Купер

Мир, понимаемый как отсутствие войны между суверенными государствами, является состоянием, которое традиционно решается на правительственном уровне. По желанию властей мир может быть легко нарушен. Право вести войну всегда оставалось явной прерогативой государственной власти. Правда, это право периодически оспаривалось и ставилось под сомнение философами, и политологами, поэтами и политиками, которые стремились изменить, ограничить или совсем отменить эту прерогативу правительства.

Вплоть до начала XIX в. вопросы мира оставались в ведении королей, философов, ученых и политологов. Только незадолго до окончания эпохи Великой Французской революции и наполеоновских войн простые европейцы стали создавать общественные неправительственные ассоциации по вопросам, оказывающим непосредственное влияние на жизнь людей. В число таких вопросов входили борьба с вредными привычками (например, с алкоголизмом), образование для детей бедняков, отмена работорговли, установление всеобщего избирательного права, изменение статуса женщин и т.д. В XIX в. в Европе сформировались как массовые политические движения, так и различные комитеты, целью которых было воздействие на членов парламентов при решении конкретных вопросов. По инициативе простых граждан были созданы различные общества, выступающие за установление мира, за сокращение гонки вооружения, за обуздание милитаризма и за выработку мирных способов решения международных конфликтов. Международные общества мира и общества, заинтересованные во внутренних реформах и даже в революции, имели существенное отличие: в большинстве случаев деятельность обществ борьбы за мир выходила за пределы государственных границ, поскольку иначе трудно было бы рассчитывать на успех.

В период между 1815 г., когда было заключено Венское соглашение, и 1871 г., когда был подписан Франкфуртский мирный договор, общественная жизнь в Европе претерпела серьезные изменения. Попытки отвергнуть или свести к минимуму законодательство Великой Французской революции и восстановить старый режим столкнулись с либеральным и национальным движением, став источником постоянного напряжения в политической жизни европейских стран.

Промышленная революция, внесшая необычайные изменения в производственные процессы, а также в социальную и классовую структуру общества, начавшись в Англии, продвигалась волнами в глубь континента. Постоянно происходили столкновения между представителями старой элиты, пытавшейся вернуть былую власть, и новыми, только нарождающимися социальными группами, которые требовали политических, экономических и интеллектуальных изменений. Некоторые из наследников традиционной дипломатической, военной, административной и юридической элиты к 1860-м годам поняли, что для сохранения власти необходимо приспособиться к новым условиям. Социальные группы, возникшие в Европе в период между 1815 и 1871 гг., были кровно заинтересованы в проблемах войны и мира. Отношение к войне и миру часто становилось критерием отношения к процессу модернизации.

Объединение граждан в общества под названием «друзья мира» началось в Великобритании и Соединенных Штатах Америки сразу после наполеоновских войн и войны 1812 года. В обеих странах организацией обществ мира занимались главным образом лидеры евангелистской христианской церкви, т.е. люди либеральные, здравомыслящие, стремящиеся претворить в жизнь проповеди Евангелия и выступить против бессмысленной смерти ради интересов национальной политики. Лидеры этого движения, такие, как Коаг Уорчестер в Америке и Джозеф Т.Прайс и Уильям Аллен¹ в Великобритании были убеждены, что здравомыслящие люди могут покончить с войной. С 1793 по 1815 гг. в Англии появились различные антивоенные политические группировки, выступающие против предпринятой Уильямом Питтом военной кампании против Французской революции². Некоторые из противников войны и применения силы в международных отношениях ратовали даже за отмену новой Конституции США³. Движение за прекращение уже развязанных войн в Англии и Соединенных Штатах Америки не достигло непосредственной цели, однако бесспорно оказало сильное влияние на последующее политическое развитие. В Англии ак-

тивные действия групп, выступающих против политики правительства тори, руководимого Уильямом Питтом и его последователями, несомненно подрывали власть старых олигархий и формировали новое общественное сознание, признававшее необходимость либеральных реформ. Особенно это направление проявилось в 1830-х годах⁴. В 1817 г. правительство США подписало Руш-Баготское соглашение по демилитаризации Великих озер и приграничных с Канадой территорий.

После кровопролитных войн в Европе 1793-1815 гг. различные протестантские группировки, такие, как диссентеры, квакеры, евангелические и даже несколько государственных обществ, принадлежащих англиканской церкви, в 1816 г. успешно объединились в Общество за установление прочного всеобщего мира. Часто его еще называют Лондонским обществом мира. Первоначально оно включало 30-40 высокообразованных бизнесменов, банкиров и священников. Менее чем через 10 лет эта организация насчитывала уже почти 1500 членов, имея более 20 различных отделений по всей территории Англии. Это общество издавало газету «Вестник мира»⁵, публиковало дешевые брошюры, создавало отделения на местах и всемерно поддерживало публичные лекции. Общество, созданное в поддержку христианского лозунга о прекращении всяких войн, знаменовало собой значительный поворот в самой природе христианского пацифизма. Если раньше наблюдались отдельные выступления граждан против войны и отказ участвовать в войнах, то появление группы, или общества, означало начало выступлений широких слоев населения за более глубокие политические перемены, изменение старого мышления, признававшего необходимость войн⁶.

Создатели Лондонского общества мира были, несомненно, счастливы узнать, что подобные группы и общества имеются и в Соединенных Штатах Америки (например, в 1815 г. в Массачусетсе, в Нью-Йорке и затем в Огайо)⁷. Истинной же целью Лондонского общества мира было стремление воздействовать на события на Европейском континенте. В XIX в. мир в Европе зависел не от триумфа пацифистских принципов в Соединенных Штатах Америки, а от европейцев, которые к середине XIX в., овладев техническим потенциалом, должны были контролировать и оказывать влияние на весь мир. После 1815 г. в Европе верх одержали приверженцы реакционной политики. Участие людей в каких-либо неофициальных обществах вызывало подозрение. Евангелистское общество квакеров в Европе оказалось непо-

следовательным. Подавление либеральных и прогрессивных настроений было закреплено в ряде международных соглашений, подписанных в Вене в 1815 г. и периодически обновлявшихся вплоть до 1822 г. Парадоксальной выглядела поддержка на начальном этапе британских пацифистов Священным союзом, который на словах выступал за сохранение мира. Речи царя Александра I были созвучны британским пацифистам, и только кровавые события и антиреволюционные репрессии 1820-х годов отрезвили пацифистов и раскрыли истинное лицо Священного союза.

Британские пацифисты поняли, что без поддержки со стороны единомышленников на Европейском континенте, которые бы вели пропаганду дела мира, надежда на то, что прекратятся войны между народами христианского мира, практически равна нулю. Первыми, к кому обратились британские пацифисты на континенте, были филантропические общества, поддерживавшие реформы. Результаты, в частности, установление контактов с голландцами, немцами и жителями Швейцарии, выступавшими за установление мира в 1820-х годах, были незначительны и не привели к образованию достаточно крупных организаций мира. Основные надежды англичане возлагали на Парижскую группу борьбы за реформы. Эта группа под названием Общество христианской морали, созданная в 1821 г., вызывала недоверие Бурбонов. Возглавляемое герцогом де Ла Рошфуко-Лианкортом, человеком, признающим целесообразность реформы, общество включило протестантов, сторонников реформ в сельском хозяйстве, криминальной юстиции и в ряде других отраслей, будущего министра Франсуа Гизо, а также целый ряд лиц, причастных к свержению монархии в 1830 г. Сначала члены общества настаивали, чтобы оно занималось только изучением и проведением реформ и чтобы «усердно избегало как в устных беседах, так и в документах всего, что могло бы усилить противоречия в религиозной сфере или же сомнения... всячески стремилось способствовать сокращению внутренних разногласий и прекращению войн с иноземцами, уменьшая ненависть и слепой патриотизм... На решения общества не влияет ни одна партия...»⁸

Первое заявление общества, а именно отказ от участия в политике различных партий, напоминало аналогичное обещание Лондонского общества мира. «Друзья мира ничего не имеют общего с политикой партий... Наше дело — дело церкви, а не политики; и в тот момент, когда мы забудем о первой и каким-нибудь образом повернемся ко второй, мы потеряем основную поддержку...»⁹

Британские пацифисты, однако, были разочарованы в Парижской группе, так как ее члены, несмотря на обещание бороться с безоглядным патриотизмом, на самом деле мало интересовались проблемами мира. И только в начале 1840 г. это общество выразило согласие издавать сборник работ, посвященный проблеме: «Какие меры лучше всего способствуют решению международных конфликтов и установлению Всеобщего Мира без применения оружия»¹⁰. За лучшую работу был учрежден приз. Победителем стал Константин Пекье, в прошлом последователь Сен-Симона и Фурье. Он выступал за создание объединяющей народы конфедерации, в которой все международные конфликты решались бы юридически. Станным может показаться то, что Пекье не принимал во внимание религиозные идеи. Он исследовал исторические предпосылки современной индустриализации в течение относительно мирного периода времени (с 1815 по 1840 г.) и сделал вывод, что прогресс требует мирных условий. Стиль и содержание работы Пекье свидетельствовали, что автору были не известны аргументы пацифистов, которые заполняли все колонки издания «Вестника мира». Автор также не был знаком с литературой, распространяемой поборниками мира в Англии.

Европейские сторонники мира и урегулирования международных отношений предпочитали аргументы морального, этического и практического плана, а не религиозный рационализм. Первой открыто признанной организацией на территории Европы стало Общество мира, образованное в Женеве в декабре 1830 г. графом Жан-Жаком де Селлоном (1782-1839). Общество провозглашало религиозные принципы, однако во главу угла ставило практические и экономические аргументы. Селлон, будучи активным протестантом, пришел к выводу о необходимости установления мира в международных отношениях в результате приверженности к еще одной цели своей жизни — отмене смертной казни¹¹. Как и другие христианские пацифисты, Селлон был убежден, что ничто не оправдывает лишения человека жизни — только Бог вправе это сделать. Его проекты касались самых разнообразных сфер — от исправительных заведений до строительства каналов. Селлон был глубоко убежден, что войн в Европе можно избежать. Достигнуть же этого можно путем заключения международных договоров, но только при условии, если правящие круги укоренятся в мысли, что этот шаг является жизненно важным для будущего цивилизации.

Ни британские пацифисты, ни парижские филантропы, ни члены Женевского общества мира, ставшие первым поколением миротворцев, не проявляли интереса к массовому участию граждан в деле мира. Когда в редакцию «Вестника мира» поступило предложение обратиться к низам, т.е. к тем, кто составляет основу армии, редактор отклонил его, утверждая, что дело избавления от войн принадлежит правящим классам¹². Когда в 1840-х годах участники чартистского движения заинтересовались антивоенной деятельностью, то созданное ранее Британское общество мира проигнорировало их. Группа Рошфуко-Лианкорта в Париже в 1820-е годы и группа Селлона в Женеве в 1830-е связывали свои надежды исключительно с правящей верхушкой. Общество Селлона состояло в основном из представителей женевской элиты. Пропаганда, как главный метод действия, была обращена лишь к тем, кто обладал властью и влиянием, т.е. к группировкам интеллектуалов и политических деятелей, в число которых входил и находящийся в изгнании Луи Наполеон¹³.

Селлон принадлежал к поколению людей, еще хранивших в памяти ужасы террора якобинцев и санкюлотов. Поэтому он пытался убедить элиту в том, что сокращение расходов на вооружения необходимо как для роста экономики, так и для социальных и культурных целей, жизненно необходимых «новому времени». Селлону представлялось абсурдным, что так неразумно используются людские ресурсы — 3 млн. человек служат в армии в мирное время. Этих людей можно было, по его мнению, использовать «для строительства дорог, мостов, каналов, пенитенциариев для правонарушителей и, возможно, для колонизации Африки» (причем, он искренне считал, что колонизация будет проходить мирно, путем экономических преобразований)¹⁴. Логическим развитием современной цивилизации Селлон считал путь организации европейских государств в федерации и конфедерации, путь мирных методов урегулирования конфликтов и сокращение расходов на вооружение. Общественный рационализм счастливо сочетался у него с христианской моралью.

Селлон посвятил жизнь разработке всевозможных систем организации европейских государств. Если убедить правителей и элиту в необходимости такой организации в Европе, то, по мнению Селлона, можно было бы создать европейское правление. Он предлагал сформировать федерации подобных групп, например, германская, славянская или латинская группы. Эту идею впоследствии развили сторонники Мадзини. Однако Селлон считал, что и одна нация может

представлять целую группу наций. Франция, в частности, может представлять Испанию, Португалию, Италию, Бельгию и швейцарских французов; германская конфедерация могла бы представлять Голландию, немецкую Швейцарию, Швецию, Данию; Россия могла бы представлять Восточную Европу, включая Грецию. Для Селлона не имело значения, каким образом будет управляться страна. Дипломаты стран Европы должны были бы обращаться в правление с просьбой учредить суд для решения спорных вопросов. Все нации должны будут подчиняться Декларации прав человека, согласно которой отменяется смертная казнь и право вести войну¹⁵. Подозрительно относясь к современной демократии, Селлон не принимал во внимание требования национальной независимости народов. Даже борьба греческого народа за независимость, которая велась с помощью Англии в 1820-х годах, не вдохновила его, и он постарался заглушить интерес, который проявил его племянник к героической борьбе угнетенных народов за независимость (племянник Селлона — молодой Камилло Бензо ди Кавур)¹⁶. После смерти Селлона в 1839 г. его дочь Валентине де Селлон попыталась продолжить работу общества, созданного отцом, однако протоколы заседаний общества, если таковые и были, не сохранились.

К 1840-м годам различные направления обществ мира, сливавшиеся в единый поток идей мира, сконцентрировали внимание на преимуществах, которые можно было бы получить от сокращения расходов на вооружение и разработки методов сохранения мира между государствами. Даже среди американских и британских кругов, которые выдвигали на первый план набожность, религиозные мотивы уступили место идеям социальных перемен. Так, в Англии Манчестерская школа либеральной экономики, кампании Ричарда Кобдена против закона «Анти-корн» и борьба Кобдена и Брайта¹⁷ за ослабление британской воинственности использовали не только призывы к миру, но и экономические прагматические аргументы.

На континенте под влиянием как Сен-Симона, так и либеральной политической экономии возродился неподдельный интерес к миротворчеству. Например, последовательница Сен-Симона Эжени Нибойе с 1844 г. стала издавать первую газету на континенте «Мир двух миров». Газета стала первой попыткой создания во Франции издания, аналогичного английскому. Нибойе, убежденная в том, что три десятилетия мира на Европейском континенте с 1815 г. принесли для улучшения жизни людей намного больше пользы, чем

все наполеоновские войны, утверждала, что «прогресс... не нуждается в пушках и ружьях, промышленность развивается без ударов и взрывов». Ее мечтой было, чтобы благами прогресса пользовались бедные и неимущие, а не только, как у Селлона, исключительно, «избранные христиане», которые объявили войну злу, однако полностью игнорировали неравенство и социальную нищету современного общества. Для Нибойе справедливость предполагала как экономические, так и юридические аспекты¹⁸.

В течение 1840-х годов британские пацифисты предприняли попытку созвать международный конгресс, используя пример движения за отмену рабства. Такой конгресс мира состоялся в Лондоне в 1843 г. На нем присутствовало большинство британских участников движений мира, несколько делегатов из Америки, а также маркиз де ла Рошфуко-Лианкорт, сын основателя Общества христианской морали. В 1848 г. в Брюсселе состоялась вторая встреча. Это был результат работы американского активиста мира Элиу Бурритта, лондонского Общества за установление прочного всеобщего мира, активистов и последователей Аугуста Виссшера, бельгийского юриста, который стал президентом этой встречи¹⁹. Третья и наиболее известная встреча состоялась в Париже в 1849 г. под председательством Виктора Гюго и при содействии ряда видных французских либералов. В 1850, 1851 и 1853 гг. состоялись еще три конгресса — во Франкфурте и снова в Англии, однако им не хватало того энтузиазма, который присутствовал на конгрессах 1848 и 1849 гг. Подавление революции 1848 года и последовавшая Крымская война 1854 года положили конец конгрессам мира, которые не возобновлялись вплоть до 1867-1870 гг., когда франко-прусская война и Франкфуртский договор послужили новым толчком для созыва конгресса мира.

На встречах 1848-1849 гг. риторика религиозного пацифизма была приглушена. Американец Элиу Бурритт, полный энтузиазма относительно созыва конгресса наций в Европу, был вдохновлен знаменитой статьей Уильяма Ладда²⁰. Американские делегаты, прибывшие на конгресс мира, надеялись что европейские народы примут какую-нибудь ипостась Федеральной конституции Соединенных Штатов Америки — законодательную, исполнительную или правовую — для решения проблем войны и мира в Европе. Бурритт не являлся исключением. Для него решение таких вопросов, как арбитраж и сокращение вооружений, представлялось абсолютно возможным. Все, что должны были сделать прави-

тельства европейских стран, это подписать контракт, или договор, как это сделали в 1787 г. американские штаты, когда они отказались от статьи о конфедерации в конституции. Вдохновленный этим историческим примером, Буррит вел неустанные переговоры с правительствами европейских стран, пытаясь получить разрешение на созыв конгресса мира в Европе.

Однако для европейских делегатов, особенно во время встреч в Брюсселе и Париже, взгляды Бурритта оказались совершенно неприемлемыми. Единственный аргумент, который смогли принять европейцы, был анализ, проведенный теоретиками свободной торговли, помимо Висшера, бельгийцем Шарлем де Брукером, экономистами Мишелем Шевалье и Жозефом Гарни, Гюставом де Милинари и Фредериком Бастиата, журналистом Эмилем де Гирадина, предпринимателем Денизом Потони, а также Ричардом Кобденом. Существо их аргументации теперь хорошо известно. Это была усложненная версия идей Селлона 1830-х годов; военные расходы, как в военное, так и в мирное время отвлекают средства от разработок важных проектов, способствуя нищете и неравенству. Свободный поток товаров и услуг через границы, более того, через континенты, неперемное условие для современного развития. Капитал, необходимый для развития экономики, не должен тратиться на войны и на подготовку к ним. Свободная торговля, устранение барьеров для обмена товарами между странами принесут большую пользу человечеству. Эти теоретики никогда не считали себя апологетами нарождающегося капитализма, они лишь подводили идеологическую базу под неуправляемую жажду наживы. Они искренне считали себя предвестниками новой цивилизации, которая одна только и могла поднять²¹ уровень жизни человечества на иную ступень. В середине 1840-х годов прогрессивные экономисты и пацифисты не могли предполагать, что в результате их борьбы будет создано общество с таким же экономическим неравенством, как и то, которое они собирались изменять. Верхом глупости и греха им казались расходы на поддержку военных предприятий, на оплату паразитирующего класса офицеров и на приобретение вооружений, в то время как эти средства, тратящиеся по существу на силу разрушения и силу, которая сама может быть достаточно быстро и легко разрушена, необходимы для строительства каналов, мостов, дорог, машин, портов, складов и хранилищ, фабрик и заводов, а также на обучение рабочей силы.

В 1848 г. на Брюссельском конгрессе не были приняты во внимание массовые движения, пошатнувшие троны по всей Европе. Делегаты ограничились обсуждением путей усиления влияния движений мира и разработкой новых призывов для привлечения новых сторонников²². В 1849 г. на Парижском конгрессе присутствовало большое число делегатов: 600 участников и 1500 гостей²³. Подавляющее большинство делегатов были из Англии и Франции, 23 делегата из Америки (включая одного раба), а также по несколько делегатов из Дании, Бельгии, Германии и Италии. Непосредственное влияние конгресса было значительно слабее, чем по прошествии некоторого времени. Именно на этом конгрессе Виктор Гюго выдвинул идею создания Соединенных Штатов Европы. Мысль о «Соединенных Штатах Европы» была первоначально высказана делегатом из Италии, политическим теоретиком Карло Каттанео на конгрессе предыдущего года. Слова Виктора Гюго звучали примерно так: «День придет, когда ты, Франция, ты, Россия, ты, Италия, ты, Англия, ты, Германия — все вы, нации на континенте, не теряя индивидуальности и отличительных качеств, сольетесь в единое сверхъединство и образуете Европейское братство как Нормандия, Бретань, Бургундия, Лотарингия, Эльзас объединились в единую Францию»²⁴.

Самым замечательным было то, что конгресс 1849 г. привлек не только выдающихся политических лидеров и экономистов, но ему покровительствовал и архиепископ Парижа, лидеры протестантской общины и главный раввин Франции — три человека, три направления, которые обычно не связаны друг с другом. Пацифисты были в восторге. Покровительство со стороны таких трех сил имело решающее значение для легализации движения.

Единодушные и высокие идеалы организаторов периодически подвергались проверке. Так, французы, руководимые де Жирадином, редактором газеты «Ла Пресс» не поддержали резолюцию, осудившую использование силы во все времена. Британские делегаты под руководством Джозефа Стерджа²⁵ требовали, чтобы все военные предприятия были заклеены. Де Жирадин согласился обвинить и заклеить все войны, которые ведутся «из честолюбия или с целью завоевания», но не с целью самообороны. Де Жирадин предпочитал акцентировать внимание на огромных расходах на военные цели. Он, например, отмечал иронически, что в 1848 г., в год мира, на военные цели во Франции было потрачено больше средств, чем на военную службу во время наполеоновских войн. Этот анализ был дополнен Бастиатом, кото-

рый документально подтвердил военные расходы, которые вынужден нести на своих плечах народ. Ричард Кобден внес предложение, чтобы банкиры отказывались субсидировать свои правительства, если эти деньги предназначены на развязывание и ведение любой войны, кроме войн в целях самообороны против прямого нападения²⁶.

Несмотря на обещание французским властям, что конгрессы мира не будут обсуждать политический вопрос, делегаты Парижского конгресса не могли обойти вниманием ужасы контрреволюций в 1849 г. Во время благопристойных дискуссий на конгрессе до делегатов дошли сведения о жестоком подавлении революции в Венгрии и о разгроме государства Лайоша Кошута австрийской и русской армиями. Подавленный этими новостями, Кобден заклеил монархические режимы²⁷. Хотя пацифисты не хотели вмешиваться в политические события, это оказалось невозможным.

Франциск Буве, член правительства Франции, был настолько потрясен событиями в Восточной Европе, что не смог далее присутствовать на конгрессе. Известие в поражении надежд Кошута пришло вслед за информацией о разгроме Итальянской республики.

Таким образом, в 1848-1849 гг., когда бельгийские и французские либералы стали, к большому удовлетворению англо-американских лидеров движения, активно проводить в жизнь идеи мира, произошел резкий подъем национального освободительного движения. Обнажилась существенная политическая ограниченность идей всеобщего мира. Потерпевшие поражение революционеры бросились в Брюссель, Париж и Лондон с обвинениями лидеров пацифистов. Один из беженцев кричал: «В тот момент, когда деспоты объединяют свои силы по всей Европе для нанесения последнего удара, вы можете всерьез предлагать нам выбросить оружие и утверждать, что это поможет установить мир и свободу в мире?»²⁸

По словам другого беженца: «...чтобы уничтожить войну, необходимо сначала уничтожить угнетение... Искренние, настоящие борцы за мир должны... энергично бороться и готовить народы к последней битве, к битве угнетенных против угнетателей. Когда все нации и народы станут хозяевами своей судьбы, они поймут сами, как надо уважать и права друг друга, и это станет гарантией мира»²⁹.

Итальянский патриот Мауро Маччи, последователь Мадзини, сделал следующий вывод: «Никто не желает войны ради самой войны. И это не наша вина, что в мире столько несправедливости, которая не может быть уничтожена иным

путем, кроме как с оружием в руках... Те люди, которые не одобряют существующего порядка в Европе, должны подняться на борьбу с этим порядком, и это будет единственно возможный путь для завоевания независимости народов и всеобщей свободы»³⁰.

Ответ пацифистов на призыв к завоеванию независимости и свободы был двусмыслен. На конгрессе во Франкфурте в 1850 г., например, де Жирадин сказал, что основной целью революции является вооруженный мир, который поддерживается правительствами стран. Участник конгресса из Германии доктор Боденштаат, представитель конституционной партии Берлина, поставил вопрос о ситуации в Гольштейне, где вот-вот должны разразиться война между Данией и Германией. Президиум заставил его замолчать, так как он затронул «современные политические события». Бурритт утверждал, что все проблемы в Европе можно решить, если созвать конференцию дипломатов, которые создадут постоянно действующий конгресс. Эта позиция совершенно игнорировала стремление «старого режима» сохранить власть³¹.

Прогрессивные силы, поддерживавшие идеи установления мира в Европе, постепенно отказывались от конгресса. Публицист Виктор Консидерант призывал средние классы объединяться с рабочим классом, чтобы покончить с остатками феодального милитаризма и завершить Французскую революцию, что стало бы неременным условием установления прочного мира³². Идея последнего крестового похода, который бы покончил с феодальной тиранией и утвердил бы эру мира, привлекла ту часть общественности, которая открыто порицала итог невмешательства Англии в события в Будапеште и Вене (что, по их мнению, разрушило эти революции) и невмешательство Франции в события, связанные с реставрацией власти папы (что уничтожило республику Мадзини и Гарибальди). К 1852 г. Виктор Гюго, ставший почетным президентом Парижского конгресса мира, находился в изгнании, спасаясь бегством от только что созданной империи Наполеона III сначала в Брюсселе, а затем на Норманнских островах. Кобден также заявил, что не поддерживает идею мира любыми средствами.

В Великобритании, где структура обществ мира больше всего напоминала ассоциации, создаваемые для борьбы против рабства, существовало определенное единство взглядов участников обоих движений. Состоявшийся в 1843 г. в Англии первый международный конгресс мира полностью совпадал с состоявшимся в 1840 г. в Лондоне Всемирным конгрессом против рабства. Британские пацифисты, не же-

лавшие соединять проблемы мира между народами и внутренней справедливости, были гораздо более радикальными, чем пацифисты континента в своих напаках на несправедливость обращения с колониальным темнокожим населением. В 1843 г. британские активисты движения мира бросили грозное обвинение правительству Франции за низвержение королевы Помаре на Гаити. Британское правительство обвинялось в «насильственном внедрении вредных для здоровья наркотиков в население Китая», а также в том, что оно вынуждало «народы (Афганистана) платить иностранным властям». Ораторы, знавшие климат Средней Азии, предупреждали, что британские солдаты погибнут, выполняя приказ правительства контролировать афганские границы³³.

Британские пацифисты критиковали политику Лондона в отношении кафров. Они утверждали, что ни один христианский народ не должен силой навязывать свою власть другим народам. На митинге в 1851 г. выступавшие обвиняли не только правительство Англии в том, что оно провоцирует войны с народами Африки, но и лондонский «Тайме» в «заблуждениях и лжи», дезориентирующих и оболванивающих публику. В отчетах, представленных собраниям британских пацифистов, звучали обвинения в жестоким обращении с желтокожими, чернокожими или смуглыми народами со стороны белых людей, что противоречило христианским принципам. Это нарушение христианской морали наблюдалось не только в Африке, но и в Новой Зеландии и в странах Нового Света. Идеология лидеров британского миротворческого движения сводилась к следующему: «Мы не можем принять теорию, согласно которой цивилизованное общество, соседствующее с нецивилизованными племенами, пагубно бы влияло на последних»³⁴.

Британские пацифисты послали запрос в правительство, требуя объяснить, почему поселенцы и официальные представители в Южной Африке так плохо обращаются с местным населением. Один из выступающих внес предложение провести расследование колониальной политики официальных лиц³⁵. В течение 37 лет находясь на посту руководителя британского движения мира, Генри Ричард (1811-1888) постоянно сохранял интерес к данному вопросу. С 1860-х годов и до конца 1880-х годов он публиковал критические статьи по поводу политики правительства Индии, заклеил вторую Опиумную войну против Китая, истребление народа Майори в Новой Зеландии, вторжение в Японию и бомбардировку Египта³⁶. Британские религиозные пацифисты последовательно выступали за признание прав местного насе-

ления стран Африки и Азии и за установление мирных отношений с «менее развитыми народами». Тем не менее они не приняли ни одной резолюции в защиту Римской республики Мадзини и Гарибальди, которая была уничтожена французскими войсками. Отрицание религиозными пацифистами любого вооруженного насилия носило абсолютный характер, и идея «освобождения» итальянцев и образования ими самостоятельного государства не смогла заставить религиозных пацифистов отказаться от своей позиции.

В то же время континентальный пацифизм испытал влияние восстаний 1843 и 1849 гг. Практически на два десятилетия прекратились конгрессы и собрания активистов движения мира. Когда же международное сообщество мира возродилось в Европе в конце 1860-х годов, то возникло два направления пацифизма. Одно из них продолжало идеи политэкономистов (как Сен-Симона, так и либеральных экономистов). Согласно их взглядам, преимущества мира теоретически являются условием для достижения какого-либо отдаленного будущего, которое придет в результате модернизации современного общества. Инициатором этого направления был француз Фредерик Пасси (1822-1912), ученик Бастиата³⁷. Вместе с преуспевающим банкиром Джином Долфусом и интеллектуалом Адольфом Франком весной 1867 г. Пасси добился от полиции Второй Империи разрешения на проведение публичной лекции по вопросам «преимуществ» мира. Это произошло вслед за событиями в Люксембурге, которые едва не привели к войне с Пруссией. С этого времени начинается история новой Международной Постоянной лиги мира, которой приходилось отстаивать свое право проводить собрания и чьи публикации периодически конфисковывала полиция.

Представители второго направления движения мира считали, что в каждом цивилизованном государстве социальная справедливость и демократия должны предшествовать или, по крайней мере, сопровождать создание организаций, целью которых является сохранение мира на международной арене. Эта позиция, впервые высказанная Эжени Нибойе, основывалась на том, что мир между народами является следствием внутренней демократии — политической, религиозной и социальной, если не экономической. Представители этого направления признавали естественное право угнетенных народов на борьбу за свободу, право на самозащиту в случае нападения. Против такой формы пацифизма выступал Эдмон Потонье (1820-1902), который создал аналогичную сеть организаций под названием Лига общественного

благосостояния. Эта лига была создана в период между 1859 и 1867 гг., когда движение за мир пришло в упадок³⁸.

В 1867 г. в Женеве группа республиканцев, эмигрантов из Германии и Франции, при поддержке английских, итальянских и бельгийских прогрессивных сил провела встречу, где обсуждались проблемы мира и демократии. В сентябре прошел представительный конгресс под председательством Джузеппе Гарибальди, который создал Международную лигу за мир и свободу. Эта организация просуществовала формально до конца 1930-х годов. Работе этой лиги оказывали огромную поддержку многие выдающиеся люди: помимо Гарибальди в ее состав входили такие видные представители либеральной интеллигенции, как Эдгар Кине, Виктор Казинс и Джон Стюарт Милль; ряд таких политических эмигрантов, как Аманд Гоэг, Жюль Ферри, Жюль Барни, такие прогрессивные деятели Швейцарии, как, например, Пьер Жолисант, такие лидеры рабочего класса, как У.Р.Кремер из Англии (основатель Интернационала), писатель и эксперт в области технологии, последователь Сен-Симона Шарль Лемонье, многие представители интеллигенции Швейцарии, в частности, Эли Дюкомен, итальянские и бельгийские экономисты, друзья Гарибальди, среди них Тимотео Риболи. В 1868 г. эта организация стала первым европейским обществом мира, которое создало специальную ветвь, что было результатом работы Мари Гоэг (жены Гоэга). В программе лиги отмечалось, что основным условием формирования международного примирения должно быть создание республиканских организаций. Гарибальди и его последователи призывали к полному отделению церкви от государства, а его речь на открытии конгресса с обвинениями в адрес папы Римского едва не стала причиной восстания³⁹.

Лемонье и Гоэг призвали к свержению королевской власти и провозглашали права народа на самоуправление. Для Лемонье гарантией мира было создание республиканских государств, руководство которыми осуществлялось бы при всеобщем избирательном праве для мужчин (позднее он признал и право женщин на участие в выборах). Программа лиги предусматривала роспуск постоянных армий и создание милиции в целях обороны, полную свободу совести, свободу слова и собраний, всеобщее массовое обучение, гарантированное право на труд и подчинение экономических интересов принципу свободы. Во время открытия конгресса лига провозгласила, что мир «несовместим с огромными военными монархиями, которые нарушают основное право человека на жизнь, содержат большие армии и пытаются по-

давливать малые страны»⁴⁰. Открытое заседание, в котором приняло участие примерно шесть тысяч человек, представляло собой по существу съезд европейской демократии. С поддержкой конгресса мира, который состоялся в 1867 г. в Женеве, выступили и ряд таких активистов движения, которые раньше стояли в стороне: У.Р.Кремер, ведущий лидер английского рабочего класса: члены палаты общин, Карл Лонге (зять Маркса), Эли Реклюс, Толейн, Камиль Пеллетан, Сезар де Паэпе и Михаил Бакунин. Многие прибыли на конгресс непосредственно с заседания I Интернационала.

Встреча в Женеве несомненно явилась широким протестом против империи Наполеона III, монархических государств Центральной и Восточной Европы, положения в Италии (Гарибальди, председательствовавшей на этой встрече, вернувшись в Италию, собрал армию для похода на Рим; при столкновении с правительственными войсками в Мента-не он был ранен). Представители традиционного британского пацифистского движения и либеральные бельгийские экономисты в целом не были согласны с позицией Женевской лиги. Им ближе была группа Пасси. Пытаясь провести разграничение между своей группой и радикальными демократами в Женеве, Пасси утверждал: «Мы не пытаемся что-либо свергнуть, что-то изменить. Мы хотим, чтобы те перемены, которые происходят на наших глазах, проходили более быстрыми темпами. Сейчас, когда цивилизованный мир становится единым, мы хотим, чтобы была создана единая сеть организаций. ...Мы хотим, чтобы только закон, а не сила участвовал в решении судеб людей, городов и даже целых наций»⁴¹.

Имевший богатый опыт по части государственной цензуры, Эдмон Потонье, письма которого постоянно конфисковывались полицией, выразил глубокое сомнение относительно того, что общество, получившее в Париже право на проведение собраний, может внести серьезный вклад в дело мира. И действительно, общество Пасси действовало в строгих рамках, избегало призывов к массам, предлагало сложные проекты, как, например, публикация упрощенных вариантов высоконаучных произведений, таких как, например, исследование Поля Леруа-Болье «Современные войны», в котором повествуется о человеческих и материальных потерях в войнах XIX в.⁴²

Лидеры Парижской лиги предпочитали концентрировать внимание на уже существующих международных соглашениях, таких, как Кларендонский протокол Парижского договора (1856 г.), согласно которому государства обязаны

прибегать к третейскому суду с целью избежать войны. Поскольку такое межгосударственное соглашение уже существовало, пацифисты могли призывать правительства использовать эти методы, не рискуя показаться революционными. Метод убеждения использовался и во время частных визитов к важным и именитым лицам. Пасси призывал известных людей к поддержке общества мира, посещению лекций, направлению писем чиновникам правительства. К такой деятельности относились с уважением. В письме к одному дипломату Пасси так писал о лиге: «Нашей основной задачей является счастье человечества и наша просьба к Вам о поддержке лишена каких-либо материальных соображений»⁴³. Парижская группа отвергла предложение Женевского общества об объединении.

Парижская организация, которую поддерживали Британская ассоциация мира Генри Ричарда и такие видные экономисты, как Густав де Молинари из Брюсселя, отошла от бурной политической деятельности, ее члены проводили публичные лекции (не отвечая при этом на вопросы публики) и надеялись оказывать влияние на сильных мира сего. В какой-то мере этот метод работы можно было бы оправдать, назвав успешным. «Тихая дипломатия» Генри Ричарда и британских активистов мира имела даже некоторые практические результаты: они убедили Лорда Кларендона включить протокол о третейском суде в Парижский договор (1856 г.). Показателен также случай с швейцарским бизнесменом и филантропом Анри Дюнаном, который в 1862 г. неожиданно убедил целый ряд европейских правительств в необходимости созвать дипломатическую конференцию, на которой была подписана Женевская конвенция и создан Международный Красный Крест⁴⁴. (Дюнан выдвинул идею помощи раненым после того, как стал свидетелем человеческих жертв на поле битвы в Сольферино). В 1869 г. Кларендон согласился создать частную миссию, чтобы обсуждать проблемы сокращения вооружений с представителями правительств Франции и Пруссии. Именно на этом в течение длительного времени настаивали либералы. Однако эта миссия провалилась. Прусский министр Бисмарк рассматривал ее как признание слабости Франции и как попытку скрыть воинственные настроения министров Луи Бонапарты⁴⁵. Какими бы помыслами ни руководствовалась в своей работе Парижская лига, политическая ситуация во Франции исключала возможность расширить движение вплоть до сентября 1870 г.

Международная лига мира и свободы в Женеве с презрением относилась к осторожной и тонкой работе Парижской группы. Полные противоречий материалы двуязычной газеты Женевской лиги, которая называлась «Соединенные Штаты Европы», перепечатывались также на немецком языке и периодически публиковались на итальянском. Состоявшиеся в Женеве второй и третий конгрессы в 1868 и 1869 гг. были более энергичными, чем осторожные лекции Парижской группы, хотя оба конгресса не были столь бурными, как Женевский первый конгресс, — Гарибальди уже не появился на них и местные консерваторы уже не пытались запретить митинги. Лемонье и Гоэг стали выразителями основных направлений организации и оба много путешествовали, выступая с публичными лекциями.

В 1867-1868 гг. Лемонье и Гоэг предприняли попытку контакта с I Интернационалом, программа которого относительно проблем мира весьма напоминала программу лиги. В конечном итоге из этого ничего не вышло. Бельгиец Сезар де Паэп в ответ на приглашение принять участие и оказать поддержку съезду Общества мира в выступлении на конгрессе I Интернационала в 1868 г. сказал, что лига мира не имеет права на существование, она не должна работать вместе с I Интернационалом, что предполагало бы, что эта группа вольется в Интернационал и станет участвовать в работе одной из его секций⁴⁶.

Лемонье был очень удивлен такой враждебностью со стороны социалистов. На это Бакунин сказал ему, что «определенный круг» людей оказывает большое влияние на работу рабочих ассоциаций. Бакунин имел в виду Маркса. Вскоре и сам Бакунин вышел из лиги мира, так как в 1868 г. конгресс мира отклонил его резолюцию, в которой утверждалось, что мир предполагает, «что существующая экономическая система... должна быть радикальным образом изменена в направлении освобождения рабочего класса»⁴⁷. Лига мира не поддержала бы социализм, если социализм предполагал отмену всякой частной собственности. Лига также не могла бы поддержать ни анархизм, ни монархизм. Но также непреклонно выступала Лига и против позиции Британского движения мира. По мнению Лемонье, Международная лига мира и свободы никогда не подоблялась Британскому обществу Мира: «Мы не поддерживали химеру, будто абсолютного и всеобщего мира могут достигнуть существующие правительства. Лига стремится установить мир путем создания Европейской федерации. Было бы наивно ожидать добра от существующих правительств. В течение трех веков в

Европе шли скрытые войны. В настоящее время в Европе перемирие, а не мир»⁴⁸.

Таким образом, Женевская Лига выработала свою идеологическую позицию, которая, по мнению Лемонье, «была непосредственным продолжением Европейской революции 1789 года, наследницей Канта и философии XVIII века». Эта позиция нашла поддержку у Теодора Каршера, который заявил, что «война против агрессора является справедливой. Любое вооруженное столкновение является преступлением, если оно не имеет благородной цели защиты прав народа и личности на самоопределение». Лига публиковала брошюры и статьи в газетах об американской гражданской войне, с большой симпатией относилась к проблеме равноправия негров и ни слова не писала об ужасах и кровопролитии этой гражданской войны, которая раздирала семьи. Когда стало известно, что Эмилио де Кастеллар предпринял успешное выступление против испанской монархии, Лига писала: «Будем надеяться, что 30 сентября в Мадриде станет таким же сигналом для всей Европы, каким был день 24 февраля 1848 года в Париже»⁴⁹. Виктор Гюго присутствовал на конгрессе Лиги в 1869 г. и использовал ее приглашение как платформу для обвинения «маленького Наполеона»: «Первым условием мира является освобождение. Для этого необходима революция, которая несомненно будет великой, и, возможно, к сожалению, война, которая будет последней. Затем все будет кончено. Наступит вечный и нерушимый мир, больше не будет армий, больше не будет королей»⁵⁰.

Таким образом, между 1867 и 1870 гг. в Европе существовало две ассоциации, которые призывали к миру. Каждая из них имела свое представление о социальных и политических предпосылках достижения мира. Консервативный характер Парижской группы отражал, с одной стороны, неверие в причастность, а с другой — ситуацию, которая сложилась в годы Второй Империи, когда политические деятели с большой осторожностью и подозрением относились к инициативе простых граждан. Вот что ответил Генри Ричарду представитель парижской полиции, отклоняя просьбу Ричарда об организации и проведении международного конгресса мира в 1867 г.: «Ваши люди... привыкли к массовым митингам, однако у французов все по-другому. Когда они получают возможность выступить перед публикой — и он (полицейский) закончил предложение очень выразительной гримасой»⁵¹.

Подобно Селлону и Ричарду, Пасси также не верил в необходимость войн в целях национального освобождения. Он не видел ничего позитивного в войнах за объединение Италии и полагал, что Италия добьется желаемого в будущем без войн и жертв, когда международная система будет должным образом организована³². Однако Пасси при его достаточно скромной социальной философии и умеренном требовании международного мира все же не был поклонником Луи Наполеона. Его отказ присягнуть на верность Империи означал, что он не мог получить ни одной должности, включая академические.

Неожиданно летом 1870 г. исчезла причина, которая разделяла обе Лиги мира.

Когда война между Пруссией и Францией стала неминуемой, Женевская лига мира заявила, что она «не является войной за освобождение людей и народов, а ведется в силу династических амбиций» Луи Барни громогласно заявлял, что эта война подтвердит выводы проведенного поборниками мира политического анализа: если не осуществлять контроль за правительствами со стороны республиканцев, то политики и правящие круги постараются отвлечь внимание народа от его реальных задач и интересов. Мэри Гоэг утверждала, что эта война доказала необходимость политической эмансипации женщин, вовлечения их в общественную жизнь и необходимость предоставления им возможности получать образование с тем, чтобы они могли руководить общественной жизнью, а не только воспитывать детей³³.

Пасси обратился к Женевской лиге мира с предложением создать единый фронт против войны, а также уговорить нейтральное швейцарское правительство выступить посредником. Однако битва при Седане в сентябре 1870 г. круто изменила ход событий. Война династий неожиданно превратилась в войну в защиту Франции и в войну за национальное объединение большинства немцев. Движение за мир было вынуждено заново пересмотреть свою идеологию и приоритеты.

Надвигающаяся война заставила членов ведущей масонской ложи в Бельгии выступить с новыми инициативами. Шарль Потвин убедил своих братьев по ложе обратиться к германской и французской масонским ложам с требованием немедленного прекращения огня и переговорам о мире. Идея проведения марша масонов не была реализована, однако Потвину удалось включить пункт о мире в последующие повестки для собраний масонских лож. Этот пример вдохновил активистов в Голландии на создание обществ ми-

ра и национальной ассоциации, которая объединилась с группой Пасси в Париже. В Лондоне В.Р.Кремеру удалось создать рабочую Ассоциацию мира, начав работу с осуждения Франко-Прусской войны⁵⁴.

Эдмон Потонье, оказавшись в Париже, пытался обратиться к немцам, среди которых жил долгие годы. Он распространял послания среди наступающих армий, напоминая им, «что пушки, основное средство королей, никогда не должны стать средством общения между народами», однако его обращения не принесли успеха. Осенью 1870 г. видя бездействие правительства Франции, он пытался вновь обратиться к оккупационным германским войскам: «Вы что, хотите, чтобы история наказала вас, уподобив гуннам?... Вы хотите остаться рабами? Если это так, то продолжайте вести войну против Французской республики... Если нет, то возвращайтесь обратно через Рейн, разбейте оковы и сбросьте своих королей»⁵⁵.

Военный правитель Парижа положил конец этим попыткам говорить через голову политической власти. Потонье было запрещено созывать публичные собрания под эгидой Лиги. Осенью 1870 г. за много месяцев по падения Коммуны голос Потонье был единственным, настроенным радикально-демократически, он считал, что простые граждане имеют полное право участвовать в обсуждении вопросов войны и мира, так как правительство не собирается учитывать их интересы.

Пасси, находившийся в это время вне Парижа, слал послание за посланием прусским правителям, напоминая им: «Вы объявили... что война вам нужна только для самозащиты; а не для нападения... что Вы ведете войну не с населением Франции, а с ее правительством... Правительство пало, однако Вы продолжаете нападать. Не забывайте о том, что вы обещали!» Он писал Бисмарку: «Вы не более чем создатель безумной политики и ложного патриотизма, и когда-нибудь Вас отвергнет та самая земля, которая Вас породила»⁵⁶.

После Седана Пасси пытался убедить англичан выступить посредником и даже хотел предпринять поездку к правителям Пруссии, однако смерть любимого родственника в Вогезах повергла его в отчаяние. Он возвратился на родину и ушел в заботу о своем здоровье.

В Женеве Общество мира стало терять своих германских членов, а затем и открыто защищать французское правительство. В то время как Парижская Коммуна доживала последние дни, становилось ясно, что Франция уже не сможет

вновь пережить подъем масс, как это было в 1793 г. Единственное, на что оставалось надеяться Международной лиге за мир и свободу, так это на то, что германские солдаты когда-нибудь сами поймут, что они поддерживают реакционное правительство. Когда был обнародован Франкфуртский договор, Женевская группа объявила его воровством, имея в виду, в частности, присоединение Эльзаса и восточной Лотарингии к Германии. Лемонье и его соратники рассматривали этот факт, как провокацию новой войны. Видя кровавую расправу над Парижской Коммуной, лига чествовала коммунаров на конгрессе 1871 г. На этом же конгрессе лига также потребовала освобождения Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта, которые находились в тюрьме за принципиальную оппозицию войне. Выступавшие сурово осуждали Бисмарка и прусское государство, однако на конгрессе не было ни одного германского представителя и очень мало итальянцев⁵⁷. Виктор Гюго отказался приехать в Швейцарию в 1872 г., чтобы участвовать во встрече Женевского мирного общества: «В наше время война создала тяжелые условия, которые угрожают всей цивилизации. Наше будущее наполнено ненавистью. Сейчас по крайней мере странно говорить о мире»⁵⁸.

Так в 1870-х годах два крупных общества мира практически прекратили свою деятельность, однако, они никогда не исчезали окончательно. Парижская Лига под руководством Пасси была реорганизована во Французское общество международного арбитража. В Женеве Международная Лига под руководством Лемонье при содействии Мэри Гозг и итальянского представителя этического социализма Гаэтано Мила (больше известного под псевдонимом Умилта) продолжала свою работу. Пасси и Лемонье по-прежнему придерживались различных взглядов: Пасси считал, что арбитраж является основным средством решения международных споров, а Лемонье защищал идею создания ограниченного Европейского конгресса республиканских парламентарных государств. Наконец, во время Парижской выставки 1878 г. оба эти общества, а также британские, голландские, бельгийские организации, вновь образованная итальянская организация и ряд частных лиц, заинтересованных в проблемах мира, предприняли попытку возродить международное пацифистское движение. Однако раны, нанесенные этому движению, были слишком глубоки. Франко-Прусская война охладила энтузиазм и интерес к движению за мир практически на целое поколение. Пацифисты, особенно либеральные сторонники мира из таких стран, как Англия, Франция,

Бельгия и США в большой мере недооценили силу национализма. Демократические пацифисты, такие, как группа Ле-монье, например, недооценила силу консервативных политических кругов. Но они все были правы в отношении опасности, которую представляло собой вооружение. Как справедливо заметил в 1850 г. Жозеф Гарни, когда перестают действовать четыре основные причины войн, а именно религиозные интересы, династический эгоизм, экономические причины и узко национальные интересы, то всегда остается угроза со стороны военных политических правящих кругов, которые обладают оружием и армией: «Война является сущностью любой армии, так же как сущностью грозových облаков являются шторм и гроза. Когда мы видим армии, которые собираются предотвратить войну, это всего лишь дипломатические уловки, а война чаще всего имеет место, и это факт»⁵⁹.

Как бы ни были «нереалистичны» и даже «утопичны» доводы целого поколения пацифистов, которые действовали в крайне неблагоприятных условиях Европы в XIX в., справедливость их отношения к современному оружию в руках национальных государств в условиях международной анархии подтверждалась каждый раз, когда начиналась война с применением достаточно сложного современного вооружения.

Народные выступления в защиту мира перешли от стадии детства к стадии недоразвитой зрелости в период с 1815 по 1871 г. В период с 1889 по 1914 гг. это движение перешло на более сложный и высокий уровень деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Biographical Dictionary of Modern Peace Leaders. Westport, 1985.

² Cookson J.E. The Friends of Peace: Anti-War Liberalism in England. 1793-1815. Cambridge, 1982, esp.ch. 1.

³ См.: Merle Curti. Peace or War: The American Struggle, 1636-1936. N.Y., 1936. P. 30-32.

⁴ См.: Cookson J.E. Op.cit. P. 257-261.

⁵ Linden W.H. van den. The International Peace Movement, 1815-1874. Amsterdam, 1987.P.6; Cooper S.E. (ed.). Internationalism in Nineteenth Century Europe: The Crisis of Ideas and Purpose. N.Y., 1976. P. 21-32.

⁶ Brck P. Pacifism in Europe to 1914. Princeton, 1972.

- ⁷ Нью-Йоркское общество мира было создано Дэвидом Л. Доджем в августе 1815 года, а Бостонское общество мира — Н. Уорчестером в декабре 1815 г., опередив британское на год. См.: Linden W. H. van den. Op.cit. P. 29-31.
- ⁸ proceedings of the first General Meeting of the Society of Christian Morals, printed in Society for the Promotion of Permanent and Universal Peace: Annual Report, 1822.
- ⁹ Cooper S.E., ed. Op.cit. P. 36-38. The Herald of Peace, Febr., 1819.
- ¹⁰ Ibid., 1841.
- ¹¹ Биографические сведения о нем см.: Biographical Dictionary... 1985. P. 865-870.
- ¹² The Herald of Peace. 1819. Febr. P. 36.
- ¹³ S g c h a z m a n n P.E. Napoleon III: precursor de la Societe des Nations: Lettre infedite de Louis Napoleon Bonaparte k Jean-Jacques Sellon // Revue Historique, 1937. № 179. P. 368-371.
- ¹⁴ «Supplement», Voeux adresses au futur congres. 1830. Nov. 1.
- ¹⁵ См.: Archives de la Paix. 1973. № 4.
- ¹⁶ Whyte A.J. The Early Life and Letters of Cavour, 1810-1848. Oxford, 1925; Ettore Passerin d'Entreves, «Jean-Jacques de Sellon (1782-1839) e i fratelli Gustavo e Camillo di Cavour di fronte alla crisi politica europea del 1830» // Cantimori D. et al. (eds.). Ginevra e l'Italia. Florence, 1959. P. 674-699.
- ¹⁷ Биографические данные см.: Biographical Dictionary... 1985. P. 108-110, 171-174.
- ¹⁸ См.: Ibid., P. 689-690; Le Paix des Deux Mondes. 1844. Feb. 15; De la paix comme l'entendent certains chretiens // L'Avenir. 1844. № 42. 28 nov.
- ¹⁹ Биографические данные см.: Biographical Dictionary... 1985. P. 995-996.
- ²⁰ Ladd W. An Essay on a Congress of Nations for the Adjustment of International Disputes without Resort to Arms. Boston, 1840. Главный организатор Американского общества мира (Нью-Йорк, 1828) Ладд до конца своих дней служил делу мира. Умер в 1841 г. Краткие биографические данные см.: Biographical Dictionary... 1985. P. 534-536; Краткие биографические данные о Бурритте см.: Ibid. P. 124-127.
- ²¹ Обзор идей экономистов, выступающих за мир, см.: Sil -berner E. La Guerre dans la pensee economique de XVI au XVIII siecle. P., 1939: The Problem of War in Nineteenth Century Economic Thought, Princeton, 1946; см. также: Bastiat F. Paix et Liberte ou le Budget Republicain; Lavaley E. On the Causes of War. N.Y., Garland, 1971.
- ²² Был объявлен конкурс на лучший призыв. Победителем стал молодой бельгиец Луи Бара, написавший длинное эссе, доказывая, что для установления мира необходимо создать организацию для системного изучения потребностей движения за мир, которая предотвратила бы случайный и не всегда четкий харак-

- тер конгрессов, обществ, эпизодических лекций и журналов. Бара считал, что надо обучать специалистов в области исследований мира.
- ²³ *Journal des Economistes*. P., 1849. № 24. 155.
- ²⁴ Report of the Proceedings of the Second General Peace Congress, held in Paris 22, 23, 24 of August, 1844. L., 1849. P. 11-12.
- ²⁵ Биографические сведения см.: *Biographical Dictionary...* 1985. P. 916-918.
- ²⁶ Report... 1849. P. 78.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Antoine E. *Chronique de l'etranger // La Voix du Proscrit*. 1850. 17 oct.
- ²⁹ Karcher Th. *Paix et Guerre // Ibidem*.
- ³⁰ *La Pace di Mauro Macchi*, Genoa, 1856. P. 221.
- ³¹ Report of the Proceedings of the Third General Peace Congress held in Frankfurt, 22, 23 and 24 August, 1850. L., 1851. P. 14, 19, 43-44, 51.
- ³² *La Derniere Guerre et la Paix definitive en Europe*. P., 1850.
- ³³ Proceedings of the first General Peace Convention held in London, June 22, 1843 and the two following days. L., 1843.
- ³⁴ *La Derniere Guerre...* P. 67.
- ³⁵ Ibid. P. 82.
- ³⁶ См. *Biographical Dictionary...* 1985. P. 803-805; *The Present and Future of India under British Rule* (1858).
- ³⁷ См. *Biographical Dictionary...* 1985. P. 730-732.
- ³⁸ Ibid. P. 763-765.
- ³⁹ Lemmonier Ch. *La Verite sur le Congres de Geneve*. Geneva, 1968. Introduction.
- ⁴⁰ Bernel J. (ed.). *Annales du Congres du Geneve, 9-12 Septembre 1867*. Geneva, 1868. 127 f.
- ⁴¹ *League internationale et permanente de la Paix. Premiere Assemblée Generale, juin, 1868*. P., 1868.
- ⁴² Potonie-Pierre E. *Histoire du Mouvement Pacifique*. Bern, 1899. P. 90.
- ⁴³ См.: Deville papers in Archives Nationales, 51, A.R./2.
- ⁴⁴ Merchanton De. *Henry Dunant: essai bio-bibliographique*. Geneva, 1971.
- ⁴⁵ Abrams I. *Disarmament in 1870 // Die Friedenswarte*, 54/1. Basel, 1957. P. 57-67.
- ⁴⁶ *La Premiere Internationale*. Geneva, 1962. P. 1, 388-389.
- ⁴⁷ E.D. «Le Congres de Berne» in: *Les Etats-Unis d'Europe*, 35, 30 VIII 1868, 139; Marx Vuilleumier, «Bakunin, L'Alliance Internationale de la Democratie Socialiste et la Premiere Internationale El Geneve» // *Cahiers Vilfredo Pareto*, 4. P., 1963.
- ⁴⁸ *Les Etats-Unis d'Europe I*, 46, 1868. 15 Nov. P. 182.
- ⁴⁹ *Les Etats-Unis d'Europe*. P., 1872. P. 108-109; *Les Etats-Unis d'Europe*, i. 51. 1868 Feb. p. 18; I, 40. 1868 Oct. P. 157-158.

- ⁵⁰ Hugo Victor. Actes et Paroles, II: Pendant Pexil, 1852-1870. P., 1884. P. 407. См. также: Angrand P. Victor Hugo raconte par les papiers d'etat P., 1861. P. 277.
- ⁵¹ Henry Richard. Journal. P. 1867. February // National Library of Wakes, Archives, 10201. A., 8 February, 1867.
- ⁵² См.: L'Economiste Beige, November 19, 1859.
- ⁵³ Les Etats-Unis d'Europe, III. 1870. July. P. 56, 65-66, 69.
- ⁵⁴ Rapport sur la question de la paix 10 mai, 1872 // La Chaine d'Union de Paris, Journal de la Maconnerie Universelle (X August, 1872). P. 462-467. См. также: Linden van den. Op.cit. Ch. 23; Howard E. Sir Randal Cremer: His Life and Work. N.Y., 1973. P. 82-83.
- ⁵⁵ Reported as «A nos freres d'Allemagne» / circulated from July through October, 1870 in: Histoire du Mouvement pacifique. P. 91-93.
- ⁵⁶ Pour la Paix; notes et documents. P., 1909. P. 49-50; Les Etats-Unis d'Europe, III. 8. P. 71.
- ⁵⁷ Goegg A. et al. Rapport au nom du Comite central Lausanne, 1871. P. 5-7; «Aux membres du Congres de la paix & Lugano» in Actes et Paroles, III, Depuis Pexil. P. 283-284.
- ⁵⁸ Proceedings. Frankfurt, 1850. P. 29.

ПАЦИФИЗМ: ДОЛГИЙ ПУТЬ К СОЗДАНИЮ ДОКТРИНЫ [1867-1902]

В. Гросси

Термин пацифист и пацифизм появились лишь в начале XX в. Однако к тому времени пацифистское движение имело долгую историю. В его активе уже был целый ряд международных встреч.

В Париже через сто лет после Французской революции и отмены рабства, во время Всемирной промышленной выставки произошли два очень важных для пацифистского движения события: первая Межпарламентская конференция и первый Всеобщий конгресс мира. После этого парламентарии и пацифисты стали проводить периодические встречи¹.

Именно в 1901 г. на X Всеобщем конгрессе мира в Глазго несколько участников сначала неформально, а затем открыто выступили за введение понятий пацифист и пацифизм. Дискуссия показала, что, несмотря на видимое единство, движение включало различные идеологические тенденции, которые не всегда преследовали одни и те же цели. Впрочем, эти тенденции были заметны уже с самого начала пацифистского движения.

Наполеоновские войны начала XIX в. послужили импульсом создания первых обществ мира, которые возникли поначалу в англосаксонских странах². Зарождению этого движения способствовали и ряд других сопутствующих факторов.

Прежде всего, следует отметить, что в Англии и в Соединенных Штатах уже в то время имелись возможности для создания ассоциаций и свободы выражения мнений, тогда как на Европейском континенте ничего подобного не было. Особо важная роль в жизни местных обществ принадлежала индивидуальным инициативам. Квakerы выступили пионерами в вопросах сохранения мира. Вдохновленные нравственными и религиозными идеями, они основали первые общества мира. В 1815 г. торговец Дэвид Л. Лодж создал Нью-Йоркское общество мира. Одновременно в Соединенных Штатах возникли и другие аналогичные общества. В 1816 г. квакер Уильям Аллен основал Лондонское общество

мира, которое в течение первой половины XIX в. оставалось маяком пацифистского движения в Европе. Его пропаганда за пределами Англии вскоре достигла Севера Европы и других континентов³.

Вместе с тем значительно усилились связи между американскими и английскими квакерами. Так, американский кузнец Элиу Бурритт решил пересечь Атлантику, чтобы совершить в мае 1846 г. турне по Англии и основать Лигу братства, которая очень скоро уже насчитывала до 6000 членов⁴. Лига оказала сильное влияние на многих лидеров английского пацифистского движения и в 1857 г. слилась с Лондонским обществом мира. Как признавал Ричард Кобден, без рвения и упорства квакеров никогда бы не было обществ и конференций мира⁵.

К тому же бурный рост промышленности и торговли стимулировал общественную и экономическую среду для развития филантропии и благотворительности, а также и пацифистского движения. Действительно, с конца XVIII в. Давид Рикардо, Джон Стюарт Милль и другие экономисты убедительно показали взаимосвязь между торговлей, промышленными кругами и проблемой мира. Первыми пацифистами часто становились пасторы и экономисты⁶.

Например, пацифистка Присцилла Пекковер, выходец из семьи богатого кембриджского квакера использовала полученное наследство для развития пацифистской пропаганды в Англии и в других европейских странах⁷.

Пацифисты часто задавались вопросом о причинах, побудивших англичан заняться делом мира. Так, французский дипломат барон Поль д'Эстурвиль де Констан, получивший нобелевскую премию мира в 1909 г., хорошо знавший Англию, где провел много времени еще до 1895 г., отмечал: «...характер нации должен всерьез учитываться при определении политики... Несмотря на культ атлетических видов спорта, движения, путешествия и приключения, англичане слишком привязаны к миру и к деньгам, которые позволяют им наслаждаться этим миром»⁸.

Если менталитет, религиозные и экономические факторы, политические структуры были в числе главных причин, побудивших англосаксов стать защитниками мира и инициаторами пацифистской доктрины, то на Европейском континенте эта доктрина приобрела иную ориентацию, отразив местные условия и политические реалии. В первой половине XIX в. идеи мира интересовали лишь ограниченный круг людей. Казалось, что культ войны и насилия больше привлекал толпу, чем «слабости» общего мира, польза которых

во многом отрицалась их хулителями. В 1830 г. граф де Селлон основал первое на Европейском континенте Общество мира. Восставший против смертной казни де Селлон посвятил последние девять лет своей жизни (1830-1839) этим двум идеям. Однако его Общество мира исчезло вместе с его смертью.

Прошло еще несколько лет, прежде чем пацифистское движение укрепилось на европейском континенте. Предвестников этого движения Ричарда Кобдена, Джона Брайта и Генри Ричарда привлекала скорее идея о свободных экономических общинах. В лице Фредерика Пасси и Огюста Кув-рера Ричард Кобден нашел сторонников своих доктрин о свободном обмене во Франции и в Бельгии¹⁰. Тем не менее Пасси являлся прежде всего увлеченным последователем Бастиа, имя которого во Франции символизировало либеральную экономику. Пасси был сторонником его экономической системы, основанной на метафизических представлениях XVIII в. На Парижском конгрессе мира 1849 г. Бастиа так говорил об основах своей пацифистской идеи: «Религия и мораль не выясняют являются ли гармоническими или антагонистическими интересы людей». Они призывают людей: «Живите в мире независимо от того, выгодно это вам или нет, так как это ваш долг». Затем политическая экономия добавила: «Живите в мире, ибо ваши интересы гармоничны, а внешний антагонизм, часто вкладывающий в ваши руки оружие, являет собой грубейшую ошибку»¹¹. Бастиа сформулировал предпосылки создания всеобщего мира, который должен основываться на добрых естественных законах и дарованной Богом гармонии. Мысль Бастиа об обязательном миропорядке содержала в себе веру в Бога¹².

Пасси, так же как философ Ренувье, примыкал к протестантизму. Это исключительной добросовестности человек на протяжении всей своей жизни размышлял о предназначении человека и о ценности морального и религиозного воспитания. Подобно Бастиа, он надеялся, что человечество приблизится к Царству божьему, верил в прогресс, потому что верил во всемогущество Бога: он не мог отделить человека от творения Провидения¹³.

Существо идей, сформулированных Бастиа, отчасти объясняет притягательную силу их воздействия на Пасси и других деятелей религиозного мира, ставших известными в пацифистском движении Франции.

Что касается экономических взглядов, то Пасси был убежден в солидарности труда и капитала. Будучи горячим защитником частной собственности, он считал, что она слу-

жит гарантией обмена в обществе и что коммунисты не сумели показать, как может функционировать общество, где человеческое усилие не компенсируется доступом к частной собственности. В области политики Пасси присоединился к формуле Токвиля «Близкое неотвратимое и всеобщее торжество демократии в мире», считая презрение к демократии «презрением к человечеству»¹⁴.

Международную и постоянную лигу мира Пасси основал 21 мая 1867 г., ее президентом стал промышленник Жан Дольфюс. Созданная Пасси лига ставила целью найти практические средства, чтобы предотвращать войны, сокращать постоянные армии, снижать национальную и конфессиональную вражду, передавать международные конфликты на решение государствам-арбитрам. Лига отличалась умеренными позициями и религиозной терпимостью. Поэтому нет ничего удивительного, что она привлекла внимание большого числа деятелей религиозного толка. В нее вошли великий раввин Исидор, протестантский пастор Мартен Пашу, отец Гиасинт Лоуйсон и отец Гатри. Не смотря на частные разногласия, на заседаниях лиги шел плодотворный диалог¹⁵. Лига избегала обсуждать темы, которые могли бы задеть ее членов, или касались социальных и политических вопросов.

Пасси не прерывал отношений с английскими пацифистскими кругами, которые с самого начала поддерживали морально и финансами все его инициативы. Между лигой и Лондонским обществом мира существовало множество контактов. Пасси пригласил Общество мира прислать своих представителей на первую генеральную ассамблею лиги. Пастор Генри Ричард и сопровождавший его Эдвард Пиза приняли участие в ассамблее.

Ричард в краткой приветственной речи, подчеркнув космополитический характер лиги, призвал, однако, к тому, чтобы она оставалась чисто французской организацией, не стремясь стать международной¹⁶. Он говорил о благотворном влиянии его друга Кобдена на распространение идей международного арбитража в парламентских кругах и указал на большую пропагандистскую работу, проводимую ораторами из Общества мира.

Пасси пригласил также Элиу Бурритта принять участие во втором заседании лиги. Однако, будучи болен, американец не смог приехать во Францию, но подтвердил поддержку миротворческой деятельности Пасси. Бурритт заявил, что организация должна стать движущей силой для формирования на Европейском континенте подобных обществ, поддер-

живать отношения с обществами мира в Англии, Америке и других странах¹⁷.

В мае 1870 г. Пасси принял предложение Ричарда присутствовать на ассамблее Лондонского общества мира. Как заявил Пасси, Ричард останется «нашим наставником и нашим всемирно почитаемым руководителем: самым дорогим и самым преданным из наших друзей»¹⁸.

Инициатива Женевского конгресса 1867 г. была вероятно поддержана масонскими кругами, которые стремились установить всеобщий мир международно-правовыми средствами. Этот конгресс завершился 12 сентября 1867 г. созданием Лиги мира и свободы¹⁹. Результаты конгресса вызывают множество споров прежде всего из-за состава участников, представлявших различные политические и социальные круги и особенно из-за участия Гарибальди, выступившего с антиклерикальной речью, которая была встречена в штыки женевскими кальвинистами.

Основанная в тот же год, что и Лига Пасси, Лига мира и свободы собрала деятелей, представлявших несколько идеологических течений — от либерального консерватизма до нигилистских и анархических идей Бакунина. Социалистический интернационал оказал некоторое идеологическое влияние на начальную деятельность лиги²⁰. Утопический социализм Фурье, Прудона и Оуэна, а также английский утилитаризм нашли отражение в политических и социальных устремлениях программы лиги, ставившей перед собой задачу создания «Соединенных Штатов Европы» (так назывался издаваемый лигой журнал). В этих целях она стремилась стать «Школой гражданского долга», программа которой служила бы образцом для европейской демократии. Работая во благо мира, можно было бы положить начало эре республики и демократии²¹.

Первым руководителем Лиги мира и свободы стал философ и горячий республиканец Шарль Лемоннье, давний сторонник идей Сен-Симона. Из-за политической ситуации Лига избрала Женеву местом своей резиденции. Пасси с сожалением говорил об этом блестящем конгрессе, который несколько затмил первые этапы деятельности его собственной лиги. С тех пор он пытался придать новый импульс своему миротворчеству. В бельгийском экономисте Огюсте Куврере, члене-основателе лиги, Пасси нашел союзника, который побудил его возобновить компанию по вовлечению новых членов. Кувреру, по его словам, «не терпелось отомстить за настоящие причины нанесенного ему поражения» «и привлечь всех приличных людей» на сторону лиги²².

Осенью 1868 г. Пасси прибыл в Женеву, чтобы основать там секции своей Лиги. Благодаря примирительным позициям он сумел получить поддержку самых умеренных и консервативных кругов. Он совершил также поездку в Бельгию, где укрепил отношения с Висшерсом, который также был членом лиги Пасси. С самого начала Пасси установил контакты с датчанином Фредериком Байером, единственным представителем Дании. Байер, которого в его первых попытках развивать пацифистское течение поддерживали англо-саксонцы, был одним из редких пацифистов, которые входили в обе лиги²³.

Роль квакерских кругов и британских сторонников свободного обмена на Европейском континенте была в определенной мере решающей. Хотя английское воздействие и не проявлялось открыто, Пасси нашел в нем ценного союзника, который вдохновлял его в наиболее трудные моменты. Через 50 лет после создания собственной лиги он дал оценку своих первых контактов с англичанами в следующих словах: «Генри Ричард был чудесным человеком, наделенным практическим чутьем, преданностью и талантом, с ним я работал с 1867 г. до самой его смерти в такой же задушевной обстановке, как и с вами; он очень старался никогда не показывать "руку англичан" в нашей пропаганде на континенте»²⁴.

Сейчас весьма сложно точно оценить эффективность воздействия Ричарда и других английских пацифистов на континентальное пацифистское движение. Тем не менее Ричард имел в Европе многочисленных друзей: Куврер в Бельгии, Манчини и Склопис в Италии, Дадлей-филд в Соединенных Штатах. Ричард «в зависимости от обстоятельств ездил то туда, то сюда и заложил основы с чувством меры, которая была его сильной стороной, того, что и Кобден, — в 1869 г., т.е. нетрадиционной дипломатии, которая иногда оказывалась наилучшей из всех возможных»¹⁵.

Ассоциация молодых друзей мира посредством права была основана в Неме 7 апреля 1887 г. группой учащихся философского класса лицея. Через две недели она уже насчитывала около 80 членов. Ее почетным президентом был избран Фредерик Пасси. Ассоциация ставила особой целью создание арбитражного трибунала со специальным кодексом, упразднения постоянных армий и формирование национальных милиций для выполнения функций внутренней полиции²⁶.

Знакомство с программой показывает, что ассоциация первоначально испытывала на себе сильное влияние идей

квакеров. Действительно, один из ее руководителей Ж.-А.Барнье был молодым человеком, готовившимся к карьере пастора; он несколько недель провел в Англии, где жил среди квакеров. Эти пионеры абсолютного пацифизма внушили ему великие моральные принципы Евангелия, и в частности, осуждение войны — как акта противного учению Христа²⁷.

Барнье удалось включить в первоначальный устав ассоциации вопрос о ликвидации армий. Когда его призвали на военную службу во Франции, он отказался. Однако вскоре был вынужден выйти из ассоциации и вернуться к своим друзьям — квакерам. После его отъезда было принято решение включить в устав поправку, обязывающую членов ассоциации подчиняться военным законам своей страны. Изменение позиции свидетельствовало об отношении протестующей Ассоциации к отказу от военной службы по религиозным мотивам²⁸. Это выступление против отказа от военной службы по религиозным мотивам представляло собой одну из характерных черт национальных обществ мира, которые признавали военные учреждения своей страны и не поднимали вопроса о пользе национальной армии.

Организация в последствии называлась «Мир посредством права», более чем пятьдесят лет (1887-1938) представляла собой юридическое течение французского пацифизма, которое, впрочем, имело большое число сторонников в Швейцарии, Бельгии и Италии.

Национальные общества мира не получили бы столь широкого развития без активного участия англичанина Ходсона Пратта. Хотя этот человек и не получил общественного признания (он несомненно был достоин нобелевской премии мира), ему принадлежала честь придания нового импульса европейскому движению мира. Коллеги Пратта считали его настоящей моделью человека будущего, или просто человеком мира, патриотом человечества. С начала 1830-х годов он путешествовал по Европе в поисках личных контактов с людьми, которые помогли бы ему выполнить главную задачу его жизни — освободить человечество от бедствий войны²⁹.

Еще будучи ребенком, Пратт сопровождал отца в его разъездах по Европе, в ходе которых имел возможность встречаться с деятелями литературы и науки. Одним из лучших его друзей был племянник Виктора Гюго Леопольд Гюго. Молодым человеком Пратт поступил на службу в Ост-Индскую компанию, будучи вместе с тем корреспондентом журнала «Экономист». Пребывание за границей освобо-

дило его от предрассудков. После возвращения в Англию в 1880 г. он создал пацифистскую Ассоциацию международного арбитража и мира, идеи которой о свободном обмене получали широкое распространение на Европейском континенте. Ассоциация быстро обзавелась секциями в различных странах Европы и организовала конференции: в Брюсселе (1882 г.), Берне (1884) и в Базеле (1885). Среди многочисленных проблем фигурировали и темы международного арбитража, положений об арбитраже в договорах, нейтрализации океанских линий, учреждения Международного трибунала и разоружения³⁰.

Пратт лично финансировал миротворческую пропаганду. Его можно было бы считать предшественником американского филантропа, пацифиста и промышленника Карнеги, хотя его средства были неизмеримо скромнее капиталов сталелитейного магната. Пратт воплощал в себе одновременно теоретика и практика миротворчества. Он был неутомимым оратором, ему случалось читать по несколько лекций в день. Хотя иногда он и бывал разочарован недостатком интереса к его идеям, в частности в Германии и Австро-Венгрии, но он с неизменным усердием продолжал свою миссию. В 1887 г. журналист Эрнесто Монета (Нобелевская премия 1907 г.) под влиянием идей Пратта основал Ломбардский союз мира. На протяжении более 50 лет этот союз оставался главной пацифистской организацией на итальянском полуострове³¹.

XIX век был несомненно чрезвычайно щедр на конгрессы и международные конференции. Мир организовался. Всякое усилие должно было приводить к конкретным воплощениям. Международное пацифистское движение существовало уже несколько десятилетий. Однако ему недоставало общего руководства и организации. На Парижском конгрессе мира 1878 г., собравшемся во время Всемирной выставки, участники колебались между идеей создания федерации мира и бюро. Эти сомнения отражали столкновение двух направлений: федеративная и более умеренная тенденции, представители которой считали, что момент для объединения в федерацию еще не наступил³².

После попытки создания федерации пацифисты на II всеобщем конгрессе, состоявшемся в Лондоне в 1890 г., вновь вернулись к идее основать бюро. Фредерик Байер представил там проект временного устава постоянного международного бюро мира (МБМ) по образцу Международного почтового союза. Проект был утвержден, и МБМ было открыто в Берне 1 декабря 1891 г., получив в Швейцарии статут

международного юридического лица, и в качестве такового получало субсидии от правительства Швейцарии³³.

Под руководством и наблюдением административной комиссии из 15 человек, представлявших общества мира различных стран, МБМ выполняло многочисленные функции. Оно информировало заинтересованные ассоциации и отдельных лиц по вопросам, относящимся к пропаганде мира; разрабатывало повестку дня конгрессов и конференций; выполняло принятые решения, хранило архивы и создало специализированную библиотеку. МБМ собирало также арбитражные решения и постоянно пополняло библиографию по вопросам мира³⁴.

Первым почетным президентом МБМ стал Элие Дюкоммюн, который согласился служить делу мира при условии, что не будет получать никакого вознаграждения. Дюкоммюн полностью посвятил себя этому делу, особенно после 1896 г., когда ушел с должности секретаря Компании железнодорожных дорог Жюра-Симплон³⁵.

Дюкоммюн поддерживал постоянные контакты с коллегой Альбертом Гоба, секретарем Межпарламентского союза. Семья Гоба жила в Берне недалеко от дома семьи Дюкоммюна. К несчастью сотрудничество, которое стремились наладить обе эти организации оказалось трудно осуществимым. Некоторые парламентарии считали, что их деятельность не следует смешивать с деятельностью пацифистов. Дело в том, что первые годы существования Межпарламентского союза были омрачены рядом противоречий. Многие парламентарии оспаривали честь инициативы создания этой организации³⁶. В действительности же заслуга принадлежит англичанину Ричарду Кремеру и Фредерику Пасси, которые в 1889 г. созвали в Париже представителей парламентов.

Пропагандистская активность, которую развили Международное бюро мира и Межпарламентский союз (один общественный, а другой парламентский) свидетельствовала о стремлении объединить усилия с помощью рациональной организации пацифистских сил. Однако не будем заблуждаться насчет того, что обе эти организации располагали большой властью. Они служили связующим звеном между различными национальными обществами мира и организовывали всемирные и ежегодные конференции. Тем не менее таким образом пацифистское движение стремилось создать себе статут, доказать свое право на существование и убедить правительства в своей дееспособности.

За исключением некоторых благоприятных моментов, преимущественно в первые годы своего существования, обе эти организации сталкивались с многочисленными трудностями, в основном финансового характера. Международное Бюро мира, которое финансировалось национальными обществами и получало добровольные пожертвования и небольшую субсидию от Федерального совета Швейцарии, продолжало свою деятельность вплоть до 50-х годов, а затем ушло в забвение. Межпарламентский союз недавно торжественно отметил столетие со дня основания: он умело адаптируется к обстоятельствам, расширяя деятельность в направлении различных вопросов экономического, социального и гуманитарного характера.

Возникновение слова пацифизм относится к 1845 г. Однако на практике оно стало использоваться лишь после 1902 г. Следовательно, термины пацифизм и пацифист появились с некоторым запозданием, уже тогда, когда пацифистское движение было организовано. В 1901 г. французский юрист Эмиль Арно высказал пожелание о принятии этих терминов. Журнал «Мир посредством права» напоминал по этому поводу: «12 сентября 1901 г. на империале трамвая в Глазго, горячие друзья мира Гастон Мош, Эмиль Арно, Анри ля Фонтэн и другие, прибывшие в этот город для участия в XI всеобщем конгрессе мира, по дороге в зал заседания рассуждали о необходимости дать название своей доктрине, которая уже оформилась в систему с четко очерченными контурами. И слова пацифизм и пацифист выдохнули... и с тех пор проложили себе дорогу по всему миру»³⁷.

Пацифистам необходимо было защититься от множества нападок милитаристской партии, которая умышленно смешивала их с антимилитаристами, о чем пацифисты горько сожалели. Кроме того, пресса часто уподобляла их «анархистам», «людям без родины», «революционерам» и «антипатриотам». Их демарш скорее объясняется стремлением отмежеваться от того, чем они не хотели быть. Именно это утверждал д'Эстурнель де Констан: «Я имею право и даже обязан предостеречь правительства и народы против неожиданности войны, так как в наше время война вспыхивает не потому, что ее хотят; она разражается случайно, из-за неосторожности, из-за глупости; и наши дети и в Германии, и во Франции станут жертвами, несомненно героическими, но жертвами этой глупости»³⁸.

И, естественно, что Эмиль Арно, сменивший Шарля Ле-монье на посту президента Лиги мира и свободы, мечтал о том, чтобы дать движение и его главным действующим ли-

цам особое название. Таким образом, Арно стал крестным отцом движения, которое хотя и с запозданием торжественно отметило «необходимое крещение». По его мнению, ни одно слово в словаре не было адекватным определению «пацифистская партия». Нужно было найти такой термин, который охватывал бы все аспекты и в то же время имел суффикс «изм», как «бонапартизм, империализм, радикализм, оппортунизм, социализм, коллективизм, католицизм, протестантизм и т.д.»³⁹.

В 1912 г. А.Сев отметил, что слово пацифизм не фигурирует в перечне слов французского языка. Просмотрев почти все толковые словари, Сев обнаружил, что только «Иллюстрированный энциклопедический словарь» в силу «счастливой непоследовательности» отважился ввести слово пацифист, дав ему следующее определение: «...политический деятель, постоянно стремящийся установить мир между нациями»⁴⁰. Но большинство сторонников мира не узнавали себя в этом определении. Они не обязательно были политическими деятелями.

Что касается слова пацифизм, то оно тоже оказалось изгнанным из словарей. Сев приложил силы, чтобы выработать новое определение: «Пацифизм — это любовь к миру, к этому благу народов. Он согласовывается с самым чистым патриотизмом, так как рекомендует любить прежде всего свою малую родину, затем свою нацию, и, наконец, другие нации. Он ратует за мир между дружественными народами, и не запрещает им войну, когда она в известной мере навязана им необходимостью... пацифизм представляет собой лишь расширенный и очищенный патриотизм, окончательную форму настоящего патриотизма»⁴¹.

Нетрудно понять, что столь пространное и столь неточное определение могло вызвать у пацифистов лишь разочарование. Что должно было стать с пацифизмом во время войны? Само слово становилось символом противоречия, яблоком раздора.

В 1917 г. Теодор Рюйссен огорченно констатировал, сколь подозрительно национальная пресса, в частности газета «Фигаро», относится к пацифизму «плешивому и паршивому, от которого исходит все зло и на который ложится тяжесть ответственности в происхождении самой войны»⁴². Пацифизм — обескураживающий символ, ассимилируемый с пораженчеством. Пацифист же в этих условиях становится пораженцем⁴³, антипатриотом — названия эти пацифисты ненавидят. В принципе этот термин не подходил к пацифистам Антанты. Последние никогда не претендовали на вы-

ступление против Родины и еще в меньшей степени на выступление против национальной обороны. Наоборот, пацифизм воплощал продолжение политики национальной обороны «до конца», а пацифист считался тогда «идущим до конца», экстремистом⁴⁴, стремящимся довести до конца свои политические идеи.

История терминов пацифизм и пацифист имела продолжение, французская академия только 12 ноября 1930 г. на заседании редколлегии своего словаря высказалась за оба слова. Пацифизм был определен как «теория тех, кто верит в воцарение общего мира»⁴⁵. Вернемся к оппозиции, возникшей в пацифистском движении во время обсуждения в обоих терминах.

Почетный секретарь Международного бюро мира Элие Дюкоммюн без промедления стал в направляемых им циркулярах именовать своих коллег «пацифистами». Однако Гастон Мош, бывший артиллерийский капитан, искушенный лингвист, полиглот и чемпион по эсперанто, с самого начала враждебно отнесся к этому слову и резко одергивал Дюкоммюна: «Я обнаружил в вашем циркуляре слово "пацифист". Какой ужас! Я умоляю Вас: оставьте этот безобразный варваризм нашему другу Арно. За ним я признаю все наилучшие качества человечества за исключением качеств галантного писателя и автора. Его тяжелая и шероховатая проза всегда заставляла мои волосы вставать дыбом. Я никогда не соглашусь называться пацифистом, если только это слово не написать пассивист или Пассивист! Это слишком варварски и слишком уродливо. Мы имеем возможность выбирать между "мирными" и "умиротворяющими", или, если хотим указать на позитивную цель нашего действия, между "интернационалистами" и "федералистами". Если уже обязательно принимать варваризм, то следовало бы отдать предпочтение слову "паисты", оно, по крайней мере, результат правильного словообразования, но "пацифисты" никак не подходит! Кроме того, как заметил Мошелес, слово "фист" на английском языке означает "кулак", и выражение to fist означает "ударить кулаком"... Слово "пацифисты" никогда нельзя принять! Каждый раз, когда Арно произносит это несчастное слово, я показываю ему кулак!»⁴⁶

И тем не менее предложение Арно одержало верх, и в обиходный язык вошли предложенные им слова. Мош в конце-концов принял их и признал: «Я пацифист-реалист, то есть реформист...»⁴⁷.

Мош не был единственным сторонником применения других слов. Русский социолог Иван Новиков, симпатии которого в пользу создания европейской федерации, общеизвестны, часто выступал в том же духе. По его мнению, социальный вопрос, который воздействовал на многие европейские страны, можно было решить лишь через Европейскую федерацию.

Новиков выступал против названия «пацифистское движение или пацифистская партия», так как считал, что программа этой партии слишком ограничена. В программе пацифистского движения должны учитываться устремления народов к счастью. «Чудесный идеал федерации» и уважение всех прав в сочетании со снижением налогов должны оставаться главными целями федералистского движения. Федералисты должны вступать на путь преобразования мышления посредством знаний. Это преобразование должно совпасть со слиянием социальных групп в единую ассоциацию⁴⁸.

Новиков попытался определить, какая социальная группа способна сыграть основополагающую роль в преобразовании мышления. Эта роль по праву принадлежит аристократии. Увы, в начале XX в. европейская аристократия представляет собой «тело, зараженное» войной, «особой любовью к атлетическим играм», «влачащееся по дну средневековой мысли», «реакционное, консервативное или ханжеское». Современная буржуазия «приведена в сцепление с социализмом» и обычно находится в лагере милитаризма и национализма. Единственное спасение придет, вероятно, от пролетариата, потому что этот класс больше других заинтересован в европейской федерации. Международный союз даст пролетариату средство подняться над нищетой, расширить свой политический горизонт, чтобы совершить новый 1789 год: «Третье сословие стяжало славу выработкой прав человека, четвертое сословие стяжало еще большую славу выработкой прав наций...»⁴⁹.

Новиков обосновал свои положения историческими примерами. Христианство и ислам, считал он, показывают, что только фанатизм может увлечь толпы и преобразовать общество. В этом смысле социализм понял, что ему нужно, чтобы успешно стать своего рода религией. Социалисты, в глазах Новикова, являлись: единственными разумными людьми», которые могут заставить верить в лучшие времена⁵⁰.

«Федералисты» могли бы стать всемирной партией, если бы они предложили «рай на земле». Новиков излагал свои

убеждения следующим образом: «Я вновь повторяю, что спасение только в наступлении народных масс: когда они поймут, что мир — это хлеб, мы через несколько недель получим федерацию Европы»⁵¹.

Странами, которые больше всех выступали против идей федерации, оказались империи центральной Европы. Новиков с сожалением констатировал, что его федералистские идеи не оказали никакого воздействия на прусский милитаризм⁵².

Дискуссия пацифистов по-своему иллюстрирует столкновение двух различных взглядов на роль, которую пацифистское движение было призвано играть в обществе и в международных отношениях. Новиков и Мош видели в движении мира объединение, которое должно было иметь целью преобразование человеческого мышления. В этом смысле они присоединились к идее д'Эстурнеля де Констана, старавшегося выработать подлинную «политику мира» (носителем которой должна стать была бы интеллектуальная элита) которая постепенно стала бы основной линией поведения для главных движений в защиту мира.

Под знаменем пацифизма укрывалось несколько тенденций. Движение пацифистов не было единым. В 1910 г. движение шло к серьезному кризису. С одной стороны, обозначились «сентиментальные» пацифисты, которые интерпретировали мир в абстрактном и метафизическом смысле, смешивая его с любовью к ближнему; с другой — существовали «реалисты», которые стремились политически организовать род человеческий⁵³.

Пацифизм стал, таким образом, «сплавом чувств доброжелательности и любви к другим людям». Этот сплав чувств выявил социолог Вильфредо Парето, так писавший о двойственности пацифизма: «Какой логик будет достаточно изощренным, чтобы объяснить нам, простым смертным, почему завоевание Египта "соответствуют праву", а завоевание Ливии противоречит праву? Воинственные пацифисты 1911 г. грешили или просто верили, что Юлий Цезарь, Наполеон I и другие завоеватели были простыми "убийцами"; что не было "справедливых войн", кроме, может быть, войны для защиты Родины; затем в один прекрасный день они изменили своим убеждениям и пожелали, чтобы другими завоевателями любовались как героями и чтобы завоевательные войны признали "справедливыми";...»⁵⁴

Таким образом, пацифизм стал двойственной доктриной, так как для обозначения одной и той же реальности имелись два слова (пацифизм и патриотизм), что затрудняло

выявление противоречия. Эта двойственность проявилась в сентябре 1911 г. во время итало-турецкой войны, когда часть пацифистов превратилась в «воинственных пацифистов», одобряющих интервенцию Италии в Триполитанику⁵.

В этом конкретном случае существовало оправдательное противоречие между пацифистской теорией, которая восхваляла обращение в случае конфликта к арбитражу и Международному трибуналу в Гааге, и интерпретацией главных итальянских пацифистов, которые защищали «законное право Италии» оккупировать Триполитанию. Защита национальных интересов, понятие «справедливой войны» и пользы для Италии от оккупации этих земель представлялись в глазах пацифистов рациональными аргументами, тогда как на самом деле они дали возможность националистическому общественному мнению оказать влияние на население.

В этой связи Парето задавал вопрос о том, имеется ли логика в некоторых позициях пацифистов.

Однако это столкновение было в действительности значительно более глубоким, чем это кажется: в нем были заложены основы англосаксонской пацифистской идеологии, с одной стороны, и идея континентальных пацифистов и федералистов — с другой.

Вдохновляемые доктринами квакеров, англосаксы создали блок, чтобы помешать открытому обсуждению вопроса об Эльзасе и Лотарингии. В то же время другие пацифисты, среди которых главными действующими лицами были Мош и Новиков, считали, что пришло время изменить метод работы, если пацифистское движение не встанет на путь реализма, оно будет обречено на бессилие. Мош считал, что во Франции в условиях милитаризма необходимо определить позицию, выработав конкретные проекты, например о праве на законную оборону. Мош утверждал: «...я считаю необходимым и безотлагательным четко установить, что мы не имеем ничего общего с доктриной о непротивлении злу, которую Толстой и его школа хотели бы на нас взвалить, и которую мы, кажется, молчаливо взяли на себя... Честно говоря, я считаю положение очень серьезным и что мы уже слишком задержались в отречении от антимилитаризма, в какой бы форме он не проявлялся»⁵⁶.

Новиков испытывал то же чувство беспокойства, что и его французский коллега. Он спрашивал, какими средствами удастся вывести движение «из детского и простоватого сентиментализма». Все попытки организовать пацифизм на новых конструктивных основах сталкиваются с противодействием Пекковера, д'Александера и других. Новиков не мог

понять, почему из повестки дня всемирных конгрессов мира постоянно исключают дискуссию по некоторым важнейшим вопросам под предлогом опасности обсуждения: «Желанием жить в облаках мы делаем себя смешными. На этом направлении пацифизм осужден на неизбежный провал подобно сен-симонизму и другим гуманитарным мечтаниям»⁵⁷.

Всеобщие конгрессы мира должны были представлять «сердце и сознание цивилизованного мира». Новиков высказывал сожаление, что эти конгрессы становились ареной, где некоторые деятели пользовались возможностью выставить себя на показ. Они хотели получить некоторую известность, предлагали доклады, которые, по его мнению, не имели ничего общего с европейской федерацией, которая должна была стать конечной целью их работ⁵⁸.

Мы изложили здесь первые этапы истории европейского пацифизма. Вдохновлявшееся религиозными идеями и будучи по своему происхождению англосаксонским, это движение быстро развивалось своими политическими и социальными оттенками. С 1889 г. началось организованное оформление пацифистского движения, которое в 1901 г. получило название и доктрину. Как мы видели, эта доктрина была далеко не гармоничным и единичным учением, но тем не менее ее достоинство состояло в том, что она стала объектом периодических дискуссий, в ходе которых вырабатывались предложения по вопросам сохранения мира, сближения народов, актуальности постоянного суда и Лиги наций.

Пацифисты, которых современники считали идеалистами и утопистами, заложили тем не менее основы нового международного миропорядка регулируемого справедливостью и арбитражной практикой. Их идеи осуществлялись после первой мировой войны в процессе создания Лиги наций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первый Всеобщий конгресс мира. Париж, 1889 г.; затем Лондон, 1890 г.; Рим, 1891 г.; Берн, 1892 г.; Чикаго, 1893 г.; Антверпен, 1894 г.; Будапешт, 1896 г.; Гамбург, 1897 г.; Париж, 1900 г.; Глазго, 1901 г.

² Историки англосаксонского пацифистского движения стали объектом изучения многих исследователей. См., например, Brock P. *Pacifism in Europe to 1914*. Princeton, 1972; Idem. *Pacifism in the United States: from the colonial era to the First World War*. Princeton, 1968; Linden van der W.H. *The Inter-*

- national Peace Movement 1815-1854, Amsterdam, 1987. P. 1-38, 115-204, 269-316, 417-480, 515-578; Beales A.C.F. A Short Account of the Organized Movements for International Peace. L., 1931. P.45-65; Schou A. Histoire de l'Internationalisme: Du Congrès de Vienne jusqu'à la première guerre mondiale (1914). Oslo, 1963. T.3. P.36-90; Lubelsky-Bernard N. Les mouvements et les ideologies pacifistes en Belgique 1830-1914. Bruxelles, 1977. T.1. P.20-38.
- ³ Возникновение общества мира в 1880-е годы в Австралии, Японии и Китае также явилось результатом пропаганды англо-саксонских пацифистов. Формирование этих обществ, скорее формальное, чем эффективное, происходило в рамках религиозных миссий и благодаря деятельности пастора Уильяма Джонса. См.: Kongelige Bidliotek, Copenhagen (далее - KB). Nks 2976. Peckover aBajer, 23. Mar. 1889.
- ⁴ См.: Linden van der W.H. Op.cit. P. 196-203.
- ⁵ См.: Brock P. Pacifism in Europe... P.400,367; Idem. Pacifism in the United States...
- ⁶ Schumpeter J. Imperialisme et classes sociales. P., 1919. P. 117; Bozanquer H. Free Trade and Peace in the nineteenth Century. Kristiania, 1924; Schou A. Histoire de l'internationalisme... P. 121-137; Lubelski - Bernard N. Les mouvements... P. 56-72.
- ⁷ Biographical Dictionary of Modern Peace Leaders. Westport, 1985. P. 736-738.
- ⁸ ADS. 12J - 118. Доклад № 247 д'Эстурнеля де Константа министру иностранных дел. 12 августа 1893 г.
- ⁹ См.: Sellon J.-J. Mes reflexions. Genbve, 1829; Weisz L. J.J. de Sellon, ein schweizerischer Vorkämpfer der Friedensidee. Zurich, 1929; Rens I. Giesen K.-G. Jean-Jacques de Sellon: Pacifiste et precurseur de l'esprit de Geneve // Revue suisse d'histoire, 1985. Vol. 35, № 3. P. 261-287.
- ¹⁰ См.: Biographical Dictionary... 1985. P. 108-110, 171-174, 803-805, 178-179, 730-732.
- ¹¹ Цит. по кн.: Potonie-Pierre E. Histoire du mouvement pacifique. Berne, 1899. P. 50-51.
- ¹² См.: Silberner E. La guerre et la paix dans l'histoire des doctrines economiques. P., 1957. P. 85.
- ¹³ Forissier M. Un eveilleur d'ames le Pere Gratry 1805-1872. Lausanne, 1949. P. 176; Bonet-Maury G. Frederic Passi, libre croyant // Paix par le Droit (далее - P.D.) 10-25 sept. № 17-18. 1912. P. 547.
- ¹⁴ Guyot Y. «L'economiste» dans Paix par le Droit, № 12. 25.6.1912. P. 402-403.
- ¹⁵ Chauvin, abbe. La pere Gratry. P., 1911. P. 339-340; Passy F. Quelques souvenirs de ma propagande pacifique. Revue des Revues, 1900. 14 Aug. P. 356-362; Linden van der W.H. Op.cit., PP. 639-669; et Lubelski - Bernard N. Op.cit. P. 75-92. Отец

- Гатри не разделял мнения, которого придерживались другие члены лиги. См.: BRU, Ms. Fr. 2966.
- ¹⁶ Premiere Assemblée generate, 8 juin 1868, 2-eme ed. Paris, Biblioteque de la paix. Ligue Internationale et permanente de la paix. P., 1869. P. 78-79.
- ¹⁷ ADS, 12J-471.
- ¹⁸ P.D. oct. 1910, № 10. P. 596 e s.
- ¹⁹ См.: Bulletin du Congres de la paix de Geneve. 1867. 9 sept. № 2. P. 147; Sarfatti M. La nascita del moderno pacifismo democratico e il Congres international de la Paix di Cinerva nel 1867. Milano, Edizione Comune di Milano, Quaderni del Risorgimento, № 3; Babel A. La premiere internationale ses debuts et son activite k Geneve de 1867k 1870 // Melanges d'etudes economiques et sociales offerts k W.E.Rappard. Geneve, 1944. P. 288-309.
- ²⁰ См.: Bareity J., Fleury A. Mouvements et initiatives de la paix dans la Politique internationale. Bern, 1987. P. 25 et s.
- ²¹ Umilla A. L'oeuvre de la Ligue internationale de la Paix et de la liberte et la section suisse. Neuchatel. 1891. P. 5; Ducommun E. Resume d'un discours prononce i Grenoble le 27 avril 1890 (Ligue internationale de la paix et de la liberte). Geneve, 1890. P. 26.
- ²² См.: Biographical Dictionary... 1895. P. 557-558; Premiere Assemblée generate... P. 28-29; ADS, 12J-470.
- ²³ См., например: письма Луи Адора к Пасси 2.10.1868 г., Байера к Пасси 6.3.1868 г. (ADS, 12J-471), Пратта к Байеру 25.8.1886 г., Ришара к Байеру 24.7.1885 г., Лемонье к Байеру 17.9.1883 г. (К.В.).
- ²⁴ Международное бюро мира.
- ²⁵ Passy F. Ceux qu'il faut honorer... P. 597-598.
- ²⁶ К.В., Барнье к Байеру, 18.4.1887; К.В. Association des jeunes Amis de la paix. Programme. Statuts, Nimes, Chastenier, s.d.
- ²⁷ См.: Babut H. Les origines de la Paix par le droit. P.O., 1928. № 4-5. avr. P. 170-171.
- ²⁸ Ibid. P. 171, 1938. № 6-7-8. Mai-juin-juillet. P. 257.
- ²⁹ См.: P.D. 1910. Dec. № 12. P. 653; Bariety J., Fleury A. Op.cit. P. 65-70.
- ³⁰ ADS, 12J-470; см.: Bulletin du XII-e Congres universel de la paix Rouen et Le Havre 1903. Berne, 1903. P. 175.
- ³¹ Ducommun E. Precis historique du mouvement en faveur de la paix. Berne. 1899. P. 6; Combi M. Ernesto Teodoro Moneta, Premio Nobel per la Pace 1907. Milano, 1968; Rivsa S. Note sul concetto di pace internazionale nel pensiero di E.T.Moneta, Universita degli studi di Milano, Facolta dell lettere e filosofia, 1975-1976; Grossi V. Ernesto Teodoro Moneta gebrochene Stimme des Friedens, dans Der Friedens-Nobelpreis von 1905 bis 1916. P., 1988. T. 2. P. 106-113.
- ³² См.: Lyons S.S.L. Internationalism in Europe 1815-1914. Leyden, 1963; Bajer F. Les origines du Bureau international permanent de la paix. Copenhagen, 1905. P. 2.

- ³³ Proceeding of the Universal Peace Congress Held in Westminster Town Hall, London, from 4th to 19th July 1890. L., 1890. P. 216-217; Peckover P. Story of the Foundation of the International Peace Bureau, Wisbech s.d. P. 7; Ducommun E. *Precis historique...* P. 23.
- ³⁴ Ducommun E. *Precis historique...* P. 23-24.
- ³⁵ См.: Monnier V. Notes et Documents pour servir a la bibliographie d'Elie Ducommun. // *Revue europeenne de science sociales*. 1984. T. 22. № 67. P. 139-164; Simon W. Das Permanente Internationale Friedensburo — schweiger Konsens // *Friedensnobelpreis...* P. 152-159.
- ³⁶ См.: Lubelski-Bernard N. *Op.cit.* P. 537-544; Les origines de l'Union interparlementaire. P.D. 1910. № 2. P. 115-116; P.D. 1910. № 3. mavr. P. 189. Avr. № 4. P. 247.
- ³⁷ P.D. 1930. Dec. № 12. P. 504.
- ³⁸ D'Estournelles de Constant. Le rapprochement franco-allemand n'est pas un reve // P.D. 1914. 10 Jan. № 1. P. 1-2.
- ³⁹ Arnaud E. Le pacifiste et ses detracteurs. P. Berne, 1906. P. 27; Idem. Le pacifisme // *Les Etats-Unis d'Europe* (далее — EUE). 1901. № 2. См. также: Holl K. Pazifismus Geschichtliche Grundbegriffe: Historische Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1978. T. 4. P. 767-787.
- ⁴⁰ Seve A. Le Pacifisme et le Patriotisme // ADPD, 1912. P. 61, note 1.
- ⁴¹ Ibid. P. 62.
- ⁴² Ruysen T. Les deux pacifismes // P.D. 1917. 10-25 Juin. № 11-12. P. 229.
- ⁴³ Это слово появилось в словаре в 1915 г. См.: словарь Le Petit Robert. P., 1981. P. 469.
- ⁴⁴ Это слово появилось в словаре в 1922 г. См.: Ibid. P. 1056.
- ⁴⁵ P.D. 1930. Dec. № 12. P. 504.
- ⁴⁶ NU BIP, 88/5. Mocha Ducommun. 1901. 12 Dec.
- ⁴⁷ ADS. 12J-471.
- ⁴⁸ Novicow J. Comment accroitre l'efficacite du mouvement pacifiste: Dizeme Congres universel de la paix. Glasgow, 1901. L., 1901. P. 12; Idem. La possibilite du bonheur // *Bibliothbque pacifiste interaationale*, Seconde serie: № 1. P., 1904. P. 141, 158.
- ⁴⁹ Novicow J. La possibilite... P. 160-161, 163, 166.
- ⁵⁰ Novicow J. L'avenir de la propagande pacifique (extrait de «la Revue»). P., 1901. P. 7.
- ⁵¹ SF. ADS, 12J-414.
- ⁵² В 1900 г. Новиков опубликовал работу под названием: La Federation europeenne (P., Alcan, 1900, 793 p.), где анализировал препятствия, достоинства и средства достижения европейской федерации. Эта книга была призвана стать путеводной для пацифистов. См.: P.D. 1901. Avr. № 4. P. 173-174.

- ⁵³ SF Les Congres de la paix. Ce qu'ils sont et ce qu'ils devraient. (Manuscrit dactilographie de Novicow), s.l., s.d. (probablement 1908). P. 4
- ⁵⁴ P a r e t o V. Traite de sociologie generale. Lausanne; P., Vol. 1. № 1078. P. 571.
- ⁵⁵ Ibid., Vol. 2. № 1559/1. P. 903.
- ⁵⁶ ВІР. 23/2.
- ⁵⁷ Новиков к Фриду 28.2.1908.
- ⁵⁸ Ibid.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ПАЦИФИЗМ: СО СРАВНИТЕЛЬНОЙ И «ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ»¹ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Екота Мураками

Толстой не употреблял термин «пацифизм». Он снова и снова подчеркивал идею «ненасилия», а не «пацифизма». Сначала думалось, что это не важно, касается лишь выбора термина, поскольку понятия «пацифизм» и «ненасилие» взаимно дополняют друг друга. Эти два понятия казались почти синонимами, особенно автору данной статьи, который склоняется к «буржуазной» концепции пацифизма и не видит в нем, в отличие от В. И. Ленина, ничего отрицательного. Если так, то почему Лев Николаевич не говорил о «пацифизме»?

Слово «пацифизм», заимствованное либо из английского «*pacifi(c)ism*», либо из французского «*pacifisme*», по всей вероятности, вошло в лексику русского языка гораздо позднее. По оксфордскому словарю английского языка (OED) термин этот определяется так: «Политика или доктрина, отказывающаяся от войны и всякой формы насильственного действия в качестве способа разрешения конфликта, в особенности при международных делах». Самым ранним примером употребления данного термина, приведенным в словаре, является статья В.Джеймса в журнале *Quarterly Review*, выпущенном в июле 1910 г. Согласно словарю, термин «*pacifist*» начал употребляться раньше: первый пример приведен из прокламации Э.Арно на международном конгрессе мира, состоявшемся в 1902 г. Во всяком случае, концепция, по-видимому, вошла в общее употребление только в начале двадцатого века, хотя и в качестве «новинки», о чем свидетельствует статья в июльском номере *Times* (1906), где термин «пацифизм» появляется с кавычками.

При отсутствии толкового словаря, основанного на историческом принципе, труднее проследить историю этого слова в русском языке. Тем не менее, наверное, подобную историю концепции пацифизма можно найти и в русском употреблении. Значит, возможно, что Толстой был знаком с

термином «пацифизм», который употреблялся в начале века. Тем более, что большинство его произведений на тему ненасилия были написаны в 90-х годах XIX века и в первом десятилетии XX века. Толстой даже писал в 1909 г. доклад для конгресса мира, созванного пацифистами. А на конгрессе мира, состоявшемся в 1902 году, согласно оксфордскому словарю, уже употреблялся термин «пацифизм».

Автору статьи кажется, что молчание Толстого о пацифизме говорит о каком-то несовпадении концепций «мир» и «пацифизм». Прочитаем еще раз определение «пацифизма», данное оксфордским словарем: «политика или доктрина, отказывающаяся от войны и всякой формы насильственного действия в качестве способа разрешения конфликта, в особенности *при международных делах*». Если «мир» означает в общем смысле ту ситуацию, где не употребляется насилие, а существует покой, «пацифизм» стремится достигнуть такого положения, в котором отсутствует (военный) конфликт *между государствами*.

Такую разницу концепций ясно можно увидеть в истории Японии, в происходившем там процессе «модернизации» и «европеизации». Речь идет о создании слова *хэйва*, означающего «реасе». Хотя это слово сегодня принадлежит самой простой лексике, оно действительно является переводом английского слова «реасе», которое гораздо позднее вошло в лексику современного японского языка. До реформ 1868 года древнее слово *хэйва* употреблялось в общем значении «покой», о чем свидетельствует ряд определений, входящих в словарь терминов, созданных в эру Мэйдзи (т.е. после реформ)². Например, японско-немецкий словарь, изданный в десятом году Мэйдзи (1877), переводит *хэйва* как «gleich machen». В японо-английском словаре, опубликованном в девятнадцатом году Мэйдзи (1886), *хэйва* переводится «to equalize and harmonize: to regulate» — т.е. близко к древне-еврейскому «шалом». Первым примером употребления этого слова в современном смысле является пример, найденный в «Большом японском словаре военных терминов», изданном в 1912 году: «*хэйва* указывает то положение, в котором нет сложного конфликта с другими странами. Это слово — антоним слова «война». Одни думают, что *хэйва* — интервал между войнами, другие думают, что это положение, которое следует после войны, третьи думают, что это более длительное перемирие».

Таким образом, развитие и изменение понятия *хэйва* (реасе) в истории современного японского языка призывает к четкому различению между «реасе» в смысле до модерни-

зации и «реасе» в современном смысле. Если это так, нужно ли относиться к толстовскому учению, касающемуся мира и ненасилия, как к некоторой отсталой идее? Ведь Толстой не говорил о «пацифизме», которому способствовала современная концепция «реасе».

Автору кажется наоборот. Вышесказанные обсуждения показывают, что концепция «пацифизма» — продукт той современной идеологии, которая считает государство одной из самых важных единиц человеческого общества, т.е. продуктом современной идеологии нации (или, точнее говоря, национального государства), в которой (обманчиво) предполагается единство народа, языка и политической единицы (государства). Японский критик Каратани Кодзин утверждает, что национализм возникает только при соприкосновении с другими странами. Иначе говоря, не internationalism (в смысле «международность») возникает в результате национальных конфликтов, а наоборот, именно internationalism ведет к возникновению национализма³. То, что международный закон издавался тогда, когда формировались национальные государства, — это своего рода доказательство такого отношения между интернационализмом и идеологией.

Вероятно, то же самое отношение можно увидеть между концепциями «пацифизма» и национального государства. «Пацифизм» возникает не в результате усилий разрешения конфликтов среди национальных государств: напротив, пацифизм и есть выражение той идеологии, к которой национальные государства считаются полномочными, независимыми политическими единицами, среди которых возможна и неизбежна (но, пожалуй, не очень желательна) война. Другими словами, в этой идеологии слово «реасе» представляет собой лишь антоним «войны» и определяется только как *отсутствие* войны, что показывает последний пример из словаря терминов, созданных в эру Мэйдзи, т.е. пример, цитированный из словаря военных терминов⁴.

Отсюда проистекает следующий по видимости парадоксальный тезис: международный закон *не* разрешает конфликтов среди национальных государств, а, будучи выражением парадигмы, включающей internationalism и национализм, он устанавливает и подтверждает конфликт как определенную систему. Это объясняет то, что концепция «права на войну (a right of belligerence)» возникла параллельно с развитием концепции национального государства. Пацифизм и право на войну — взаимодополняющие понятия; «пацифисты» могут представить «реасе» только как отрицание или меньшую степень прав на войну. Только такой путь

им кажется реальным. Значит, как это ни парадоксально, концепция «реасе» в самом деле дополняет концепцию прав на войну.

А Лев Толстой либо стремился уничтожить именно такую парадигму, либо был совсем равнодушен к ней. Этим, наверное, можно объяснить его молчание о «пацифизме» в последних произведениях. Его философия ненасилия и отказа от войны произошла не от концептуальной политической системы, в которой уже существующие национальные государства старались найти путь к «реасе», а от совершенного непонимания этой системы и пренебрежения ею.

Однако его радикальные воззрения, касающиеся парадигмы национального государства, четко выражались уже в таких произведениях, как «Война и мир» и «Холстомер», в которых критиковалось искусственное разделение человечества государствами-странами. В последних произведениях Толстой с типичной для него убежденностью отрицал понятие «патриотизм», который обычно трактуют в положительном смысле⁵. В ряде статей Яснополянский философ даже отказывается от идеи государства как политико-общественной системы⁶.

Отрицание Толстым современной парадигмы, которая включала понятия интернационализма и национального государства, было слишком радикально, поэтому его не одобряли и не понимали. Однако Толстой стал чтимым учителем философии ненасилия как в Индии, так и в Японии. Выше мы уже говорили о том, что в современную японскую культуру ввели из европейского употребления «реасе» и перевели его как *хэйва*. По всей видимости переводчиком этого термина был японский квакер, Китакура Тококу, выдающийся поэт и критик конца XIX века.

Тококу пишет в предисловии к первому номеру журнала «Хэйва» (реасе), органа пацифистского общества, которое они основали с товарищами-квакерами:

«Осенью 1889 г. мы с несколькими товарищами организовали «Общество мира». С того времени мы вместе изучали проблемы мира. Наконец, время наступило, мы создали Орган, и теперь имеем честь представить его нашим единомышленникам. Слово *хэйва* звучит совершенно ново. Для тех, кто находится вне христианского круга, оно вообще непонятно».

Таким образом, Тококу с гордостью объявил, что они в своем журнале впервые употребили термин *хэйва* и этим выразили новое понятие «реасе», означающее отрицание насилия и конфликта между странами.

Одним из важнейших источников нового понятия было учение Толстого. В статье «Граф Толстой» Тококу так объясняет идеи Льва Николаевича:

«Суть морального учения графа, по-видимому, произошла из Нагорной проповеди Христа. Толстой говорит: 1. Не войой. 2. Не суди. 3. Не блуди. 4. Не клянись. 5. Не гневайся. Эти проповеди предлагаются в эпилоге его книги, которая называется «Война и мир». Подобные мысли можно найти и в других его произведениях».

Очевидно, что здесь Тококу запутался. В «Войне и мире» этих проповедей не найти. Впрочем, он неверно излагает пять пунктов. Выше цитированные принципы высказывались Толстым в «Кратком изложении Евангелия», в трактате «В чем моя вера» и романе «Воскресение». В них они читаются так: «1. Не гневайся. 2. Не блуди. 3. Не клянись. 4. Не противься злу злом. 5. Не войой.» Не исключено, что Тококу читал либо «В чем моя вера», либо «Воскресение» в переводе на английский язык. К сожалению, нам пока неизвестно, какой именно перевод читал Тококу. Во всяком случае, эти строки поэта-критика показывают, что одним из самых важных источников новой концепции «реасе» было учение Л.Толстого.

Как было сказано выше, толстовская философия ненасилия не только не совпадает с понятием «реасе» в современном значении и с концепцией пацифизма, но и совершенно им противоположна. Если так, то можно сказать, что Тококу и правильно, и неправильно понял концепцию «реасе» через учение Л.Толстого. Это видно из другой его статьи.

В «Фрагментальных размышлениях (Со дандан)», опубликованных в журнале «Хейва», Тококу рассуждает:

«Подкреплять нацию военной силой не следует. Она скорее ослабит нацию, обеспокоит людей, а не усилит нацию и не сделает ее державой... Посмотрите на Америку. Это страна экономической силы. Хотя с самого начала она не употребляла военную силу. Другие страны боятся Америки, но, в то же время, уважают ее. Почему боятся? Потому что она переполнена энергией американского народа и в ее промышленной деятельности видна настоящая храбрость. Америка не гордится вооруженной силой, но тем не менее представляет собой лучшую державу и никому не уступает».

Правда, Тококу отрицает военные действия. Но, кажется, его цель в конечном счете состоит в том, чтобы сделать страну сильной «державой». Пацифизм Тококу не противоречит его национализму. Как мы видели, «реасе» и национальное государство взаимно дополняют друг друга. Если

так, то понятно, почему Тококу, несмотря на то, что он критиковал вооруженную силу, все-таки, в отличие от толстовской философии ненасилия, думал в концептуальных рамках конфликтов среди стран и мечтал, чтобы Япония каким-то образом стала державой. Так, толстовское отрицание «пацифизма», патриотизма, и национализма было совершенно непонятно поэту и, следовательно, потерялось в кругозоре Тококу, который был одним из выдающихся последователей толстовского учения.

Этот факт еще более разочаровывает, потому как Толстой думал, что в странах буддизма и конфуцианства имеется большая степень возможности реализовать его идеал ненасилия. Он пишет:

«Если христианство истина и мы хотим жить в мире, то не только нельзя сочувствовать могуществу своего отечества, но надо радоваться ослаблению его и содействовать этому... Европейские народы, забыв Христа во имя своего патриотизма, все больше и больше раздражали и научали патриотизму и войне эти мирные народы и теперь раздражили их так, что действительно, если только Япония и Китай так же вполне забудут учение Будды и Конфуция, как мы забыли учение Христа, то скоро выучатся искусству убивать людей (этому скоро научатся, как и показала Япония) и, будучи бесстрашны, ловки, сильны и многочисленны, неизбежно очень скоро сделают из стран Европы, если только Европа не сумеет противопоставить чего-нибудь более сильного, чем оружие и выдумки Эдисона (снаряды, которыми можно будет в час убивать больше людей, чем убил Атилл во все свои войны — *Т.Ё.-М.*), то, что страны Европы делают из Африки...»¹⁰

Автор переписывает эти строки Льва Николаевича в годовщину того дня, когда нас, японцев, в действительности убили снарядами больше, чем Атилл во все свои войны, и притом не в час, а в минуту, или даже в секунду. И японцы, как писал Толстой, очень быстро и умело обучившиеся военному искусству, в послевоенной новой конституции отказались от всякой формы войны. Этот отказ, будучи, с точки зрения реалистов-пацифистов, столь же идеален и «наивен», как и толстовский отказ от «пацифизма» и национализма, автору кажется, тем не менее сильным и надежным. Почему? Потому, что только то, что наивно, помогает освободиться от данной концептуальной рамки, в которой война — «реальность», а то, что «реально», поддерживает существующую парадигму пацифизма и национализма, точно

так же, как «пацифизм» парадоксально выражает (отсутствие) войны.

Редактор 90-го тома Собрания сочинений пишет в комментарии к докладу Толстого, предложенному Конгрессу мира в Стокгольме, что доклад, который призвал к совершенному отказу от военной деятельности и от государственного строя, в конце концов не читали, потому что организаторы думали, что он слишком наивен, и боялись, что над великим Яснополянским писателем будут издеваться участники-пацифисты. Этот эпизод очень ярко показывает противоречие между толстовским понятием «ненасилие» и современным понятием «пацифизм».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Термин «генеалогия» употреблен в значении, развитом М.Фуко в его «Археологии знания» и «Словах и вещах».
- ² Сого Масааки и др. (ред.). Мэйдзи но котоба дзитэн. Токио, 1986. В данной статье, как это принято в Японии, фамилия японцев дается вначале, а затем — имя.
- ³ Каратани Кодзин, 1970=45-й год Сева (эры Императора Сева). В «Насчет конца». Токио, 1990. Р.Вильямс в «Ключевых словах» рассуждает подобным образом: «The complexity [касающаяся термина «национализм»] has been increased by usually separable distinction between nationalism (selfish pursuit of a nation's interests as against others) and internationalism (cooperation between nations). But internationalism, which refers to relations between nation-states, is not the opposite of nationalism in the context of a subordinate political group seeking its own distinct identity; it is only the opposite of selfish and competitive policies between existing political nations», (стр. 179) Нью Йорк, 1985.
- ⁴ Здесь и везде под термином «пацифизм» автор имеет в виду ту особенную идеологию, которая сформировалась в 18-19-ых веках параллельно с концепциями национального государства и против которой Л.Толстой развивал свою философию не насилия. Автор не высказывает никакой отрицательной оценки ни к пацифизму вообще, ни к редакторскому принципу данного тома.
- ⁵ Насчет толстовского литературного «приема», который состоит в том, чтобы абсолютно отрицать общепринятые идеи, см. мою статью «The West Narrates Itself: Tolstoi and his Orientalist Universalism in *War and Peace* and Other Works» (JSSES16) и Gary Saul Morson, *Hidden in Plain View: Narrative and Creative Potentials in «War and Peace»* (Standord, 1987).

- ⁶ Не то, чтобы автор предлагал анархизм как решение. В статье подчеркивается лишь то, что один отказ от современной идеологии национального государства, вероятно, ведет к ответу на вопросы «войны и мира» в современном мире, — ответу, который пока никому не известен.
- ⁷ Речь идет о первом номере журнала Хэйва. Гэндай нихон бунга-ку дзэнсю. Т. 4. Токио, 1956, стр. 71-72.
- ⁸ Там же, стр. 77-78.
- ⁹ Там же, стр. 72.
- ¹⁰ Христианство или патриотизм? Соб. соч. в 90 томах, т. 90, стр. 52.

С благодарностью отмечаем, что данной работе оказал содействие книжный отдел Государственного музея Л.Н.Толстого.

НЕНАСИЛЬСТВЕННАЯ БОРЬБА ЗА МИР БЕЗ НАСИЛИЯ (АХИМ САВИНДИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ И В УЧЕНИИ М.К. ГАНДИ)

Р.В. Рыбаков

Если историю человечества рассматривать не как последовательность конфликтов, сражений и войн, а как постепенное восхождение к идеям планетарного ненасильственного мира, тогда имя и деятельность М.К.Ганди (1869-1948) — «апостола мира» (как его часто называют) — должны занять в этой истории одно из центральных мест.

Ганди и при жизни не был обойден вниманием пишущей братии, будь то журналисты или исследователи; о нем писали с ним и о нем спорили, кто безоговорочно осуждая, кто неудержимо восхваляя, причем нередко он ставил в тупик и тех, и других своими действиями — непредсказуемыми, странными, но тем не менее находившими многомиллионный отклик среди его соотечественников. Десятилетия, прошедшие после его трагической гибели, перевели интерес к его жизни и взглядам в академическую плоскость, но интерес остался — в библиотеке музея Махатмы Ганди в Дели хранятся свыше 30 тыс. монографий, посвященных этому «полуголому факиру», как презрительно именовал его У.Черчилль.

Казалось бы, все, что можно сказать о Ганди, уже сказано и пересказано. Казалось бы, Ганди уже прочно принадлежит истории. Более того, по мнению некоторых его критиков, поиски Ганди окончились ничем, если не поражением. Долгая ненасильственная борьба за освобождение Индии, признанным лидером которой он был в течение нескольких десятков лет, завершилась апокалипсической трагедией братоубийственной резни; сам величайший проповедник ненасилия пал от руки своего же единоверца; войны не только не исчезли из обихода человечества, но несколько раз сотрясали даже родной ему Индостан. И не случайно в делийском музее рядом с книгами самого Ганди и о нем выставлено

залитое его кровью домотканное дхоти и фотографии военного безумия — от Хиросимы до наших дней.

Тем не менее, обращение к Ганди сегодня — это не погружение в прошлое, в историю, горькую драму которой нельзя переписать заново, трагические результаты которой никому не дано изменить. Ганди — и редко о ком из политических деятелей тех лет можно это сказать — с течением времени становится все ближе нам, все современнее, и, как это ни удивительно, его учение начинает занимать все большее место в наших мыслях о будущем, о путях развития нашего мира, всей планеты.

Мир постепенно дорос до понимания общечеловеческой значимости методов и идеалов Ганди. Для этого миру понадобилось пройти через разрушительные войны, гитлеровские, сталинские и полпотовские лагеря смерти, гонку вооружений, через бесчисленные акты физического и морального насилия. И только теперь, на краю пропасти, мы ясно слышим тихий голос Махатмы.

При всем своем интересе к нему люди за пределами Индии не услышали его при жизни. Многим он казался чудачком, человеком не от мира сего, наконец, человеком из прошлого, из средневековья — странником, забредшим в наш век из древней Индии. Бросались в глаза его аскетизм, ореол святости, стремление мерять грязное море политики божественными мерками; британских джентельменов, общавшихся с ним на переговорах, ставили в тупик его простодушие и искренность, его «дни молчания» и часы молитв, его голодовки, обеты и клятвы со ссылкой на Бога как свидетеля. Просвещенная Европа давно уже отвыкла от людей такого типа. То, что он был человеком из будущего, его собеседники тогда не распознали.

Был ли Ганди понят в Индии? При жизни многие из близких ему людей — вспомним Тагору и Неру — нередко отказывались следовать за ним в тех или иных конкретных акциях, но каждый раз они убеждались в том, что Ганди обладает безошибочным знанием психологии народа. Неграмотная, многонациональная, многоукладная Индия следовала за ним не слепо, а потому, что его учение, все его поступки, вся его жизнь были частью индийской традиции, были понятны и близки им.

Можно ли назвать Ганди пацифистом? В узком смысле этого слова, наверное, нет. Как пишет современный индийский исследователь: «Если пацифизм надеется избавиться от войн главным образом через отказ от участия в войне и через антивоенную пропаганду, то Ганди смотрит гораздо

глубже, считая, что войн нельзя избежать, пока семена их находятся внутри человека и прорастают и дают всходы в его общественной, политической и экономической жизни. Поэтому, предлагаемый Ганди метод лечения является более радикальным и результативным. Согласно этому методу требуется устранить насилие из внутреннего мира человека и из окружающей его среды». Но разве идея построения ненасильственного мира чужда пацифистам?

Мы подходим сейчас к пониманию планетарного, международного значения Ганди; но для будущего человечества учение Ганди следует рассматривать в контексте духовного воздействия всей индийской культуры, а не как самостоятельный политический феномен; в противном случае, мы рискуем недостаточно полно понять и воспринять наследие Ганди. И если перед нами и впрямь стоит задача «устранить насилие из внутреннего мира человека и из окружающей его среды», то мы вправе начать с древней доктрины ахимсы, ставшей у Ганди центральной идеей его учения.

Слово ахимса широко вошло в неиндийские языки совсем недавно и именно благодаря учению и деятельности Ганди, но в Индии это понятие существует с глубокой древности. Слово это производное от химса (убийство, насилие, причинение вреда) и имеет пассивно-противоположное значение, т.е. неубийство, ненасилие, непричинение вреда. Прежде, чем полностью ассоциироваться с жизненной философией и практическими деяниями Махатмы Ганди, ахимса за пределами Индии в основном связывалась с одним из неортодоксальных учений древности, существующим и поныне — джайнизмом. Как правило, в Европе доктрину ахимсы воспринимали через призму курьезных, казалось бы, примеров ее воплощения в практике джайнских аскетов. Действительно, миролюбие и боязнь причинить какой-либо вред всему живущему доходят у джайнов до абсурда: чтобы даже случайно не умертвить какую-либо мошку, джайны носят полотняную повязку на лице; чтобы не наступить на дождевого червя или жука, метут дорожку перед собой специальной метлой. Они не возделывают землю, дабы не повредить случайно плугом кого-либо, живущего в почве; процеживают воду, крайне осторожно счищают грязь с тела, стараются не размахивать руками — и все для того, чтобы не совершить химсы, наихудшего из 18 главных грехов. Нечего и говорить, что джайны соблюдают строгую вегетарианскую

диету. Более того, идеал человека, живущего по законам ахимсы, это аскет, «одетый воздухом», т.е. абсолютно нагой, и полностью отказавшийся от пищи и воды, иными словами — обрекший себя на голодную смерть.

То ли вследствие суровой строгости этой религии, то ли еще по какой причине, но джайнизм никогда не был особенно широко распространен в Индии (кстати отметим, что городок, в котором родился Ганди, входил в сферу влияния одной из джайнских общин, однако джайнское понимание ахимсы, вполне вписывалось в индийский менталитет, в общую для всей Индии атмосферу глубокого почитания всего живущего на Земле, безграничной терпимости и миролюбия, осознания единства человека и природы.

Буддизм, появившийся, как и джайнизм, в VI в. до н.э., хотя и отрицал крайности джайнского аскетизма, предлагая взамен «средний путь», но не в меньшей степени способствовал утверждению принципов ахимсы как основного кодекса поведения. Ранние буддисты, как и джайны, проявляли исключительное милосердие по отношению к «братьям нашим меньшим», устраивая специальные лечебницы для птиц, животных и даже насекомых.

В пору, когда буддизм стал в Индии государственной религией, в эдиктах Ашоки (III в. до н.э.) равно присутствуют ахимса как любовь ко всему живому и ахимса как политическая доктрина. Ашока, которого именовали Грозным, правил Северной Индией воистину железной рукой. В 261 г. до н.э. он совершил поход на своих южных соседей и создал единую огромную империю. Но осознание того, что победа досталась ценой полумиллиона жизней, настолько потрясло победителя, что он торжественно оповестил народ Индии о своем обещании никогда более не прибегать к оружию. Эдикты Ашоки, сохранившиеся до наших дней в разных концах его необъятной империи, И.Г. Эренбург метко назвал «первым памятником антивоенной литературы во всем мире»².

Однако, как бы ни были важны буддийские и джайнистские традиции, в Индии доминируют не они. Джайнизм, как уже говорилось, всегда привлекал лишь ограниченное число последователей, буддизм же давно уже переместился в другие страны и в Индии практически исчез.

Чтобы правильно оценить роль и значение древнего принципа ахимсы в том новом его толковании, какое было дано ему в этической и политической доктрине Ганди, следует подробно остановиться на вопросе о месте ахимсы в основной религиозной системе Индии — в индуизме. Учитывая,

что Ганди был индусом, а по его собственным утверждениям, даже санатани хинду, т.е. ортодоксальным индусом, а также то, что его учение в целом может восприниматься как реформаторское толкование индуизма, необходимо, видимо, прежде всего сказать несколько слов о специфике индуизма как религиозной системы.

Главным, ведущим и связующим всю систему стала в индуизме не религиозная вера в нашем ее понимании, а идеалистическая философия, в которой первопричиной и высшей сущностью мира выступает не Бог, полный любви и сострадания, создающий и нарушающий законы, милосердный и гневный, прощающий и карающий, а безличный, безначальный, бесконечный Абсолют, духовный универсум, включающий (как Космос) и все, и вся, и всех, непостижимый ни разумом, ни молитвой, недоступный в полной мере ни пониманию, ни описанию, ни определению. И если захочет человек грубым своим языком хоть как-то передать свое представление о нем, то не о небесных чертогах или ангельском пенье, не о громовых колесницах или сверкающем мече заводит он речь, а о том, что не требует мифологического склада мышления — дыхание, жизнь, совесть, бесконечность времени и пространства и, конечно, космический закон эволюции.

Вот это последнее и может быть названо наиболее важной чертой индуизма, его стержневой идеей. В этом вся суть системы.

В основе индусского мировосприятия лежит вера в изначальную логичность и взаимосвязанность мира, в некий Вселенский духовный порядок, своего рода эволюционную шкалу космических масштабов. Все в этом мире последовательно развивается от материи к духу, проходя при этом промежуточные стадии — от материи к жизни, затем к сознанию, потом к разуму, и, наконец, к духовному совершенству. В крайних точках развития заключены проявленная и скрытая противоположности: на одном полюсе — чистая материя, в которой дремлет дух, на другом — чистый дух, в котором растворилась материя. Между этими двумя полюсами расположены все мыслимые их комбинации, причем по мере эволюции постепенно возрастает доля духовного начала и уменьшается доля начала материального. От безжизненного материального камня растения отличаются тем, что в них уже есть проявленная частица Высшего Духа, принимающая форму жизни; в животных эта частица, выступающая в форме сознания, уже на порядок выше.

В человеке духовное начало проявляет себя прежде всего как разум; в каждом человеке, в каждом индивидуе есть, сле-

довательно, некая часть Высшего Духа, хотя ее, так сказать, консистенция в разных людях различна, есть люди — камни, живущие без каких бы то ни было духовных запросов, погрязшие в материальном, есть люди — животные, люди — растения, но есть и те, кто уже прошел немалый путь духовного совершенства. Все они, однако, и каждый из них ближе, согласно этой шкале, к Высшему Духу, чем животное, животное ближе, чем растение, а то в свою очередь ближе, чем камень и другие предметы чисто материального мира. Вместе с тем эти отличия как бы подчеркивают эту взаимосвязанность и родство всего сущего во Вселенной.

Человек оказывается вписанным в общую схему развития, причем любое его деяние должно быть соотнесено с магистральной линией духовного развития всего мира. Совершенствуя себя, повышая свой духовный уровень, он способствует тем самым улучшению мира, росту его духовного потенциала, приближая — пусть незначительно — человечество в целом к Высшему Духу. Но он может сыграть своим поведением, своими поступками и даже мыслями контрэволюционную роль, притормозить тем самым общее развитие, снизить общую духовность мира (не говоря пока о негативных последствиях для него самого).

Духовный рост человека предполагает его приближение к Истине и справедливости. Священные книги индуизма предписывают определенный морально-этический кодекс, следование которому должно способствовать самосовершенствованию, независимо от конкретного религиозного направления, секты или толка, в выборе которых верующий свободен. Основными правилами этого кодекса являются чистота, самоконтроль, непривязанность, следование истине и, наконец, ахимса, т.е. ненасилие.

Под чистотой понимается и физическая (гигиена), и моральная сторона. Сюда же относятся сложные правила в отношении диеты, приема пищи и т.п. — ибо, и это важнейшая особенность индуизма, для индуса нет ничего вне религии, сама жизнь есть религиозный акт, тело человека есть храм и даже соблюдение элементарной гигиены рассматривается в условиях тотальной сакрализации всех жизненных процессов как религиозный долг.

Моральная чистота включает в себя искренность, прямоту, отсутствие зависти, злобы, гордыни и т.п.

Самоконтроль подразумевает умение подчинять высшим интересам и дух, и плоть. Терпение, скромность, самопожертвование, умение прощать, терпимость — все эти добродетели настойчиво культивируются с детства и, как правило,

становятся устойчивыми стереотипами во взрослом состоянии.

Более сложно кратко пояснить одну из важнейших составных индусского морально-этического комплекса — непривязанность. Человек должен быть свободен от земных уз, привязывающих его к семье, друзьям, родственникам, свободен от того, что мы в наше время называем «вещизмом», свободен от догм.

Если привязанность к догмам и материальному достатку достаточно легко может быть принята, то свобода от любви к близким представляется на первый взгляд весьма сомнительной добродетелью. Но для индуса все выглядит очень просто — любовь к жене, любовь к детям должны быть полностью свободны от эгоизма обладателя. Все в этом мире преходяще и в конце концов дружба вечна, а друг смертен, вечна любовь, а не любимый. Это не значит, что не надо любить своего ребенка, но в нем следует боготворить божественное начало и, следовательно, ту же любовь следует распространять на всех детей и на все человечество. Любовь должна быть полностью лишена эгоизма, заземленности, она должна быть одухотворена высшим началом — ведь в следующей жизни у вас будут другие дети, другие друзья, а любить следует всех одинаково, как бы низводя на конкретных людей космическую божественную любовь.

Одной из важнейших добродетелей считается стремление к Истине. Истина, разумеется, включает в себя понимание эволюционности духовного развития мира, а не просто отсутствие лжи. Истина, и это очень важно для понимания учения Ганди, включает в себя красоту, справедливость, праведное деяние, защиту обиженных. Стремящийся к Истине способствует сохранению и развитию космического порядка, т.е. в конечном счете духовному совершенствованию всего человечества.

И, наконец, высшим законом человеческого существования считается в индуизме ахимса, включающая в себя, с одной стороны, непричинение вреда ни одному из живых существ (да и неживой природе) ни делом, ни словом, ни даже мыслью, а с другой стороны, активную любовь ко всем созданиям и выполнение определенных обязательств по отношению ко всем живущим на Земле, а также по отношению к предкам и потомкам.

Весь этот морально-этический комплекс был в полной мере использован в политической доктрине Ганди. Особая заслуга Ганди именно в том и состоит, что ему удалось успешно соединить традиционные представления его соотече-

ственников с целями, задачами и методами национально-освободительного движения. Опираясь на традиционные ценности, Ганди сумел сплотить и мобилизовать могомиллион-ные массы и повести их на борьбу с английскими колонизаторами, придав этой борьбе характер духовного возрождения нации.

Доктрина ахимсы стала центральной в учении Ганди, но если в индуизме она определяла в основном поведение отдельного человека, то в истолковании Ганди она превратилась в метод массовых политических действий. Он последовательно экспериментировал с ненасильственным решением проблем на протяжении всей своей долгой жизни и на закате ее как бы подвел итог своим попыткам: «Человечество может избавиться от насилия только путем ненасилия. Ненависть может быть побеждена только любовью. Ответная ненависть служит лишь распространению и усилению ненависти... Все это старо как мир. Но я не просто повторял прописные истины, а провозгласил то, во что я верю всей душой. Шестьдесят лет опыта в различных сферах жизни только обогатили мою веру, которую укрепил опыт друзей. Это, однако, основная истина, которой каждый может придерживаться без отклонений. Я верю в то, что много лет назад сказал Макс Мюллер, — что истину следует повторять, пока есть люди, которые в нее верят»³.

Привнесение морально-этических норм в область политики не было, конечно, изобретением Ганди; в Индии и до него был ряд мыслителей, видевших в этом свою задачу (Б.Г.Тилак, Ауробиндо Гхош и др.) — стране, в мировосприятии которой жизнь человека, развитие общества, судьба нации сакрализированы, иначе и не могло быть. Но Ганди посвятил этому всю свою жизнь без остатка и, видимо, он был прав, когда на дежурный вопрос интервьюеров «Кто Вы, Ганди, святой или политик?» с улыбкой отвечал — политик, который из всех сил старается быть святым.

Ганди скептически относился к употребляющемуся уже в его время термину «гандизм». Он был слишком живым человеком для того, чтобы быть втиснутым в рамки той или иной догмы, часто непоследовательным и противоречивым, за что ему нередко доставалось от исследователей и сторонних наблюдателей. Он жил и действовал по совести, а не по шпаргалкам, он реагировал на конкретные обстоятельства, а не стремился создать законченное учение, и может быть

поэтому так часто говорил своим последователям: «Моя жизнь и есть мое учение».

И чтобы лучше понять это учение, остановимся кратко на нескольких страницах его жизни, относящихся к тому периоду, когда он возвратился в Индию из Южной Африки и постепенно возглавил национально-освободительное движение. Из этих конкретных примеров мы получим более цельное представление, чем из чисто теоретических рассуждений о сути и смысле гандизма. Мы начнем с событий 1917 г. в Чампаране, глухом местечке на границе с Непалом, где Ганди окончательно пришел к выводу о необходимости изгнания англичан из Индии.

Ганди, почти еще не известный в родной стране, приехал в Чампаран по просьбе одного из местных крестьян. Чампаран — это район плантаций индиго, находившихся в руках европейцев. Положение работавших там было чудовищно. Пользовавшиеся благосклонностью британской администрации плантаторы не только жестоко эксплуатировали труд забитых и безответных крестьян, низводя их до положения рабов, но и установили царство полного бесправия и неприкрытого террора. Убийства, пытки, умыкание жен крестьян, снос их домов, избиения, обман при расчете, взимание незаконных налогов и поборов (за водоснабжение — причем по 30-кратно завышенной цене, за свадьбу, за индусские праздники, за лекарство для плантатора и его семьи и даже особая «смертная подать», которую хозяева не гнушались брать с крестьянской семьи, потерявшей кормильца) — все это было не исключением, а правилом, реальностью каждого дня. Затравленные неграмотные люди жили в постоянном страхе за свое имущество, своих близких, за свою жизнь свою.

Ганди приехал в этот страшный край, где не было законов, где всем правила грубая примитивная сила плантаторов и состоявших у них на службе карателей и надсмотрщиков, с тем, чтобы, ознакомившись на месте с жалобами крестьян, через два-три дня вернуться к политической деятельности. Но он не смог оставить поверивших ему бедняков и поселился в Чампаране. Случилось так, что он провел в этом окраинном районе Индии не день, не неделю, не месяц, а без малого целый год.

Для плантаторов никому не известный и бедно одетый Ганди не представлял, казалось бы, никакой опасности. Он был никто, просто еще один чужак, не знавший даже местного языка. Его смехотворные претензии защищать крестьян можно было просто игнорировать, а при желании адми-

нистративно выслать, запугать или даже физически уничтожить его как злостного агитатора. Для крестьян, живших в замкнутом мире общины, почти не соотносившейся с внешним миром, этот незнакомый человек в национальной одежде, с посохом в руке, пришедший издали с единственной целью спасти их от разорения и смерти, казался воистину Махатмой. Великой душой, святым, ниспосланным богами.

Мы же отметим сейчас одно обстоятельство, весьма важное для понимания тактических успехов Ганди в его ненасильственной войне против англичан — он был юристом, адвокатом, он получил образование в Англии и прекрасно знал не только душу своего народа, но и дух британской юриспруденции и умело пользовался этими знаниями. Кстати, вряд ли случайно, что большинство его сподвижников (Неру, Патель, Раджендра Прасад и др.) вышли из той же профессиональной прослойки.

И первое, что он сделал в Чампаране, это установил контакты с индийскими юристами, воззвал к их совести и долгу, привлек их к записи крестьянских жалоб. Теперь он знал, что даже если его арестуют, работа его будет продолжена.

Следующий его шаг — привнесение гласности в этот забытый всеми, затравленный плантаторами край. Всю ночь, первую свою ночь в Чампаране, при свете керосиновой лампы Ганди неугомонно пишет письма и телеграммы, сортируя их на те, что должны быть отправлены немедленно, и те, что необходимо отослать после его заключения в тюрьму. Он пишет видным деятелям Индийского Национального конгресса, политическим лидерам, друзьям; верный своему обычаю, он обращается с исповедью не только к ним, но и к противникам — отсылая вежливые письма комиссару округа и секретарю Ассоциации плантаторов и чистосердечно рассказывая о всех уже принятых и намеченных им шагах. Более того, он посылает подробное письмо самому вице-королю Индии. Обращается он и в ведущие газеты страны, но просит при этом их редакторов проявлять сдержанность в изложении событий, дабы не сорвать возможность компромисса.

Тем временем из всех окрестных деревень идут к Ганди крестьяне. Его помощники ведут тщательную регистрацию всех жалоб. Ганди хорошо понимает всю щекотливость своего положения — стоит им хоть раз зафиксировать ложное свидетельство как правильное, и плантаторы тут же ухватятся за эту ошибку. Строго-настрога требуют он проверять и перепроверять каждое заявление, выявлять свидетелей,

подвергать их перекрестному опросу. Запись идет медленно, очередь крестьян не уменьшается, многие ждут уже несколько суток и неизвестно, когда настанет их черед, но зато записывается одна правда и ничего кроме правды.

Вся округа взбудоражена. Попытка администрации устроить суд над Ганди, отказавшемуся подчиниться приказу о высылке из Чампарана, срывается — отчасти из-за твердой позиции самого Ганди, отчасти из-за того, что здание суда находится буквально в осаде тысячных толп крестьян.

Число записанных жалоб перевалило уже за 25 тыс. Это только бесспорные случаи, не единожды выверенные. Ни один человек в мире, ни один суд не сможет опровергнуть эти свидетельства. Плантаторы понимают это лучше всех. Понимают они и то, что страх перед ними, столько лет помогавший им безнаказанно творить любые расправы и беззакония, не властен более над крестьянами.

Одновременно Ганди разворачивает в деревнях конструктивную программу по борьбе с безграмотностью и антисанитарией, ибо именно в отсталости и нищете видит он питательную среду страха. На призыв Ганди, опубликованный в центральных газетах, едут в никому не известный Чампаран учителя и врачи; добровольцы строят школы, чистят колодцы, убирают мусор.

Плантаторы нападают на добровольцев и крестьян, устраивают поджоги собственных факторий (чтобы свалить это на Ганди), разрушают школы, всячески поносят Ганди в прессе. Опасаясь провокаций, Ганди и его сотрудники дублируют все свои записи — теперь им не дано исчезнуть бесследно.

Правительство вынуждено создать комиссию. Всю необъятную массу крестьян, сотни деревень, тысячи семей в комиссии лягут в основу нового закона только в том случае, если под ним подпишутся все ее члены.

Представляется невероятным, но под окончательным документом комиссии, действительно, стоят все подписи.

Ганди проявил себя выдающимся дипломатом. Вот один из примеров. При обсуждении вопроса о принудительном выращивании индиго он предложил записать в выводы решение об отмене и запрещении этой практики, не подкрепляя его какими-либо конкретными примерами столкновения плантаторов и райятов; если все члены комиссии согласятся на это, плантаторам удастся сохранить лицо, крестьянам же важна суть решения. Если кто-нибудь возражает против его предложения, он будет вынужден представить все записан-

ные жалобы, игнорировать которые не может никто, и будет настаивать на включении их в материалы комиссии.

Стоит ли удивляться, что первым пунктом в выводах Комиссии идет пункт о запрещении системы принудительного выращивания индиго?

Особо остро встал вопрос о возвращении крестьянам неправильно взысканных с них сумм. Вернуть все 100% этих денег плантаторы, конечно, не могли — потребовались бы тысячи судебных исков, к тому же многие плантаторы, получив наличные, продали свою собственность новым владельцам. Ганди и тут был готов к компромиссу — пусть вернут 50%. На этом он стоял как скала. Представитель плантаторов, видя его непреклонность и понимая, что ни на что меньшее Ганди никогда не согласится, предложил вернуть 25% награбленных денег. Совершенно неожиданно для него и всей Комиссии Ганди согласился. Плантаторы были пойманы на слове.

Это вызвало критику в адрес Ганди со стороны его соратников. Но для него была важна не сумма, которую удастся получить от плантаторов, а принцип: то, что плантаторы были вынуждены вернуть деньги вообще, было величайшей победой. Крестьяне знали теперь, что грубая сила более не является законом в последней инстанции.

Война в Чампаране была выиграна. Через несколько лет там уже не осталось белых плантаторов. Край, где крестьяне осознали свою силу, стал для их хозяев чужим. Распродав свои земли и бунгалов, они один за другим выехали из Чампарана.

Ганди же вскоре столкнулся с еще более сложной задачей, возглавив забастовку текстильщиков Ахмедабада. Сложность ситуации была, прежде всего в том, что здесь его противниками были индийские промышленники, более того — его личные друзья. Но для Ганди превыше всего была справедливость, и он самым решительным образом стал на сторону притесняемых ими рабочих.

Конфликт начался с отказа промышленников удовлетворить требование оказавшихся на грани голодной смерти ткачей о 50%-ной надбавке на дороговизну. Под угрозой забастовки хозяева согласились увеличить заработную плату рабочих всего на 20%, что не могло устроить рабочих. Ганди, внимательно изучив все материалы, предложил компромисс — и рабочие, и промышленники уступают по 15% своих первоначальных расчетов; иными словами рабочие требуют 35%-ную надбавку или арбитражного рассмотрения дела.

Предприниматели ответили объявлением локаута. Ганди предложил рабочим дать клятву, не приступать к работе, пока они не получают 35%-ную надбавку. Характерно, что Ганди, тонкий психолог, прекрасно чувствующий толпу как огромный живой механизм, превратил прозаические фразы, клятвы в некий сакральный акт. Это не обещание, а обет, священная мантра всей многочисленной толпы; Ганди потребовал от каждого, дающего клятву в общем хоре голосов, мысленно призвать к себе в свидетели самого Бога, будь то Шива, Аллах или Христос, в зависимости от того, кого почитают они средоточием космической справедливости.

Начавшись на столь высокой ноте, политическая акция, превращенная в религиозное действие, уже не имеет права терять свой торжественно-библейский характер. И Ганди прилагает немалые усилия, чтобы поддержать достигнутый уровень экзальтации забастовщиков. Каждый вечер тысячи рабочих собираются на том же месте — в широком поле у большого ветвистого дерева на берегу реки Сабармати. Одинокие пешеходы сходятся с разных концов города, преодолевая расстояние в несколько миль, чтобы здесь снова почувствовать, что их много, что они едины, что они вместе.

Ганди в своих ежевечерних выступлениях рассказывал им о Южной Африке. Не о себе, конечно, но о борьбе их соотечественников, о их жизни и смерти, об их героизме. Эти рассказы не воспоминание только, не информация, это гораздо большее — этими рассказами он как бы расширял их понимание единства, исподволь вписывая их собственную борьбу в более широкие рамки. Горестные истории о погибших в застенках, забитых до смерти на демонстрациях не только пробуждали сочувствие, но и закаляли души бастующих. Ганди незаметно учил смотреть шире и дальше своих непосредственных нужд и требований.

Шли дни. Экстаз первых митингов стал постепенно сменяться растерянностью. Никто, похоже, не ждал, что их страдания будут длиться так долго. Голод из близкой угрозы стал явью. А предприниматели и не думали уступать.

Ганди видит свою задачу на этом этапе прежде всего в пробуждении у измученных ткачей решимости стоять до конца, полагаясь только на собственные силы: «... победить вы сможете без всякой помощи, моей или чьей-либо еще. Ни я, ни сто тысяч других людей не в состоянии принести вам победу. Ваша победа зависит от вас, от вашей искренности, вашей веры в Бога и вашего мужества. Мы только ваши по-

мощники. Вы должны рассчитывать на свои силы. Не отступайте от клятвы... и победа будет за вами».

Но Ганди не ограничивается высокими словами. Беспокоясь, что вынужденное безделье подведет к непродуктивному, а значит безнравственному времяпрепровождению десяти тысяч рабочих, он не стесняется давать им очень конкретные, очень земные советы-предостережения. Не играть в азартные игры. Не спать круглый день. Не ходить слишком часто в чайные. Не появляться на фабриках, с которых их уволили. Не проводить целые сутки в разговорах о предпринимателях и локауте.

Этого мало. Он четко суммирует, чем, по его мнению, следует рабочим заняться. Прежде всего убраться в своих домах, вычистить всю грязь, вымести сор, отремонтировать их («Вы не могли этого сделать раньше, поскольку были заняты на работе», — деликатно отмечает Ганди). Грамотные должны читать, расширять свои знания — тут же он приводит адреса библиотек, при которых есть бесплатные читальни. Еще лучше, если грамотные попытаются учить неграмотных. «Так они научатся помогать друг другу». Те, кто владеет каким-либо ремеслом, могут найти временную работу, если им это почему-либо не удастся, Ганди и его соратники готовы им в этом помочь.

Ставится конкретная задача: «Каждый должен на практике изучить хотя бы одну профессию в дополнение к той, которая дает ему средства на жизнь». И в этом Ганди и его друзья готовы прийти на помощь.

Важность этого совета, может быть, не вполне ясна для нашего читателя. Но вспомним, что каждая профессия в Индии означает принадлежность к определенной касте. Вторая профессия это не просто расширение возможностей зарабатывать себе на жизнь, это ломка традиционного психологического стереотипа, это нарушение кастовой системы, а следовательно, и связанных с ней перегородок, запретов, отчужденности, разобщенности. Даже больше, это попытка преодолеть столь характерное для массового сознания в Индии представление о том, что есть труд «чистый» и есть «нечистый», ядовитое противопоставление, осященное всей религиозной системой.

Каждый день по городу проходили мирные манифестации рабочих с плакатами, на которых было начертано: «Держите клятву!» Но все попытки Ганди склонить предпринимателей к переговорам оканчивались провалом. Было ясно, что рабочих решили взять измором. Когда Ганди старался втолковать предпринимателям, что бастующие не мо-

гут переступить через свою клятву, в ответ он слышал насмешливое: «А мы тоже дали клятву. Почему вы считаете, что мы не должны следовать своим принципам?» Ледяным холодом дышат слова Махатмы, уязвленного таким жестокосердием: «Разве может король дать клятву, что он обложит своих подданных невыносимым налогом и будет всячески унижать их, не слушая их просьб?»

Раздосадованные фабриканты почти за благо перейти в наступление. Они объявили, что готовы взять обратно на работу всех, кто согласен на 20%-ную надбавку, т.е. на первоначально-предлагавшихся ими условиях. Их агенты среди рабочих пустились во все тяжкие, уговаривая, запугивая, обманывая и снова запугивая. Рабочие дрогнули.

Ганди мгновенно понял ответственность момента. Прежде всего, он перенес ежедневные встречи у дерева с вечерних часов на утренние, чтобы помешать тем самым наименее стойким рабочим отправиться на фабрики. В то же время, верный своим ненасильственным методам, он жестоко отчитал тех, кто попытался силой удержать товарищей от возобновления работы.

Однако среди рабочих началось брожение. Голод уже жестоко прихватил их семьи и напоминания о клятве, на которые по-прежнему не скупился Ганди, уже не воодушевляли, а раздражали.

Ганди предпринимает неожиданный, но такой характерный для него шаг. На очередном митинге он объявляет голодовку солидарности с бастующими — не на день, не на десять, до победы, до того, когда рабочим будет дана 35%-ная прибавка. Или — до смерти.

В тот же день сотни рабочих посетили Ганди. Некоторые из них, умоляя его изменить решение, угрожали покончить жизнь самоубийством — но Ганди был непреклонен. Дав слово, он уже не мог отречься от него. Весь день текли толпы, скандирующие: «Мы не отступим от нашей клятвы. Пусть небеса упадут на землю, мы будем верны своему слову!» Решение Ганди вернуло им силы. Теперь они были готовы бастовать сколько угодно. Отступить означало своими руками убить Махатму.

В то же время поступок Ганди и его решимость отдать жизнь во имя справедливого дела парализовали промышленников. Сомнений не было, что Ганди не уступит. В конце концов фабриканты приняли компромисс, сформулированный со свойственным Ганди дипломатическим изяществом. Выигрывают все и в то же время не выигрывает никто, хотя и проигравших тоже нет. Промышленники идут навстречу

рабочим. Чтобы те могли сдержать свою клятву не приступать к работе, пока не получат 35%-ную надбавку к зарплате, они дают рабочим эту надбавку но только на один день, первый день работы. Рабочие идут навстречу промышленникам, предлагающим надбавку в 20% и соглашаются во второй день получить не 35-ти, а 20%-ную надбавку.

А далее весь конфликт решает третейский судья. Поскольку арбитраж должен будет продлиться некоторое время, определить которое заранее нельзя, то с третьего дня и до конца арбитражного рассмотрения рабочим устанавливается промежуточная надбавка. Она исчисляется следующим образом: и фабриканты, и рабочие уступают друг другу по 7,5%, т.е. рабочие снижают свое требование на 7,5%, а фабриканты увеличивают предлагаемую ими надбавку на 7,5%, в результате с третьего дня работы надбавка составляет не 35 и не 20%, а нечто среднее — 27,5%. Обе стороны соглашались заранее и без всяких условий с решением третейского судьи, каким бы оно ни было. Если он решит, что требования рабочих были с самого начала справедливыми, то промышленники дают слово выплатить рабочим разницу между 27,5% и 35% за все дни арбитража и выплачивать впредь 35%, если же он решит в пользу промышленников, то рабочие должны будут вернуть разницу между 27,5 и 20% хозяевам, согласившись впоследствии получать лишь 20%.

Так странно и необычно протекала эта одна из первых стачек индийского рабочего класса — от религиозного экстаза первых дней до стройной арифметики дня двадцать второго.

В крестьянских хижинах Чампарана и на текстильных фабриках Ахмедабада были преподаны первые уроки ахим-сы как политического метода, первые уроки для Индии, но во многом это было уроком и для самого Ганди. Именно с решения конкретных, локальных задач начинал он свою деятельность в Индии и, лишь осмыслив опыт этих первых своих экспериментов, попытался применить ненасилие в общеиндийском масштабе. Не все и не сразу шло гладко — известно, что общенациональная кампания ненасильственного сопротивления была остановлена Ганди, тогда уже признанным вождем национально-освободительного движения. Поводом для остановки стал трагический случай, когда разъяренная толпа в одном поселке расправилась с несколькими полицейскими; Ганди считал, что это единичное проявление самосуда свидетельствует о том, что народ еще не готов к чисто ненасильственным битвам. Он стремился сделать

все, чтобы они стали битвами не только за справедливость, но и битвами без крови и насилия.

Уже через несколько лет ареной деятельности Ганди становится вся Индия, его слову повинуются многомиллионные массы, через средства массовой информации за драматическими перипетиями борьбы индийского народа наблюдает весь мир.

Около тысячи газет разных стран перепечатали, например, репортаж американского корреспондента У.Миллера, свидетеля разгона полицейскими гандийской демонстрации — одной из многих сотен, прокатившихся по Индии после очередного ареста Махатмы. 2500 волонтеров конгресса во главе с известной поэтессой Сароджини Найдугупта были атакованы полицейскими, обрушившими на плечи демонстрантов удары палок со свинцом. Ни один человек из первого ряда демонстрантов, а там были и женщины, и пожилые, даже не попытался защитить себя, ни один даже не прикрыл голову. Они пали под ударами и остались лежать в пыли и крови под ногами полицейских, а те продолжали бить уже лежащих, стараясь попасть в живот. Потерявших сознание сбрасывали в наполненные водой канавы.

Когда все было кончено, вторая шеренга демонстрантов с высоко поднятыми головами двинулась к полицейским. Они шли, пишет Миллер, без музыки и криков для поддержания духа, молча и целеустремленно, зная, что никак не смогут избежать страшных ударов, травм или смерти. «Полиция бросилась на них и методично, механично стала избивать и вторую шеренгу. Не было сражения, не было борьбы, демонстранты просто шли вперед, пока удары не сбивали их с ног». В течение многих часов санитары уносили потом безжизненные тела окровавленных, мучающихся в агонии людей⁴.

Моральная победа индийцев была бесспорной. Жестокая расправа колонизаторов не только заставила содрогнуться весь цивилизованный мир, но и открыла глаза многим англичанам на реалии имперской политики. Ганди сугубо мирными средствами выиграл еще одно сражение, хотя война, которую вел под его руководством индийский народ, шла по правилам, характерным скорее для мифологизированного противоборства добра и зла, чем для сражений нашего времени.

Встает вопрос, правомерно ли в работе, посвященной пацифизму, в разделе о великом поборнике ненасилия употреблять так часто такие слова, как битва, война, борьба, сражение? Ответ мы находим у самого Ганди, который в

одной из статей, неодобрительно отозвавшись о насильственных действиях индийских революционеров под руководством Дж.Нараяна (во время движения «Вон из Индии!» в 1942 г.), все же счел нужным отметить: «Откровенно говоря, все национальные силы... находятся в состоянии войны с правительством; и по принятым правилам военной методы, взятые на вооружение Джайпракашем Нараяном, являются абсолютно законными»⁵.

Современную ему войну Ганди знал не понаслышке. Трижды за свою жизнь он добровольно присоединялся к воюющим, и странно, в книге, наполненной рассуждениями об ахимсе, читать его записи о сражениях и марш-бросках, о том, что его произвели в чин старшины, или относящееся к августу 1914 года: «Я считал, что индийцы, живущие в Англии, должны принять участие в войне... я настаивал на этой точке зрения и призвал желающих записываться добровольцами. Призыв мой нашел горячий отклик: среди добровольцев оказались представители почти всех национальностей и вероисповеданий Индии»⁶. Этот отклик, как и следовало ожидать, был не единственной реакцией его соотечественников — у многих такая позиция вызвала недоумение, и Ганди не раз и не два пришлось защищать ее. Его и до сих пор нет-нет да и кольнут его историки, хотя, разумеется, Ганди не брал в руки оружия и не проливал ничью кровь. Он был братом милосердия, выносил из-под огня раненых и делал это, видимо, хорошо, ибо был награжден двумя медалями за храбрость. В Чампаране, когда наступит полное отчуждение от англичан, он возвратит эти медали британскому вице-королю. Но память о войне, о ее бессмысленности и жестокости, он сохранит навсегда.

И пусть это покажется парадоксальным, но Ганди, апостол мира и ненасилия, был в душе своей прежде всего воином, борцом, как это ни не вяжется с его внешностью и его учением. Вся его жизнь — постоянная, непрекращающаяся борьба. Борьба раньше всего и больше всего с самим собой; потом — с соотечественниками, с их слабостями и предрассудками, с их разъединенностью и неорганизованностью; и лишь после этого — с колониальным режимом, с наиболее мощной империалистической державой его времени.

Одной из любимейших книг была для Ганди Бхагавадгита — квинтэссенция индусской философской мысли, знаме-

нитая песнь из необъятного древнего эпоса Махабхарата, в высшей степени почитаемая индусами всех времен.

Сюжет поэмы, стремительный, несмотря на внушительные размеры произведения, несомненно, должен импонировать тем, кто наделен воинским духом. На поле битвы сошлись две великие армии. Перед самым началом сражения появляется колесница одного из главных героев поэмы, Арджуны; правит колесницей ни кто иной, как сам бог Кришна. Доблестный и бесстрашный Арджуна, всматриваясь в ряды противостоящего ему и его братьям войска, внезапно осознает, что те, с кем через несколько мгновений ему предстоит скрестить оружие, так или иначе связаны с ним родственными узами. Морально-нравственная проблема обострена до чрезвычайности — выступая защитником справедливости, Арджуна оказывается поставленным перед необходимостью вести смертный бой со своими родственниками. И благодарный витязь не в силах сдержать смятение, он отбрасывает лук со словами: «Их убивать не желаю!».

Так безвестный гениальный поэт доводит до высшей точки сопряжение двух начал — долга и пацифистского (как мы бы сказали) неприятия войны. И если бы сюжет поэмы оборвался на этой величественной ноте, нам было бы, наверное, легче понять, что так привлекло Ганди. Разве реакция Арджуны — это не истинно ненасильственный подход к почти развернувшейся уже трагедии?

Бог Кришна обращается к Арджуне, и его речь и составляет собственно содержание Бхагавадгиты. Казалось бы он, милосердный и всепонимающий, должен поддержать Арджуну в его решении, укрепить его желание отказаться от кровопролития и братоубийства, но, если европейский читатель ждет именно такого поворота событий, значит он еще не научился понимать индуизм.

Арджуна — воин, он — кшатрий, т.е. принадлежит к воинскому сословию и, отказываясь сражаться, он тем самым нарушает закон своей варны, своего сословия, он не выполняет свою дхарму (чрезвычайно емкое слово это означает долг, предназначение, космическую задачу; весь индуизм как осознание космического порядка и закона тоже называется дхармой — что неадекватно переводится иногда как религия — и, следовательно, Арджуна своим отказом пытается повернуть вспять действие этого закона); Кришна сурово выговаривает ему, и пристыженный Арджуна поднимает с земли свой лук.

Комментарии к Бхагавадгите бесконечны, они составляют как бы особый жанр философской литературы в Индии.

Нет наверное, ни одного выдающегося мыслителя, который обошел бы вниманием это бессмертное произведение. И все же толкование, предложенное Ганди, стоит в этом ряду особняком. Как замечает один из современных индийских исследователей, Ганди по сути дела вычитал из древнего памятника свою собственную философию⁷, совершая при этом добавим мы, определенное насилие над текстом. По мнению Ганди, благовидный предлог, которым Арджуна пытался обосновать свой отказ от участия в битве, призван был скрыть его неуверенность и трусость — а трусость Ганди отвергал еще более яростно, чем насилие. Слова насилие, пассивное сопротивление и т.п. ни в коей мере не передают сути гандистской доктрины ахимсы — ненасилие Ганди это ненасилие сильных духом, это сознательное удержание себя от ответного удара, это стремление моральной правотой парализовать грубую силу. Ненасилие из трусости, которое верно или неверно Ганди приписывал мифическому Арджуне, ненавистно ему и вызывает жестокую отповедь: «Я абсолютно уверен, что если бы встал выбор между трусостью и насилием, я предложил бы насилие. Если бы старший мой сын был со мной в 1908 году, когда меня чуть не убили, он был бы обязан прийти мне на помощь, даже применить насилие... Я предпочел бы, чтобы Индия прибегла к оружию для защиты своей чести, чем трусливо пребывала бы беспомощным свидетелем собственного бесчестия!»⁸. Нет, Ганди не согласен платить любую цену за мир и спокойствие в своей стране!

Интересно отметить, что в критической оценке пацифистского порыва Арджуны Махатме вторит уже в наши дни другой выдающийся мыслитель, Свами Локешварананда, один из руководителей религиозно-общественной организации «Миссия Рамакришны»: «Весь пафос учения индуизма в том, чтобы помочь человеку в том плане, который наиболее соответствует его способностям. Кришна знал, что Арджуна, кшатрий, стремился к бою, но утратил контроль над собой и потому пытался представить себя как человека благородного, не желающего вреда никому, даже врагам, которые постоянно преследовали его и его семью. Иначе говоря, он потерял голову и стал притворяться, что совершенно противоречит духу индуизма. Кришна распознал это и призвал его быть самим собой». Кстати сказать, статья, из которой взята эта цитата, называется «Ненасилие». И хотя попытки Махатмы Ганди и Свами Локешварананды трактовать Бхагавадгиту как проповедь ненасилия могут быть оспорены, все-таки они неизмеримо ближе к сути этой великой

поэмы, чем некоторые наши исследователи, утверждавшие, что устами Кришны Бхагавадгита учит «убивать своих родственников».

Учитывая центральное место, которое занимает в индуистской духовной традиции Бхагавадгита, Ганди не мог не дать ей своего толкования. Но если его утверждение, что главный вывод этой поэмы заключается в высшей ценности ненасилия, как метода борьбы, было несколько тенденциозным, то понимание им Махабхараты в целом и Бхагавадги-ты в частности как аллегорической картины борьбы добра и зла одновременно в макрокосме Вселенной и в микрокосме человеческой личности не вызывает ни у кого возражений.

Впрочем, добро и зло категории скорее христианские, чем индуистские. Для индуистов, и для Ганди в их числе, столкновение происходит между силами истины и лжи, справедливости и несправедливости, между теми, кто служит законам космической эволюции и порядка, и тем, кто противится им. И недаром в первых же словах поэмы место действия определено двояко — это и Курукшетра, реальная местность недалеко от Дели, но это и «поле дхармы».

Здесь следует сделать небольшое отступление. Древние индийцы детально разработали концепцию справедливых и несправедливых войн. Дхарма-юद्धа, или справедливая война, рассматривалась как восстановление божественного порядка и велась (по крайней мере, в теории) исключительно праведными средствами. Правилами такой войны запрещались ночные нападения, уничтожение урожая, использование отравленного оружия, нанесение ущерба мирному населению, преследование убегающих, убийство низшего по рангу, раненых или безоружных. Сейчас нас меньше всего интересует, выполнялись ли эти рыцарские правила в реальной жизни. Важно другое — само понятие справедливой, священной войны в защиту дхармы издревле вошло в индийский менталитет, причем это включало в себя и цели, и средства ведения войны. Битва, описанная в Бхагавадгите, в течение тысячелетий воспринималась именно в этом ключе.

Постоянное обращение Ганди к Бхагавадгите, к едва ли не высшему авторитету индийской традиции, вызывало у его соотечественников, — по крайней мере, у индуистов — почти подсознательное почитание высшего исторического и даже космического смысла тех событий, к активному участию в которых он их призывал. Настоящее мифологизировалось, древний текст превращался в средство политической пропаганды, а борьба за национальное освобождение рас-

смаatrивалась как исполнение религиозного долга, как священная война за восстановление справедливости, уклонение от которой становилось проявлением трусости, осуждаемой самими богами. При этом знакомый всем с детства памятник намеренно интерпретировался как своего рода Евангелие Ненасилия.

Интересно отметить, что учитывая все сложности религиозного обоснования своей политики в поликонфессиональной стране, Ганди точно также использовал и священные книги других общин.

Принцип ахимсы в учении Ганди занял центральное место, и хотя сам Ганди считал себя правоверным индусом, его скорее можно назвать проповедником религии ненасилия, ибо столь всеобъемлющей роли, подчиняющей себе все остальное, в догандистском индуизме ахимсы не играла.

Исходные позиции Ганди, впрочем, совпадают с традиционным восприятием ахимсы как морально-этического кодекса поведения каждого человека, но переносятся им из повседневности и быта на более общий план — в обстановку политического движения, частицей которого является индивидуум. Поэтому главный упор делается не на взаимоотношения с окружающими и тем более не на бережное отношение к дождевым червям и насекомым, а на самопожертвование во имя торжества справедливости (разумеется, в контексте общенациональной борьбы против англичан).

Гандистская трактовка ахимсы, возникшая на стыке идей Толстого и Раскина, Бхагавадгиты и джайнизма, в том, что касается поведенческого стереотипа отдельного человека, имела одну особенность, существенно дополнявшую традиционное индусское понимание. Речь идет о сознательно превносимой необходимости страдания. Насилию над другими фактически противопоставлялась жертвенная готовность испытать насилие над собой — как моральное, так и физическое. Мы уже видели из приведенных выше примеров, как притерпевали насилие верные последователи Ганди. В бедных миролюбивых, лишенных права иметь какое-либо оружие людях он сумел пробудить своей неустанной проповедью бесстрашие, мученичество и ту силу духа, которая в конце концов оказалась сильнее не только полицейских дубинок, но и полицейского государства. Призыв «пострадать за истину» оказался также кратчайшим путем к вовлечению в движение многомиллионных масс индийских женщин, что, в свою очередь, сработало как катализатор жертвенной активности их мужей и сыновей.

Есть основания думать, что для Ганди, как и для других выдающихся индийских мыслителей XX в., трансформация сознания каждого отдельно взятого человека, освобождение его от трусости и насилия были наиважнейшей задачей, более важной даже, чем пробуждение и освобождение Индии. Но это была как бы сверхзадача, проецируемая в отдаленное будущее. Сварадж, т.е. освобождение от колониальной зависимости, виделся ему задачей более легкой и более близкой и в то же время совершенно обязательной для успешного решения двух других задач — только что упомянутого духовного (и экономического, кстати сказать) раскрепощения каждого индийца и глобального переустройства на основах ненасилия. При этом требования, которые Ганди обращал к стране в целом и нации, фактически ничем не отличались от его требований, обращенных к отдельным людям, были по сути их продолжением. Ганди недаром заметил как-то мимоходом: «Быть такого не может, чтобы для атома были одни законы, а для Вселенной другие»¹⁰. И в другом месте: «Очень ошибаются те, кто думают, что если закон достаточно хорош для индивидуумов, то он не является таковым для всего человечества»¹¹. Ненасилие было для Ганди той основой, на которой должны были строиться совершенствование человека, совершенствование общества, совершенствование мира.

Борьба против британского колониального господства в глазах Ганди и его последователей была дхарма-юддхой, войной против несправедливых сил. Ее цель — освобождение народа от иноземного ига — вписывалась в общие представления о постепенном торжестве истины и справедливости в космическом масштабе. Но, как и всякая справедливая война, она требовала высоко нравственных средств. Чистота средств на каждом отрезке борьбы, всегда и везде, была предметом особой заботы Ганди. Никакая, самая благая цель не могла бы оправдать в его глазах самое малейшее отступление от чистоты средств.

И в этом плане особенно важно детально разработанное в гандистской конфликтологии представление о противнике.

Казалось бы, для человека, поднявшего соотечественников на дхарма-юддху, свои и чужие должны быть четко и раздельно обособлены, действуя в черно-белом мире, где борцам за справедливость, на стороне которых и боги, и память о прошлом, и ответственность перед потомками, должна противостоять всяческая скверна. Да и вне метафизических рассуждений в реальной жизни жестокие и коварные колонизаторы могли восприниматься, казалось бы,

только как объект ненависти (пусть и ненасильственной), тем более что в поводах для такого отношения недостатка не было. Расстрелы, избиения, унижение национального и человеческого достоинства — все это индийцы вынуждены были испытывать ежедневно.

Ганди, как известно, не щадил себя в длившейся несколько десятилетий борьбе за освобождение Индии. В его статьях и выступлениях нередко давались беспощадно резкие оценки деятельности британских колонизаторов. Но его личные отношения с представителями колониального аппарата нередко строились на взаимном уважении, а случалось и перерастали в своеобразную дружбу. Легче всего обвинить Ганди в непоследовательности, но как раз в этой своей «непоследовательности» он был чрезвычайно последователен. Воспитанным в принципиальной нетерпимости трудно понять и тем более принять уроки Махатмы, но здесь мы имеем дело с одним из ключевых моментов его учения.

Ганди решительно не желает идентифицировать своего оппонента с тем несправедливым делом, которому тот служит. Он горячо верит в исходную добропорядочность каждого человека и в своей борьбе пытается опереться на совесть своего противника, разбудить ее своими ненасильственными действиями, своей приверженностью Истине, разбудить и сделать ее, совесть противостоящего ему человека (а не чиновника, служки, колонизатора), своей союзницей. Он как бы взывает к внутреннему голосу другого человека — будь то друг или враг, и в результате, благодаря благородности своих помыслов и действий, ставит своего противника перед выбором: либо отказаться служить несправедливому делу и открыто признать правоту Ганди, либо сознательно идти против своей совести. Но даже в этом последнем случае победа была все равно за Ганди, ибо его противник в глубине души осознавал всю справедливость совершаемого им. Таким образом, Ганди боролся не с конкретным носителем зла, а в конечном счете за него, за его возвышение над ложно понятым чувством долга, за его приобщение к космическим силам справедливости и Истины. В отличие от Гитлера, стремившегося освободить своих последователей от химеры по имени совесть, Ганди каждым шагом своим пытался пробудить совесть и чувство справедливости в душах своих противников, никогда не предавая при этом свои принципы, не изменяя ни себе самому, ни целям возглавляемого им движения. Конечно, только человек кристально честный, ни разу за всю жизнь не оступившийся и к тому же отстаивающий действительно праведное дело и действительно чистыми

средствами мог позволить себе такие отношения со своими противниками, да еще в сфере политики.

Ганди нередко употребляет как синонимы слова ненасилие и любовь. Не ненависть является конструктивной основой ненасильственного мира, а любовь к человеку и приверженность к Истине (а Истина и Бог, согласно Ганди, тоже синонимичны). Любовь к человеку эта активная преобразующая сила ибо она базируется на вере в изначальность добра, в неограниченность возможностей самосовершенствования, в способность каждого услышать голос своей совести.

Но Ганди был не только стратегом, но и тактиком. Тонкий и мудрый знаток человеческой души, он лучше, чем кто-либо другой понимал, что любой конфликт надежнее всего разрешается не через бесповоротную победу одной точки зрения над другой, а через сближение крайностей, через компромисс, через взаимные уступки. Компромисс — это умение пойти навстречу противнику, помочь ему «спасти лицо», но при этом добиться, чтобы он сделал хотя бы шаг навстречу справедливости. Компромисс — это выход из тупика, это движение, это единственная возможность преодоления заострения противостоящих позиций, и недаром Ганди увлеченно говорил о «красоте компромисса». В одном из своих интервью он признавал: «Конечно, если мы возьмем за правило придерживаться ненасилия, то жизнь превратится в ряд компромиссов; но это лучше, чем бесконечный ряд столкновений»¹². Отсюда его стремление к переговорам, к всестороннему и откровенному обсуждению, к взвешенным уступкам друг другу. При этом политических противников Ганди всегда удивляла его полная открытость, нежелание скрывать свои мысли, свои мотивы, свои планы.

Абсолютная искренность была не единственным условием, которое Ганди предъявлял к переговорам; не менее важным было равенство партнеров, признание каждым из них равноправия собеседника. Ганди самой жизнью своей высвечивал бессмысленность и аморальность расистских представлений. Более того, Индия, от имени которой он вел переговоры с колониальной администрацией, была не той Индией, голодной и униженной, которую осенял британский флаг; он выступал от имени Индии — великой державы, Индии как бы нынешнего современного нам статуса. И мир, который виделся ему, был значительно ближе к миру сегодняшнему, чем к тому реальному, который слушал и не слышал его выстраданную всей индийской историей миролюбивую проповедь.

Концепция ненасильственного мира вытекает для Ганди из представлений о космическом порядке. В ней связаны воедино индивидуум, общество и космос. Борьба за мир становится явлением вселенского масштаба, но начинается она с самосовершенствования человека. Человек, живущий не в ладу со своим космическим предназначением, не установивший мира с самим собой и со своими соседями, не может бороться за мир за пределами своего общества. Это же верно в отношении общества — если оно построено на насилии, если какая-то часть внутри него подвергается репрессиям, такое общество не может быть борцом за мир.

Мир для Ганди это не договор, не документ, не просто отсутствие ненависти и столкновений, а конструктивное сотрудничество в духе любви, основанное на равноправии. Нетрудно заметить, что на взаимоотношения наций и всего человеческого сообщества переносятся правила, установленные для микроуровня.

В то же время Ганди отмечает и чисто политические моменты как обязательные предпосылки ненасильственного мира. К ним наряду с равенством наций относятся независимость всех государств, разоружение и ненасильственное, т.е. добровольное (пока не поздно!) перераспределение богатств.

С горечью отмечая в конце жизни, что «если великие державы не утратят стремления к эксплуатации и духа насилия, естественным выражением чего является война, а атомная бомба — неизбежным следствием, то нет никаких надежд на мир во всем мире»¹³, Ганди приходит к выводу о необходимости международной организации, призванной поддерживать и сохранять мир между народами. Знаменательно, что Устав Организации Объединенных Наций во многом соответствует духу учения Мохандаса Карамчада Ганди, великого сына индийского народа, воплотившего в практике политической жизни миролюбивые традиции своего народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ G a n d h i М.К. For Pacifists, p.1. Цит. по: Anima Bose Dimensions of Peace and Nonviolence: The Gandhian Perspective. N.-D. 1987. P. 17.

- ² Эренбург И.Г. Путевые заметки. М., 1960. С. 54.
- ³ Ганди М.К. Моя жизнь. М., 1969. С. 568.
- ⁴ Цит. по: Shirer W. Gandhi: A memoir. 1981. P. 98.
- ⁵ Lal L.N. Jayaprakash//Rebel Extraordinary.. N.-D. 1975. P. 95.
- ⁶ Ганди М.К. Указ. соч., С.308-309.
- ⁷ Malhotra S.L. Gandhi and the problem of violence and nonviolence in the Gita. Studies on Gandhi (ed. by V.T.Patil). N.-D. 1985. P. 22.
- ⁸ Цит. по: Arun Kumar Biswas Swami Vivekananda and the Indian quest for Socialism. С., 1986, P. 118.
- ⁹ Swami Lokeswarananda Practical Spirituality. С., 1986, P. 58.
- ¹⁰ Цит. по: Herbert G.S. Search for Peace in the Contemporary World-Gandhian Way//Gandhian Thought (ed. by R.Balasubramaniam and T.S.Devadass). Madras, 1981. P. 67.
- ¹¹ Ibid. P. 62.
- ¹² Harijan 1935. June 1.
- ¹³ Цит. по: Мартышин О.М. Политические взгляды М.К.Ганди. М., 1970. С. 218.

УНИВЕРСАЛИСТСКИЙ ПАЦИФИЗМ КАН ЮВЭЯ

К.В. Плешаков

Идея пацифизма неотделима от принципа универсальности — всеобщности. В этой идее теряет смысл дихотомия «мы — другие», которая является двигателем развития социума на конфронтационной основе.

Вычленение своего национального «я» из бесконечного мира всеобщности — необходимое условие для возникновения какой-либо монады, от личностного «я» до «я» нации и государства. Как личность выделяет себя из некой общности, так и нация вычленяет себя из всеобщности, из макрокосма. Процесс этот, оставаясь верным объективности, следует признать прогрессивным, ибо образование новых и новых субъектов истории — едва ли не главное условие ее развития. Однако постоянное размежевание по оси «мы — другие» не может не вести к насилию, что с неизбежностью влечет за собой войны (в том числе гражданские), делает насилие легитимным. Легитимное насилие признается не только как неизбежное зло, но и как единственный естественный инструмент исторического развития.

Однако на высокой стадии духовности дихотомия «мы — другие» теряет свой смысл: «Нет ни эллина, ни иудея», — говорит апостол Павел. Пацифизм невозможен без отказа от дихотомического мировидения. Без универсализма пацифизм невозможен. Пацифизм — это не просто мир без войны; это мир без насилия; при этом подразумевается полное отрицание политики (по определению входящей в конфликт с нравственностью) в общепринятом смысле слова.

Мир без насилия невозможен при сохранении противостояния «нас» «другим». Следовательно, мир пацифизма мыслится как мир единый, в котором не только нет раскола на «нас» и «других», но в котором вообще нет трещин. Иными словами, пацифизм — это универсальное видение макрокосма, которое отвергает саму необходимость насилия — силы отталкивания заменяются силами притяжения.

В системе координат, основанной на понимании политики как средства выживания «нас» в мире «других», пацифизм

неприемлем. Не случайно он всегда вызывал ярость автократии. Он может существовать лишь в весьма специфической культурно-понятийной среде, утопичной для низших форм сознания, но реальной для высших. Все это иллюстрируется многочисленными примерами из истории человеческой цивилизации; но может быть, ярче, чем где бы то ни было, универсалистская основа пацифизма проявилась в китайской традиции. На это есть свой ряд причин.

Китайское мировидение — уникально. По сравнению с европейским оно выглядит мировидением иного мира, иной цивилизации.

Китайское миропонимание изначально основывалось на универсализме, который характеризовался рядом черт. При том что дихотомия «небеса-земля» существовала и в Китае, мир здесь мыслится как единый организм, дыхание которого повинуется единым ритмам, организм, пронизанный общими токами, подчиняющийся одним и тем же законам. Добродетель (дэ) императора гармонизировала Вселенную: стихийные бедствия (недороды, засухи, наводнения) мыслились не столько как наказания свыше, сколько как естественная дисфункция вселенского организма, вызванная пороками людей, наделенных властью. Единство человека и мира, присущее китайской культуре изначально, определило сущность даосизма, конфуцианства, а затем и китайского буддизма. Эти учения, закрепив в своих канонах базовые посылки китайского мировидения, придали им завершенность, образность и изощренность. В философии и быте китайца воплотилась идея существования жизненной энергии (ци), пронизывающей мироздание, общей и универсальной, энергии, которой можно овладеть путем неустанной практики (цигун). Принадлежность каждого организма — социального и биологического — к энергетическому полю Макрокосма, Абсолюта лежала в основе китайского универсализма.

Для универсализма было характерно и своеобычное понимание «подлунного мира» — того, что в Китае называлось Поднебесной (Тянься). Формально Поднебесную можно рассматривать как антоним Небес (Тянь), что аналогично соответствующим понятийным категориям западной культуры. Однако, если категории «подлунный мир», «земля» на Западе воспринимались как совокупность самостоятельных объектов (государств и народов), то в Китае Поднебесная была не совокупностью объектов, а единым субъекто-объектом. Причем субъекто-объектом не только географическим, сколько социально-политическим. Поднебес-

ная - это был и весь «подлунный мир», и ойкумена, и китайская империя. Несомненно, в идее Поднебесной был заложен этноцентризм, однако и универсализм был неотъемлемой ее частью.

Для творчества всех китайских философов был характерен практический вопрос: как навести порядок в Поднебесной, т.е. во всем «подлунном мире», который, несомненно, мыслился как нечто большее, чем Китай. Китай — в буквальном переводе — был Центральным Государством (Чжунго), неким мозгом или сердцем Поднебесной, от которого всем периферийным районам передавалась благая или дурная (но нормативно благая) энергия. Понятно, что для такого универсалистского видения мира существовали объективные причины. В поле зрения китайской общественной мысли не было иных цивилизованных очагов, сопоставимых с китайским. Японский и корейский не были самодостаточными, они во многом были производными от китайского и постоянно подпитывались от него. Кочевники, неоднократно опустошавшие Китай, тем более не могли бросить ему вызов в цивилизационном отношении. Все это и привело к тому, что ойкумена казалась китайцам гомогенной. Подобный универсализм с одной стороны был обусловлен низким уровнем знаний о мире, с другой — был чреват этноцентризмом, взглядом на окружающие нации как на периферийные и второсортные. Однако универсализм как феномен все же существовал вне зависимости от своей окраски — что не было характерно для европейской цивилизации с ее дробным мировидением.

Таким был культурно-психологический фон, на котором — практически без изменений до конца XIX в. — развивалось китайское мышление.

Проблемы войны и мира стояли перед китайской нацией так же остро, как перед любой другой. Китайская история была заполнена войнами — как с иноземными пришельцами, так и междоусобными, как оборонительными, так и захватническими. Правда, китайская политическая философия (хотя бы и сам Конфуций) неизменно отдавала приоритет политическому разрешению конфликта перед военными действиями. Соглашения в противовес насилию были лейтмотивом политических учений, что, впрочем, не мешало Китаю вести обширные завоевательные войны.

Вместе с тем идея универсального Великого Единения без воин и насилия на протяжении всей истории китайского общества присутствовала в менталитете. Формы, которые она принимала, были многообразны. Но, пожалуй, наиболее

полно она нашла свое выражение в концепции Датун (буквально — Великого Единения), концепции многоликой и толковавшейся различными мыслителями по-разному, но все же неизменно содержащей зерно универсализма. По мере того как китайские книжники стали постигать, что Поднебесная простирается гораздо дальше, чем предполагалось раньше, и содержит государства, равные Китаю, а то и превосходящие его, универсализм стал распространяться на все человечество.

Впервые концепция Датун появилась в главе «Ли юнь» канонической конфуцианской книги «Ли цзи»: «Когда шли по великому пути, Поднебесная принадлежала всем, (для управления) избирали мудрых и способных, учились верности, совершенствовались в дружелюбии. Поэтому для человека родными были не только его родственники, а детьми — не только его дети. Старцы имели призрение, зрелые люди — применение, юные — воспитание. Все бобыли, вдовы, сироты, одинокие, убогие и больные были под присмотром. Своя доля была у мужчин, свое прибежище — у женщин. Считалось невозможным оставлять добро на земле, но и не должно было копить его у себя; нельзя было не дать силам выхода, но и не полагалось (работать) только для себя. По этой причине не возникали (злые) замыслы, не чинились кражи и грабежи, мятежи и смуты, а люди, выходя из дому, не закрывали дверей. Это называлось великим единением».

Здесь мы имеем дело с классической концепцией «золотого века». Однако китайское мышление в поисках идеала обращалось назад, в загадочную и многообещающую тьму мифа, в то время как западное, — также имея понятие о «потерянном рае», тем не менее смотрело вперед.

Из приведенного выше отрывка становится ясно, что идея Датун могла быть в принципе истолкована как «традиционный китайский социализм» (или коммунизм) — что и произошло на рубеже XIX и XX вв. Но в идее Датун содержался и универсалистский аспект, из которого к концу XIX в. выкристаллизовались идеи космополитизма, единого мира без войн и насилия, пацифизма. Л.Н. Ворох отмечал, что «древний текст в зародыше» содержал эти идеи; об этом говорит само название главы, из которой взят отрывок — «Ли юнь», где «ли» — конфуцианские принципы, а «юнь» — процесс их распространения в Поднебесной.

На рубеже XIX и XX вв. и позднее к концепции Датун, ища в ней источник обновления общества, обращались реформаторы Кан Ювей и Лян Цичао, революционер Сунь

Ятсен и даже последний император Цу И, избравший девизом своего маньчжурского правления (он был посажен японцами на трон марионеточного Манчжоу-Го в 1932 г.) именно Датун — Великое Единение.

Вряд ли все это было случайным. Истерзанный смутами, разъединением, Китай думал именно о единении; дезинтеграционные процессы в обществе сделали интеграцию самым желанным будущим для всех.

Может быть, самым горячим приверженцем идеи Великого Единения стал известный реформатор Кан Ювэй. Познакомим читателя поближе с этим выдающимся персонажем китайской истории.

Кан Ювэй родился 19 марта 1858 г. на юге страны в провинции Гуандун. Позднее в своем жизнеописании он утверждал, что находился в утробе матери одиннадцать месяцев, — тем самым Кан давал понять, что Небо сделало его своим избранником и хотело, чтобы об этом знали люди. Впрочем, он действительно отличался незаурядными способностями и в возрасте пяти лет знал наизусть несколько сотен танских стихотворений — сердцевины китайской поэтической классики. В последующем он постигает премудрость конфуцианских канонов, как это полагалось в процессе образования.

В 1878 г. Кан Ювэй переживает потрясший его духовный опыт: «сидя в медитации, я внезапно увидел, что все сущее неба и земли и я были одним телом»³. Он оставляет свои занятия и удаляется в горы, живет отшельником на горе Сичуйшань в Пещере Белых Облаков. Здесь он погружается в изучение буддийских и даосских трактатов, усиленно практикует занятия медитацией. Впрочем, его уединение не было полным. Он общается со своим другом Чан Яньцо, и беседы их касаются не только древних трактатов, но и последних новостей дня. Кан Ювэя особенно интересуют новости из-за рубежа о заморских странах.

Зимой 1879 г. Кан Ювэй посещает Гонконг; поездка открывает ему глаза, он осознает, что «у правительств Запада есть законы»⁴ (по официальной версии, они принадлежали к варварам, у которых законов нет и быть не может). В 1882 г. он пытается сдать государственные экзамены в Пекине на второй чин, но безуспешно. На обратном пути он посещает Шанхай — как и Гонконг, находящийся под сильным западным влиянием. Кана все более и более притягивает Запад. В 1883 г. он делает первый шаг в своей реформаторской деятельности: организует Общество против оинтования ног (бессмысленно жестокий феодальный обы-

чай) на своей родине, которое стало первым обществом такого рода в Китае. В 1884-1885 гг. он пишет работу «Универсальные принципы человечества», которая была им переделана в «Книгу Великого Единения». Итак, в 27 лет он уже имел четкое видение того, каким должен стать мир.

Последующие годы жизни Кан Ювэя были заняты политической борьбой за реформы. В 1889 г. он пишет первую записку к императору, побуждая его начать реформы; записка до императора не доходит, и Кан Ювэй возвращается на юг, где организует школу западного типа, в которой сам и преподает.

Не будем утомлять читателя дальнейшими биографическими подробностями (ведь «Книга Великого Единения» уже написана), скажем только, что Кан Ювэй удалось добиться внимания «верхов» и достаточно широкой поддержки среди ученого сословия. В 1898 г. молодой император Гуан Сюй, пришел к выводу, что реформы, предлагаемые Кан Ювэем, необходимы, и привлек его к высшей законодательной деятельности; следует «сто дней» реформ, однако императрица Цы Си устраняет Гуан Сюя от власти; Кан Ювэй приговорен к смерти, он бежит в Японию; затем он странствует по свету - Канада, Гонконг, Америка, Англия, снова Япония, Сингапур, Индия. Его целью в это время становится восстановление у власти императора-реформатора. Он не принял китайскую революцию, считая, что для Китая единственно возможным является путь реформ «сверху»; он вступает в оппозицию новым политическим лидерам и терпит поражение. В возрасте 70 лет, 31 марта 1927 г. он умирает. Окончательный вариант своей «Книги Великого Единения» он завершает в Индии, в Дарджилинге, в 1902 г. — уже после стремительного взлета и падения, но все также оставаясь верным откровению юности, что «все сущее неба и земли и я — одно тело».

«Книга Великого Единения», без сомнения, относится к жанру утопий, каковой и является универсализм при низком и среднем уровне общественного сознания.

Теория Великого Единения — это теория Единого Мира. Болезнь мира, по мнению Кан Ювэя, состоит в том, что он разделен границами: государственными, классовыми, расовыми, половыми, семейными и т.п. Наличие государства — это то зло, которое ведет к войнам: «Поговорим теперь о существовании государств. Из-за них есть споры касательно земли и городов, а из людей делают солдат. В одной единственной войне погибают тысячи и десятки тысяч: от стрел, камней, пик, пушек, ядовитого газа». «Желание принести

мир людям невозможно без разоружения; а желание принести оазоружение невозможно без уничтожения государств»⁵.

По мнению Кан Ювэя, вся человеческая история свидетельствует о естественной тенденции государств объединяться — как на Востоке, так и на Западе. «Во времена Хуан ди Яо и Шуня, — пишет Кан Ювэй, основываясь на древнекитайской мифологии, — было десять тысяч государств, во времена Тана было три тысячи государств, во времена правителя У было тысяча восемьсот государств, во времена Весны и Осени (древнекитайская летопись — *Авт.*) было около двухсот государств, во времена сражающихся царств было семь государств, после чего Цзинь объединило их в одно». То же самое происходило и в Европе: «В Европе на протяжении тысячи лет феодализма было триста тысяч германских князей, сто десять тысяч французских и более десяти тысяч австрийских и английских. Сегодня все они подчинены правлению королей. Двадцать пять германских государств были объединены в одно. Италия тоже объединила свои одиннадцать государств в одно»⁶.

Простим Кан Ювэю неполное знание европейских реалий и полное доверие китайскому мифу; здесь важна не конкретно-историческая достоверность, а идея. Идея же заключалась в развитии — от хаоса к порядку через объединение.

Итак, генеральная тенденция мира — от дезинтеграции к интеграции. Правда, интеграция эта видится Кан Ювэю подчас весьма причудливым образом: «Когда-нибудь Америка объединит все страны Американского континента, а Германия — все страны Европы. Это продвинет мир вперед по дороге к Единому Миру»⁷.

Точно также, как и с государствами, дело обстоит с демократией: «Прогресс демократии от меньшего к большему — это естественный принцип». И далее: «Подъем демократии, процветание конституций, разговоры о профсоюзах и коммунизме — все это первые звуки Единого Мира». К Единому Миру, по мнению Кан Ювэя, можно прийти следующим трехчленным путем: во-первых, разоружение, во-вторых, союзы государств, в-третьих, универсальное законодательство⁸.

Союзы государств начнутся с малых союзов, с союзов Двух или трех государств, равных по силе и разделяющих общие интересы. Однако объединение стран непременно должно идти параллельно — с их внутренней демократизацией: «Когда форма правления изменится на демократическую, тогда взаимные агрессии автоматически прекратятся».

«Поэтому, — заключает Кан Ювэй, — в последующее столетие все слабые и малые страны будут полностью ликвидированы, все монархии и автократии обязательно будут полностью сметены, республиканские конституции обязательно будут введены везде, демократия и равенство обязательно будут светить ярко».

Кан Ювэй предрекал, что Швеция, Дания, Голландия и Швейцария объединятся, а малые страны Восточной Европы — с Россией. Он считал неизбежным объединение Испании, Португалии, Франции и Англии. Индия объединится с Персией и Турцией (хотя стойкость мусульманских установок последних — то, что мы сегодня назвали бы «исламским фактором»! — внушала Кан Ювэю определенные опасения). Относительно будущего Китая и Японии он колебался: они либо сохраняют свою суверенность, либо объединятся друг с другом а, может быть, и с Индией. Южноамериканские страны объединятся вокруг Бразилии, а затем — США¹⁰.

Можно по-разному относиться к тем или иным прогнозам Кан Ювэя (восточноевропейские страны, в 40-70-х годах действительно объединились вокруг СССР, ныне обрели суверенность, объединение Ирана и Индии вообще немыслимо и т.д.), если бы не один, но чрезвычайно важный факт — возрастающую интеграцию Западной Европы. Нельзя также сбросить со счета и его предвидения о создании Лиги наций, а затем — Организации Объединенных Наций.

Кан Ювэй предвидел все дальнейшие стадии универсализации мира — всемирный парламент, а затем всемирное правительство.

Во всемирном парламенте государства будут иметь равное представительство. Поскольку влияние отдельных государств будет еще чрезвычайно велико, всемирный парламент сможет лишь намечать «основные направления взаимодействия государств». Он должен следить за тем, чтобы отношения между государствами развивались на основе международного права; урегулировать таможенные пошлины, ввести единые стандарты мер измерения, единый международный язык. Если некое государство нарушает правила цивилизованного поведения и международный закон, всемирный парламент может использовать международные вооруженные силы. Его бюджет будет складываться из вкладов государств пропорционально их возможностям. Этому парламенту, необходима экстерриториальность. Все моря за пределами 30 миль от берега должны находиться под контролем всемирного парламента¹¹. Поистине, поразительно, на-

156

сколько «утопия» Кан Ювэя похожа на идеал действий сегодняшней ООН!

«Главной целью всемирного парламента станет разоружение. Численность войск, вооружений, заводов, производящих вооружение, военных кораблей, находящихся во владении каждого государства, должна быть сообщена международному правительству»¹².

Парламент может запрещать иметь вооружения, превосходящие уровень, необходимый для обороны. Он может также направлять свои войска в пограничные районы, где нарастает напряженность (прообраз сил ООН по поддержанию мира в «горячих точках» планеты).

Более высокой ступенью в интеграции мира Кан Ювэю виделось всемирное правительство. Мир при всемирном правительстве должен прийти к Великому Единению. Ежегодно сокращаются вооруженные силы всех государств, до тех пор, пока вооруженные силы не перестанут существовать. Как только вооруженные силы начнут сокращаться, правительства могут направить высвободившиеся средства на общественное благо: развитие образования, здравоохранения, социального обеспечения и т.д. Вообще Кан Ювэй предвидел шесть благоприятных последствий от постепенной ликвидации вооруженных сил: 1) население освободится от бремени военных расходов; 2) бесчисленные солдаты переквалифицируются в ученых, фермеров, купцов и т.д.; 3) когда профессия солдата будет запрещена, люди будут свободны от страха погибнуть или быть ранеными в бою ради славы какого-то генерала; 4) неизмеримо возрастет производство мирной продукции; 5) усилия будут направлены не на убийство себе подобных, а на благо человечества; 6) правительство, которое установит подобный порядок, будет превосходить своей добродетельностью все когда-либо существовавшие.

Кан Ювэй предвидел также отмирание международных вооруженных сил («Когда не будет государств, не будет и солдат»)¹³.

Земля будет разделена на несколько континентов: Европу, Восточную Азию (Китай, Япония, Аннам, Сиам и Бирма), Южные моря, Северную Азию (Сибирь), Западную Азию (Средняя Азия до Каспийского моря и Индия), Америку, Австралию, Африку. На каждом континенте будет свое правительство, подчиняющееся всемирному.

Мир без войн подразумевал мир социального спокойствия и благополучия каждого индивида. Это чрезвычайно важная черта. Разоружение и мир невозможны без социаль-

ной гармонии. Невозможно ожидать проявлений доброй воли от государств, осуществляющих несправедливую политику в отношении собственного народа. Остановимся по этому вопросу на социальных ипостасях Великого Единения.

Ключевым словом мира Великого единения является общественный — ибо общественное, а не частное, считал Кан Ювэй, способно сделать индивида счастливым. Общественный характер носит образование и здравоохранение, управление, юстиция.

Мужчины и женщины в мире Великого Единения равны. Общество освобождает родителей от обязанностей воспитания детей, что, по мысли реформатора, должно сделать их более свободными. Более свободен в этом мире и брак. Брачные контракты заключаются сроком на один год, а затем или продляются, или нет. Машины освободили человека от изнурительного труда, и у него появилась возможность распоряжаться своим временем. Климатически неблагоприятные районы перестали быть районами проживания людей; их жители переселены в благодатные края.

Медицина достигла в мире Великого Единения небывалых высот. Общество так заботится о здоровье индивида, что проверяет его состояние ежедневно. Вместе с тем — и это очень интересный поворот мысли — Кан Ювэй предупреждает, что врачи могут приобрести необъятную власть, может появиться «Наполеон от медицины», который захочет стать правителем мира. Поэтому обожествление любого человека — одна из немногих реальных опасностей для мира Великого Единения.

В мире Великого Единения восторжествовали идеалы Конфуция, развитие цивилизации оставило христианство и ислам в прошлом (здесь, без сомнения, сказался этноцентризм Кан Ювэя, видение Поднебесной как организма, управляемого мозгом-Китаем).

Мир Великого Единения, по Кан Ювэю, будет миром, где исчезнет страдание, где будет править Добро.

В китайской традиции на протяжении веков шел спор, начатый великим философом Мэн-цзы два с половиной тысячелетия назад: какова природа человека? Мэн-цзы утверждал, что человек точно также стремится к добру, как искры костра летят вверх. Его оппонент Сюн-цзы утверждал обратное: человек зол от природы. Существовала и третья точка зрения — от рождения человек «никакое», и окружающее не портит и не исправляет его, а полностью формирует.

Кан ювэй, естественно, стоял на той точке зрения, что человек по природе добр и как только разрушатся границы между государствами, расами, полами и т.д., исчезнут и те преграды, о которые разбиваются благие порывы изначально доброго человека.

Добрый человек не должен считать, что другие виды живых существ имеют право на существование лишь постольку поскольку он этого хочет. «Уменьшение страдания» должно распространяться и на другие живые существа (Кан Ювэй называет это преодолением «границ вида»). В Мире Великого Единения, считал он, умерщвление животных будет запрещено, равно как и исчезнет желание употреблять их в пищу. Преодоление «границ рода» — не простое сострадание к «меньшим братьям», а глубоко выстраданный, поистине всеобъемлющий универсализм.

В соответствии с буддийской традицией Кан Ювэй размышлял о трех эрах эволюции человечества: эре Хаоса, эре Поднимающегося Покоя и, наконец, эре Великого Покоя — собственно эре «построенного», как бы мы сказали сейчас, мира Великого Единения.

Эти три эры — Цзюйлуань, Шэнпин, Тайпин — заимствованы Кан Ювэем у буддийской школы Гун-ян. Несмотря на апеллирование к идеалам Конфуция, Кан Ювэй находился, скорее, в русле даосско-буддистской философии и даже испытал трансцендентное откровение. По концепции школы Гун-ян, восстановление идеального состояния вещей осуществляется постепенно — сначала с одного царства (концепция создавалась в период раздробленности), затем охватывает весь Китай и, наконец, варваров. Надо согласиться с исследователем из бывшей ГДР Ф.Фельбером, который пишет: «Идея осуществления Датун была понята как *исходящий из Китая* (курсив мой — Авт.) процесс обновления мира, на протяжении которого повсеместно чуть ли не в порядке естественной закономерности воспринимается китайское представление об идеальном порядке мира. Этот универсальный аспект сообщил концепции Датун в значительной мере националистско-китаецентристские черты»¹⁴.

Идея Датун не прошла и мимо внимания вождя китайского революционного движения Сунь Ятсена. Она, однако, не стала для него столь же значимой и несущей конструкцией мировоззрения, как для Кан Ювэя. У Сунь Ятсена была своя основа мировидения — «три народных принципа» (национализм, народовластие, народное благоденствие). В восприятии Сунь Ятсена идея Великого Единения, конечно, сильно отличалась от концепции Кан Ювэя, который отста-

ивал — как идеал — идею мирового сообщества, всемирного правительства, но не единого государства. Сунь Ятсен со свойственным ему этатизмом, напротив, думал о создании в далекой перспективе единого государства. Кан Ювэй шел дальше Сунь Ятсена, предвидя ликвидацию армий не только отдельных стран, но даже армии мирового сообщества. Сунь Ятсен, очевидно, в силу практического рода занятий был настроен более скептически по отношению к крайним формам пацифизма.

Вообще Датун, Великое Единение, для Сунь Ятсена в большей степени было идеалом переустройства общества, чем мирового сообщества, хотя второй момент присутствовал и был существенен. Всемирный Датун, по Сунь Ятсену, это прекращение войн, ненасильственный мир. В мировоззрении Сунь Ятсена большую роль играли этноцентристские моменты. Даже его универсализм был окрашен в этноцентристские тона; так, счастье всего человечества будет создано людьми желтой расы¹⁵.

Надо отметить, что идеи космополитизма и пацифизма стали развиваться в Китае по мере поворота страны ко внешнему миру. Знакомство с Западом давало китайским мыслителям мощный интеллектуальный импульс. Внешний мир, неожиданно раскрывшийся перед ними, был многообразен и искусен. После культурно-психологического шока (их взору открылась цивилизация, по своим политическим институтам и материальной культуре превосходящая китайскую) китайские мыслители, исходя из универсализма концепции Тянься, немедленно инстинктивно распространили традиционное универсалистское мировидение на весь мир, внезапно ставший им известным.

В заключении автору хотелось бы сказать несколько слов о судьбах пацифизма в Китае. Китайский опыт со всей наглядностью доказывает, что идеи пацифизма не могут быть восприняты низшими формами сознания. Реформатор Кан Ювэй, вождь революции Сунь Ятсен (впрочем, в меньшей степени, чем Кан Ювэй) могли подниматься над обыденностью, над нормативным пониманием политики как инструмента эгоцентристского насилия. Они могли предлагать обществу прекрасные проекты мира без войн и границ, мира всеобщего процветания. Однако обыденное сознание — касалось ли это неграмотных крестьян или высокообразованных интеллигентов — было не готово к принятию идей мира без насилия.

Страна, властители дум которой проповедывали Великое Единение, на 20 с лишним лет оказалась в состоянии смуты,

гражданской войны и безобразных междоусобиц. Та же страна, восстановив в своих пределах порядок, пошла затем на исполненный насилия хаос «культурной революции», а 20 лет спустя, когда мир и ненасилие, казалось, утвердились в общественной жизни навсегда, на кровопролитие в центре Пекина 4 июня 1989 г. Таким образом, китайское общество в преддверии 90-х гг. XX в. оказалось едва ли не дальше от идеалов ненасильственного мира, чем столетие назад.

Наверное, это говорит о том, что разрыв между высшими и низшими ступенями сознания по-прежнему очень велик и что огни мысли по-прежнему теряются в мире мрака.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Древнекитайская философия. М., 1973, Т. 2, с. 100.
- ² Китайские социальные утопии. М., 1987, 290-291.
- ³ Та Т'унь Шу. The One-World Philosophy of K'ang Yu-wei. L., 1958, P. 12.
- ⁴ Ibid. P. 13.
- ⁵ Ibid. P. 81, 83.
- ⁶ Ibid. P. 84-85.
- ⁷ Ibid. P. 85.
- ⁸ Ibid. P. 86.
- ⁹ Ibid. P. 88.
- ¹⁰ Ibid. P. 89-90.
- ¹¹ Ibid. P. 92-93.
- ¹² Ibid. P. 93.
- ¹³ Ibid. P. 98.
- ¹⁴ Цит. по: Китай: государство и общество. М., 1977, С. 94.
- ¹⁵ Цит. по: Китайские социальные утопии. С. 291.
- ¹⁶ Там же. С. 293.

МНОГОЛИКИЙ ПАЦИФИЗМ

Р.М. Илюхина

Пацифистское движение, вышедшее на арену мировой политики на рубеже веков, властно заявило о себе во время I мировой войны и главным образом в 20-30-е годы. Пацифизм, будучи плюралистическим идейно-политическим течением, впитавшим в себя гуманистические ценности либерализма и мировых религий, стремился к искоренению насилия и войн международно-правовым или этическим путем. Бурный подъем пацифистских движений был связан с резким обострением социальной напряженности, со взрывами военного и революционного насилия. Первая мировая война, социальные потрясения и прежде всего революция в России стали громадным импульсом стихийного распространения в массовом сознании пацифистских настроений, которые в конечном итоге представляли собой ненасильственную альтернативу военному насилию и революционному максимализму.

Широкие слои разделяли надежды на то, что мировая война и ее ужасы не только были искуплением, но и гарантией последующего мира. Вспоминая о той эпохе, Р.Роллан писал: «Потребовались годы долгого и мучительного опыта, преодоления иллюзий и ошибок, прежде чем мы поняли, что кумиры, к которым обращалась наша вера, давно прогнили, что ими стали пользоваться как орудием обмана...».

Антивоенное общественное мнение, определявшее «климат» и атмосферу международных отношений, исходя из исторического опыта Первой мировой войны, способствовало отрицанию ценностей, связанных с агрессией, и становлению новых, соотносящихся с ненасильственными и миролюбивыми тенденциями. Всеобщее распространение получили требования наказать виновников войны, свести счеты со спекулянтами и торговцами оружием, нажившимися на страданиях миллионов. Усилились чувства общей ответственности за судьбы человечества, антивоенное общественное мнение звало человечество к миру и требовало положить конец всем войнам и революционному насилию.

Революция в России была встречена пацифистами неоднозначно. Для некоторых Россия 1917 и первой половины

1918 г. ассоциировались с позитивным миротворчеством. Неслучайно известный советский историк М.Н.Покровский период российской истории с октября 1917 г. по август 1918 г. назвал «временем пацифизма», суть которого он видел в «переходе от иллюзий неизбежной формальной войны с империализмом... к иллюзии настоящего, хотя и непродолжительного, мира с империалистами»². Революционное пораженчество, мирные инициативы Советской России, включая Декрет о мире и Брест-Литовский мир, вызывали симпатии в некоторых пацифистских кругах, вдохновляли их на активные выступления в целях заключения демократического и справедливого мира.

Подписанный В.И.Лениным в марте 1919 г. Декрет об освобождении российских религиозных пацифистов от воинской обязанности, первоначальная терпимость в отношении Объединенного Совета религиозных общин и групп не могли не вызвать одобрения в широких кругах западных пацифистов. С другой стороны, революционное насилие, сопровождавшее свержение старой власти, не могло не сказаться самым негативным образом на пацифистском восприятии Всеобщего Революционного мира. Хотя первые декреты Советской власти и отвечали демократическим устремлениям, однако их воплощение в жизнь вызвало безграничное насилие и террор. Более того, установки на мировую революцию, практику революционного насилия, разгул кровавой гражданской войны, преследование российской интеллигенции, православного духовенства и социалистов, особенно суд над эсерами в 1922 г. по делам четырехлетней давности, стали шоком не только для левой интеллигенции, но и тех пацифистов, которые приветствовали Октябрьскую революцию. Неслучайно Р.Роллан в 1920 г. вышел из коммунистической партии. В письме к А.И.Рыкову М.Горький указывал на бессмысленность и преступность истребления интеллигенции: «...если эсеры будут убиты — это преступление вызовет со стороны социалистической Европы моральную блокаду России»³.

Взрыв сталинского террора, тотальное насилие в построении нового общества, лавина репрессий стали для пацифистов еще одним важным подтверждением того, что насилие рождает только насилие и поэтому не может стать позитивным фактором социального прогресса. Великий индийский гуманист и писатель Р.Тагор, посетивший в 1930 г. СССР, восхищенный борьбой «за освобождение тех, кто был мал и унижен», заклинал советское правительство «не сотворить зла, которое повлекло бы за собой бесконечную цепь наси-

лия и жестокости... Ваш идеал велик, и поэтому я прошу вас о совершенстве в служении ему, создания широкого поля свободы для закладки его неизменной основы»⁴.

Война и революция привели к изменению социальной основы пацифизма и разработке многообразных миротворческих и ненасильственных альтернатив в целях сохранения мира. Неоднородность пацифизма определялась, с одной стороны, различием социальной природы отдельных его направлений, эволюция которых в большой мере проходила в русле либеральных, религиозных и ряда социалистических установок в подходах к проблемам войны и мира; с другой — они разделялись на многочисленные течения и автономные организации, отличавшиеся по вопросу о методах борьбы с войной и степени применения насилия.

Альтернатива войне и насилию заключалась в глазах большинства пацифистов в создании международного механизма безопасности, который политическими и моральными методами смог бы регулировать международные отношения и предотвращать этим военное влияние. Поэтому идея, а затем создание Лиги наций, провозгласившей мирные методы урегулирования конфликтов, отвечали антимилитаристской атмосфере военных и послевоенных лет. Лига наций создавалась на уверенности в поддержке общественным мнением, которое рассматривалась как резервная сила для содействия арбитражным решениям, моральным осуждениям и международно-правовым решениям. Эти предложения были настолько сильны, что один из ведущих политиков-пацифистов, Р.Сесил, активный сторонник Лиги наций в Англии, заявлял, что Лига наций — детище общественного мнения⁵. Поэтому пункт о Лиге наций фигурировал во всех внешнеполитических программах послевоенного устройства международных отношений.

Большинство пацифистов считали, что «Лига народов», о которой они мечтали несколько десятилетий, наконец возьмет в свои руки международные отношения, основными принципами которых станет арбитраж, третейские суды и моральные внешнеполитические методы. Это доминирующее направление в пацифизме развивало традиционные идеи ряда либеральных политиков, стоявших у истоков Версальской системы и называвших себя пацифистами.

В центре идеологических позиций была национальная и международная политика, направленная на устранение агрессивной войны или сведения ее к минимуму, и предусматривавшая применение при необходимости силы (санкций международной организации).

Этот либеральный пацифизм, называемый американскими историками «интернационализмом», а английскими — «пацифицизмом», выдвигал на передний план дипломатию «морального принципа», ненасильственные методы разрешения международных конфликтов и предотвращения войны которые декларировала Лига наций. Что касается международных договоров, то пакт Бриана-Келлога (1928 г.) явился кульминационной точкой пацифистской дипломатии. Зафиксированный в нем тезис отказа от войны как орудия национальной политики налагал моральные обязательства на политику государств⁶.

Идейно-политическая платформа этого направления включала ряд внешнеполитических доктрин. Исходной позицией международно-правовых (легалистских) концепций стал тезис о доминанте международного права, при котором главными факторами международных отношений считались Лига наций, Международный суд, арбитраж, санкции против агрессора, разоружение. Другая концепция выдвигала на первый план роль моральных методов предотвращения войны. Достижение политической консолидации мирового сообщества на основе универсальной гуманистической морали, методами дискуссий, убеждений, третейских судов, добровольного морального и материального разоружения составляло ее характерную черту. Многие сторонники этого направления отвергали возможность военных санкций. Можно выделить и космополитическую (мондиалистскую) концепцию, основанную на идеях мирового права, всемирного федерализма и международного парламентаризма. Отвергая государственный и национальный суверенитет, эти пацифистские идеологи мечтали о создании «Всемирного правительства» как гарантии мира и альтернативы войне.

Критика агрессивной внешней политики, стремление к поддержанию мира средствами, бывшими в распоряжении Лиги наций, содействие мирному улаживанию конфликтов, заключению договоров, кодификации международного права, разработке принципов арбитража и санкций были характерными для деятельности пацифистских организаций, примыкавших к этому направлению. К ним относились Федерация обществ Лиги наций, Межпарламентский союз, Международная ассоциация права, Международная лига арбитража, Международное бюро образования, Международная федерация университетов для содействия Лиги нации и др., имевшие национальные организации практически во всех государствах — членах Лиги наций⁷.

Федерация обществ Лиги наций, объединившая к концу 20-х годов более 40 национальных ассоциаций содействия Лиге наций и провозгласившая в 1919 г. целью «проводить политику, независимо от правительств», не играла серьезной роли. Ее деятельность принималась во внимание лишь в тех случаях, когда соответствовала планам официальных делегатов Лиги наций. Решения ее конференций, направляемые в Ассамблею Лиги, по словам английского историка Д.Бирна, отличались «официальным штампом, сводившим на нет ее роль как голоса общественного мнения в поддержку Лиги». В 1923 г. глава отдела информации при Совете Лиги Бартлетт писал, что надо «что-то предпринять, чтобы Федерация стала не просто отделением Лиги, а более независимым движением»⁸.

Федерация обществ Лиги наций постоянно пребывала в состоянии противоречий. Французские представители настойчиво выдвигали идею Европейского федерального союза, в то время как английские считали этот план угрозой единству Лиги. В 1928 г. генеральный секретарь Лиги наций Э.Друммонд заявлял даже о «пути раскола», по которому идет федерация. Что касается национальных обществ Лиги наций, наиболее крупными и влиятельными они были в Англии, США и Франции.

Межпарламентский союз, Международная лига арбитража и другие национальные организации занимались кодификацией международного права, вопросами арбитража, безопасности, парламентской системы и т.д. Однако при всей важности ставившихся проблем деятельность их во многом имела академическую направленность.

Многие пацифистские организации этого направления восходили к Международному бюро мира и женскому Международному союзу мира. Они координировали деятельность национальных Обществ мира, организовывали ежегодные Всеобщие конгрессы мира (с 1921 по 1939 гг.), которые, хотя и ориентировались на Лигу наций, но в 20-е годы с недоверием относились к санкциям против нарушителя мира, возлагая основные надежды на ненасильственные акции. На всеобщих конгрессах мира, объединявших пацифистов различного толка, актуальные внешнеполитические проблемы обсуждались с большей свободой, чем на межпарламентских конференциях и в обществах Лиги наций⁹. Являвшиеся до первой мировой войны крупными координационными центрами общества мира после войны либо оставались таковыми (в Швеции, Германии, Австрии), либо в силу стечения обстоятельств потеряли главенствующую роль, пере-

дав свои функции новым организациям (в США, Франции, Канаде, Англии).

Другое, значительно усилившееся после войны направление в пацифизме имело своим источником широкие средние слои и часть рабочего класса. Здесь также имелись существенные различия. Обогащение и усиление этих слоев в странах Антанты, сужение их экономической базы в Германии и Италии предопределили национальную пестроту и многослойность, политическую неустойчивость и противоречивость этой части пацифистского движения. Увеличение полупролетарских и пролетарских элементов соответственно изменяло партийно-политическую ориентацию многих пацифистских обществ, где значительно усилились или возобладали позиции социалистов.

Идеи пацифизма были взяты на вооружение социалистическими партиями, Рабочим Социалистическим Интернационалом (РСИ), Международной федерацией профсоюзов (Амстердамский Интернационал, МФП). В разработке идейно-политической платформы социалистического пацифизма¹⁰ важную роль сыграли решения II и III конгрессов РСИ 1925 и 1928 гг., Международной конференции профсоюзов в 1919 и 1922 гг., где социал-демократические лидеры объявили себя «реальными» пацифистами. Идеологической основой этого течения были известные теории «ультраимпериализма» К.Каутского и «организационного капитализма» Р.Гильфердинга. Возлагая на капитализм ответственность за войну и полагая, что пацифизм является частью классовой борьбы пролетариата, лидеры социал-пацифизма (Д.Р.Макдональд, А.Тендерсон, Л.Жуо, А.Тома, П.Фор, Л.Блюм, Э.Вандервельде, К.Гиманс, Ж.Дестре, К.Брантинг и др.) ориентировались на Лигу наций как инструмент примирения империалистических противоречий, считая, что мир и безопасность «должны быть основаны на третьей разбирательстве и всеобщем и полном разоружении»¹¹.

Международная федерация профсоюзов залогом прочного мира считала международное социальное законодательство, демократическую Лигу наций как гарантию мирного урегулирования и разоружения, экономическую реконструкцию Европы.

Для пацифистской политики социалистов характерна была боязнь сотрудничества с коммунистами, вызванная установками Коминтерна на мировую революцию, что рассматривалась как «серьезная угроза мировой войны»¹². Ориентация на западные демократии в связи с сектантской политикой Коминтерна и обвинением социал-пацифизма в социал-

фашизме объективно приводила к ослаблению антивоенного потенциала рабочего движения в целом.

Особой разновидностью социалистического пацифизма стал «радикальный» пацифизм некоторых левых социалистов, анархо-синдикалистов и Международной федерации профсоюзов¹³. В качестве доступного и главного инструмента антивоенной борьбы всеобщая международная забастовка, международный бойкот правительства Хорти в Венгрии, предпринятый МФП, а главное, поставок оружия Польше в ходе советско-польской войны в 1920 г., оказались по существу единственным результатом подобного рода. После уничтожения немецких профсоюзов в 1933 г. появились сомнения относительно концепции всеобщей забастовки. Они еще более усилились в результате итальянской агрессии в Эфиопии в 1935 г. В связи с уничтожением профсоюзов в странах-агрессорах использование всеобщей забастовки в государствах, которым угрожала агрессия, становилось абсурдным. Поэтому начиная с 1936 г. МФП более не призывала к международной забастовке.

На различия в идейных установках влияли и настроения рядовых членов ряда социал-демократических партий, участвовавших в пацифистских организациях. Антивоенная борьба этой части трудящихся нередко выходила за рамки официальных установок. Но такие выступления, особенно совместно с коммунистами, были немногочисленны¹⁴.

Синтез идей «радикального» и христианского пацифизма привел к формированию христианско-социалистического пацифизма, составлявшего, правда, меньшинство движения. Группы социалистов религиозного толка и либерально-протестантских теологов выдвигали на первый план нравственные принципы христианства как движущую силу в борьбе за достижение мира и социальной справедливости. Элемент персональной этической ответственности был главным в их взглядах. В Англии направление было связано с именами Д.Лансбери, А.Понсонби, в Германии — Э.Фукса, Э.Эккерта, в США — А.Маста, К.Пейджа, Р.Нибура и др. В США «радикальный» пацифизм составил ядро социального христианства.

Христианско-социалистический пацифизм заметно повлиял на идейно-политические установки ряда пацифистских объединений, таких, как Международное братство примирения, Интернационал противников войны и др.

Так, Интернационал противников войны, действовавший в 68 странах, выпускавший еженедельник «Противник войны», пропагандировал борьбу против расовых, религиозных,

классовых и национальных предрассудков как социального источника войн, а в качестве средства предотвращения войны предлагал создание широкого братства людей, основанного на взаимной поддержке. Целью этой организации являлись, говоря языком социалистов, свобода, равенство, братство, а по-христиански — правда, красота, любовь. В качестве практических методов борьбы с войной предлагался прежде всего отказ от воинской обязанности, от поддержки каких бы то ни было военных акций и т.п.¹⁵

Каждый вступивший в Интернационал противников войны подписывал Декларацию, в соответствии с которой обязывался «не принимать участия ни в какой войне, будь она международной или гражданской, работать в целях общего разоружения, устранения всех источников войны и создания нового социального и международного порядка на основе пацифистских принципов»¹⁶.

Движение за отказ от воинской службы стало заметным в пацифистских кругах. К нему примкнули многие пацифистские организации анархо-синдикалистского толка. Его поддерживали известные деятели науки и культуры, такие, как Б.Рассел, А.Барбюс, Р.Роллан, А.Энштейн, Р.Тагор, М.Ганди, Г.Уэллс и др., подписав в 1926 г. Манифест против воинской обязанности. Еще до его публикации пацифист-лейборист А.Понсонби в 1925 г. опубликовал заявление «Настало время», где провозглашался «отказ от воинской службы любому правительству, которое прибегнет к войне». Полагая, что открыл новый вид «пацифизма здравого смысла, неопровержимого в своей основе», в декабре 1927 г. он вручил петицию (128.770 подписей) премьер-министру С.Болдуину с отказом от воинской службы. В этом же году кампания за отказ от воинской службы развернулась в Германии. В 1931 г. в США опрос видных протестантских деятелей об их отношении к воинской службе, проведенный религиозно-пацифистским журналом «Мир завтра» показал, что из 19.372 опрошенных 12.076 ответили, что церковь никогда более не одобрит никакую войну¹⁷.

Даже в Советской России вплоть до конца 20-х годов Объединенный совет религиозных общин и групп во главе с соратником Л.Н.Толстого — В.Г.Чертковым, включавший кроме толстовцев и другие религиозные группы, успешно защищал пацифистов, отказавшихся от военной службы по религиозным мотивам. Так, только за 1919-1920 гг. с помощью уполномоченных Объединенного совета от воинской службы было освобождено до 10 тыс. российских пацифистов. Однако после декрета Советского правительства от

14 декабря 1920 г. ходатайства Объединенного совета официальными лицами в расчет не принимались, а российские пацифисты столкнулись лицом к лицу с набравшей обороты сталинской репрессивной машиной¹⁸.

Движение за отказ от воинской службы стало главным методом антивоенной борьбы в международном братстве примирения, отделения которого имелись почти во всех странах. В качестве главного метода «Министерство примирения» (как называли его активисты общества) выдвигало широкую пропаганду идей христианского примирения, отказа от воинской обязанности, морального убеждения с позиций «послания Христа о всепобеждающей любви»¹⁹.

Участники движения за отказ от военной службы к концу 20-х годов во многих странах, особенно во Франции, Бельгии и СССР, подвергались репрессиям, что вызывало в западных странах новую волну антивоенных кампаний протеста.

Индивидуальный или коллективный отказ от воинской службы и в целом движение «отказников», или противников войны по мотивам совести, способствовало усилению атмосферы антимилитаризма, хотя реализация этого метода антивоенной борьбы в 20-е годы не имела серьезных результатов. Наивные предположения «отказников» о том, что если хотя бы 20% населения заявит о своем отказе участвовать в войне, то судьба международных конфликтов окажется в их руках, вызывали сомнения²⁰.

Наряду с отказом от военной службы в некоторых пацифистских организациях в 20-е годы пытались реализовать идеи гандистского ненасильственного сопротивления в качестве метода борьбы против войны. Развернулась дискуссия о возможности применения в Европе и Америке ненасильственных акций гражданского неповиновения, сторонниками которых выступали последователи М.Ганди. Наиболее известным был американский квакер Р.Грегг, который, побывав в Индии (1925-1929 гг.), проповедовал теорию ненасильственного противления. Многие приверженцы этих идей, например, известный английский писатель-пацифист О.Хаксли, утверждали, что акции гражданского неповиновения представляют собой единственную оптимальную возможность борьбы угнетенных. А американский пацифист Дж.В.Хьюгген, один из лидеров американской Лиги противников войны, предполагал, что эта тактика может успешно противодействовать вовлечению США в войну²¹.

Клерикально-пацифистское движение в тот период было в основном протестантским. Весьма влиятельной организа-

цией стал Мировой союз за международную дружбу через Церковь, созданный в конце войны. В 1928 г. на Женевской конференции более чем 190 представителей мировых религий, не стремясь создать «Лигу религии», приняли решение пропагандировать учение по вопросам войны и мира в каждой религии и выработать меры, с помощью которых каждый верующий мог бы найти путь к миру. Показательно, что все упоминания о Лиге наций были исключены²². 35 американских организаций, участвовавших в конференции, заявили в манифесте, что их церкви будут особое внимание уделять экономическим факторам, являющимся «главными причинами международной подозрительности, враждебности и войны». В Англии большинство протестантских церквей (баптисты, конгрегационалисты, пресвитериане, три методистские церкви, квакеры) в 1929 г. объединились в Совет Христа и мира во главе с епископом Чичестером, который заявил, что «никогда не поддержит никакую войну и военную службу своих соотечественников». В целом Мировой союз, действовавший в 30 странах, способствовал сближению различных церквей и проповедовал на страницах своих еженедельников решение проблем мира путем «христианской дружбы»²³.

Наиболее влиятельной религиозной международной организацией оставался старейший квакерский Международный комитет Друзей, имевший центры во всех странах. Цель комитета состояла в том, чтобы «помочь друзьям мира» выявить свою антивоенную позицию и наладить сотрудничество с другими миролюбивыми движениями. Английское общество Друзей на Международной конференции Друзей мира в 1921 г. призвало к «жертвам в пользу мира» с тем, чтобы «сотрудничество заменило господство, место страха и подозрения заняло доверие»²⁴.

Из числа других организаций можно упомянуть Рыцарей мира, Всеобщий христианский совет за жизнь и работу, Антивоенную ассоциацию служителей церкви, Всемирную ассоциацию студентов-христиан. Католические организации, кроме «Пакс кристи», в эти годы так и не приобрели серьезного значения. Основываясь на «католической христианской морали», «Пакс кристи» отвергала идею «незаконности любой войны» и считала возможным использование в отдельных обстоятельствах силы, ставила целью распространение учения «традиционного христианства о единстве человечества, сущности и границах патриотизма, определенной пользы войны». В конце 30-х годов она определила надви-

гающуюся войну как «настолько большое зло, что она стала несправедливой»²⁵.

Основные черты пацифистских идей в различных сочетаниях и модификациях прослеживались в программах и деятельности многих других национальных и международных женских, молодежных, профессиональных и прочих пацифистских объединениях. Социально-политический спектр их был чрезвычайно широк. Идейные платформы ряда пацифистских организаций были достаточно аморфными. Если же учесть и эволюцию во взглядах в зависимости от быстро менявшейся ситуации, то определение их принадлежности к тому или иному направлению в значительной степени условно. Одной из наиболее крупных являлась Международная лига женщин за мир и свободу, имевшая отделения почти во всех странах. Созданная в 1919 г. известной американской пацифисткой Д. Адамс, Лига отвергала войны и насилие, выступала за постепенную перестройку международных отношений на началах морали²⁶.

В целом женское антивоенное движение было достаточно влиятельным, особенно в США и Англии. Некоторые историки считают, что основу пацифистского движения в США составляли женщины. Один из американских пацифистских лидеров, Ф.Либби, отмечал, что «женщины составляют костяк движения мира в Америке». Когда президент США Рузвельт объявил в 1935 г. закон о нейтралитете, один из политиков, Ф.Сиссон, предупреждал Белый дом, что тысячи и тысячи голосов женщин теперь потеряны. Не впадая в драматическое преувеличение роли женских организаций в США, отметим, что американская секция Международной женской Лиги за мир и свободу была действительно достаточно влиятельна. К 1937 г. у нее имелось 120 местных отделений, объединявших до 13 тыс. членов, ее лидеры были причастны к деятельности конгресса²⁷.

На аналогичных позициях стоял Международный союз пацифистов, Международная лига борцов за мир, Всенародная ассоциация, Международная переписка. К такой же идейно-политической платформе примыкали многие другие организации, в программах которых фигурировал тезис сохранения мира. Развитию «духа дружбы и мира путем помощи при стихийных бедствиях» содействовала Гражданская служба. Ряд организаций специализировался на развитии туризма, культурных, профессиональных обменах, книгообмене, обмене пластинками, на организации «библиотек мира», книжных магазинов «в пользу мира» и др. Практически все крупные организации создавали молодежные отде-

ления — Международная лига дружбы, Международная служба студентов, Международное молодежное движение, Движение всемирного молодежного конгресса и др.

Различия в пацифистском движении 20-х годов, острота дискуссий свидетельствовали о том, что дифференциация носила скорее идейный, а не практический характер, так как речь шла пока что о поддержании мира политическими и моральными ненасильственными средствами. Поэтому в эти годы существовал определенный консенсус, связанный с двумя крупнейшими внешнеполитическими проблемами — Локарнскими соглашениями 1925 г. и разоружением, которые воспринимались как важные шаги в поддержании мира. Нет нужды пересказывать многочисленные документы пацифистских организаций и резолюций конгрессов и конференций с одобрением Локарнских соглашений.

Западные дипломаты широко пользовались пацифистской риторикой, что обеспечивало им позиции в пацифистски настроенном общественном мнении. Характерно высказывание коллеги Г.Штреземана по фракции в рейхстаге Штольберга-Вернигероде накануне вступления Германии в Лигу наций: «Именно в нашем теперешнем положении мы должны включать в свой лексикон фразы о мире, примирении народов и т.д., не поддаваясь, однако, подобно фантазерам-пацифистам, этому обману»²⁸.

Одной из центральных во всех пацифистских организациях была проблема разоружения. Считая, что рост вооружений является причиной войны, многие организации вместе с тем по-разному подходили к методам разоружения, количественным и качественным его аспектам. Пацифистским организациям были созвучны предложения о всеобщем и полном разоружении, выдвинутые Советским Союзом в 1927-1932 гг. Дж.Лансбери заявлял в 1927 г.: «Я считаю советскую декларацию самым крупным событием в борьбе за мир». Одна из руководительниц американской Лиги женщин за мир и свободу в своих воспоминаниях отмечала: «Никогда еще ... ни одна страна не разрабатывала столь всеобъемлющего плана достижения мира. И это было трагедией мира, что... русское предложение было отвергнуто»²⁹.

Активно включились в кампанию по разоружению и социалистические пацифисты, хотя их предложения зачастую не выходили за рамки политики кабинетов. Цюрихская сессия исполкома РСИ в 1930 г., специальная комиссия Социалистического Интернационала по разоружению в 1930-1931 гг. пытались оказать давление на Лигу наций в вопросах разоружения³⁰.

Многие крупные пацифистские объединения на международном и национальном уровне разворачивали широкие кампании с требованиями решения проблемы разоружения. Их форумы, как например, 29-й Венский Всеобщий конгресс мира, Гренобльский конгресс Международной лиги женщин за мир и свободу в 1923 г. и др., направляли многочисленные петиции, послания правительствам, парламентам, Лиге наций, во многих из которых фигурировало предложение о всеобщем и полном разоружении³¹.

Разоружение стало важной стороной деятельности Международной федерации профсоюзов, Федерации обществ Лиги наций, особенно в 1931-1933 гг. Так, последняя предложила сократить на 25% мировые вооружения на принципах равенства победителей и побежденных, отменить все вооружения, запрещенные для побежденных стран, установить контроль над частным производством оружия. В 1932 г. федерация опубликовала материалы в помощь делегатам Конференции по разоружению; ее резолюция неоднократно вручалась президенту конференции специальной делегацией³².

Активная деятельность в пользу всеобщего разоружения была характерна и для пацифистских протестантских организаций. Например, Международный комитет Друзей и его национальные отделения в начале 30-х годов проводили обширные кампании под девизом «Мир без оружия», которые были обращены «ко всем христианским народам»³³.

Большинство пацифистских организаций пытались оказать давление на правительства своих стран в целях проведения активной политики в области разоружения. В Англии, например, действовало до 40 комитетов по разоружению, которые выпускали в огромных тиражах специальную литературу. Брошюра «Разоружение. Февраль 1932 — февраль 1933 гг.» была распространена в 40 тыс. экземплярах. В 1932 г. прошла широкая кампания по оказанию давления на правительство: около 100 тыс. почтовых открыток было направлено различным группам электората, чтобы они отослали их «своим» членам парламента. В ноябре 1933 г. представительная делегация во главе с архиепископом Кентерберийским на встрече с премьер-министром потребовала от правительства немедленных действий в области разоружения³⁴.

Американский национальный совет за предотвращение войны проводил митинги, направлял петиции президенту США, в Конференцию по разоружению, распространял антивоенную литературу. Только в 1932 г. 14 организаций собрали свыше 1 млн. подписей под петицией с требованием

разоружения. В 1932-1934 гг. по инициативе Женской лиги за мир и демократию была предпринята широкая кампания под девизом «Изъять прибыли из войны», направленная на обуздание фабрикантов оружия,³⁵ в которой приняли участие многие пацифистские организации.

Большинство пацифистских организаций Франции также выступали за всеобщее разоружение и боролись с «националистическим духом» за моральное разоружение. 49 картелей мира, созданных в 30 департаментах, включавших в свои программы «всеобщее прогрессивное и постоянно контролируемое разоружение», были объединены³⁶ в «Международное демократическое действие в пользу мира».

Однако единственное, чего смогли добиться пацифисты — это постановки проблемы о моральном разоружении в Лиге наций. Правда, доктрина морального разоружения, сводившаяся к «духовному замирению народов», не выходила за рамки дискуссий в пацифистских кругах о первичности или вторичности морального разоружения. Тем не менее эти идеи получили конкретное воплощение в конце 1932 г. в проекте Конвенции о моральном разоружении, разработанном в Комитете морального разоружения Лиги наций³⁷.

Хотя к началу 30-х годов пацифизм и достиг определенной степени признания в глазах мировой общественности, но в правящих кругах мало кто придавал ему серьезное значение.

Хотя пацифистская альтернатива и открыла, как говорили, эру пацифистской дипломатии, однако силовая политика при разрешении ряда конфликтов оставалась решающей.

Более того, зачастую пацифизм отождествляли с экстравагантным чудачеством, фанатизмом и другими причудами. Одни, например, считали, что все пацифисты должны быть вегетарианцами, другие — эсперантистами, третьи полагали, что женщины-пацифистки все без исключения исповедуют феминизм. В качестве примера одного из чудачеств приводилась конференция Ассоциации вегетарианцев (Болгария, 1927 г.),³⁸ где все ее участники объявили себя противниками войны.

К тому же пацифистские организации оставались немногочисленными. Хотя, по нашим подсчетам, в Европе и Северной Америке к началу 30-х годов действовало более 40 международных, более 60 — американских, более 65 — английских, около 20 — французских, более 23 — бельгийских, 22 — шведских, около 35 (до 1933 г.) — немецких крупных пацифистских организаций, численность их членов

варьировалась от нескольких десятков до нескольких сот тысяч.

Кризис идейных позиций пацифизма в начале 30-х годов имел в своей основе изменение международных отношений, обусловленных мировым экономическим кризисом 1929-1933 гг., победой фашизма в Германии, выходом Германии и Японии из Лиги наций, крахом надежд на разоружение. К тому же в политическую жизнь вступило новое поколение, которое не испытало ужасов войны.

Пацифистское движение было поставлено перед выбором: либо применение хотя бы в минимальных размерах насилия, средствами, которыми обладала Лига наций, либо использование исключительно ненасильственных методов морального воздействия. Эту ситуацию в пацифистском движении можно проиллюстрировать статьей Р.Роллана «Пацифизм и революция», где резкой критике подвергался главный тезис Международной Лиги борцов за мир — «Лига ставит превыше всего пацифизм...». Р.Роллан подчеркнул: «Ставить пацифизм превыше всего... значит унизиться до капитуляции перед злом, ибо нечего тешить себя надеждой на нейтральность. Надо выбирать. Слишком просто провозгласить себя противником "всяких войн"». Р.Роллан сложил с себя обязанности председателя Международной Лиги борцов за мир, чтобы возвратиться «в строй, туда, где мне велят быть мои убеждения — на крайне левый фланг действий»³⁹.

О серьезных разногласиях в пацифистском движении Франции можно судить по полемике Р.Роллана с видными пацифистскими лидерами В.Мериком, А.Боже, Л.Пишоном, Ф.Шаллеем и др. в 1933-1936 гг. Дискуссии в пацифистских кругах не только не уничтожали разногласий, но зачастую приводили к расколу.

Созданный в Англии в 1934 г. Союз приверженцев мира⁴⁰, известный в эти годы как шеппардовское движение мира, стал аккумулятором ненасильственных и непротивленческих идей. Известный христианский пацифист каноник Дж.Шеппард в 1934 г. опубликовал воззвание «Приверженцев мира». Лозунг нового движения «Я отказываюсь от войны и никогда более ее не поддерживаю» восприняло около 100 тыс. человек, объединенных в группы по обучению «технике ненасилия». К 1939 г. насчитывалось более 1000 групп, насчитывавших 125 тыс. членов. Издававшаяся союзом газета «Пис Ньюс» проповедовала идеи христианского пацифизма⁴¹.

Идеи христианско-социалистического пацифизма активно пропагандировались многими профсоюзными лидерами, ру-

ководителями лейбористских, социал-демократических партий конфессиональными кругами в ряде стран.

Так, Федеральный совет церквей США пропагандировал тезис о том, что «всякая война — зло, направленное против идей Христа». Известный лидер методической церкви Англии Г.Картер подчеркивал, что война на Дальнем Востоке и возможность войны в Европе привели к тому, что международное положение стало походить на то, что было до 1914 г. Он призвал всех следовать его примеру: «...в будущей войне я буду выступать, молиться, писать против нее и употреблять все законные средства, чтобы убеждать людей против участия в ней»⁴².

В 1934 г. Международное бюро мира расценило установление фашистского режима в Германии как «отрицание всех принципов, на которых основано антивоенное движение», заявив, что «останется пацифистским, так как считает войну самым неадекватным методом разрешения противоречий» и подчеркнув «значимость моральных форм борьбы». К середине 30-х годов Международное бюро мира пришло к выводу о необходимости создания «Высшего Совета Международной политики, который смог бы выносить⁴³ решения, обязательные для всех конфликтных ситуаций»⁴⁴.

Достаточно противоречивой была и позиция Интернационала противников войны, где с начала 30-х годов наметилось расхождение в связи с сильными репрессиями против противников военной службы.

Эти примеры свидетельствуют, что в домюнхенский период еще не сформировалась четко выраженная политическая линия, реализующая принцип ненасилия во внешнеполитическую доктрину. Но к середине 30-х годов в пацифизме зримо выявилась и другая тенденция: тысячи пацифистов активно выступали против угрозы войны. Многие пацифистские организации, ориентировавшиеся на Лигу наций, видели альтернативу войне в создании своего рода «Трибунала международных полицейских сил», чтобы придать большее значение политике коллективных акций, чем вопросам понижения уровня вооруженных сил. В этих целях в 1932 г. было основано Новое сообщество во главе с Дж.Барнсом и Д.Дэвисом, находившееся под сильным английским влиянием. На правах коллективного члена оно вошло в Федерацию обществ Лиги наций. Выдвинутая им идея создания международной полицейской службы встретила сопротивление правящих кругов Великобритании и не была реализована, хотя и была поддержана 31-м Международным конгрессом мира (Кардиф, 1936 г.). По инициативе Д.Дэвиса, пред-

седателя конгресса, была принята резолюция о необходимости создания «Высшего Совета международной политики»⁴⁴.

В другом ключе действовала Международная лига женщин за мир и свободу. В апреле 1935 г. она провела международную кампанию «Народный мандат», где призвала правительства к коллективным действиям по выполнению Устава Лиги и Пакта Бриана-Келлога. В кампании, развернувшейся в 25 странах, было собрано до 10 млн. подписей⁴⁵.

К середине 30-х годов ряд пацифистских организаций Франции поддержали попытку Народного фронта и участвовали в антифашистских акциях. Так, еще в 1932 г. 28 пацифистских организаций выступали с протестом против японской агрессии в Китае и с требованием ликвидации конфликта с помощью Лиги наций⁴⁶.

После установления фашистского режима и расправы с пацифистскими организациями в Германии заметно усилилась роль Австрийского Совета обществ мира, который принял решение поднять знамя мира среди немецкоязычных народов. К середине 30-х годов заметно активизировались эмигрантские немецкие пацифистские организации. В качестве примера можно сослаться на международную кампанию (1933-1936) за освобождение из концлагеря и присуждение Нобелевской премии мира К.Оссецкому, которого Т.Манн называл «мучеником идеи мира»⁴⁷.

Определенный импульс в развитии антифашистских тенденций в пацифистском движении был дан всемирным Амстердамским конгрессом, созванным по инициативе коммунистов 27-31 августа 1932 г. Среди 2200 делегатов присутствовали представители от 230 пацифистских организаций. Однако принятый на конгрессе манифест был составлен в духе классовой борьбы и политической непримиримости (против чего, кстати, выступал А.Барбюс), что не могли поддержать пацифисты. Под влиянием обращений Р.Роллана и других выступлений декабрьский пленум вновь созданного Международного комитета борьбы против новой мировой войны принял специальную декларацию⁴⁸ об участии в Амстердамском движении пацифистов.

В августе 1933 г. избранный Европейским антифашистским конгрессом (июнь 1933 г.) Центральный комитет рабочего антифашистского объединения европейских стран объединился с Международным комитетом борьбы против новой мировой войны в единый Международный комитет борьбы против империалистической войны и фашизма. Возглавляемое этим комитетом движение под названием Амстердам-Плейель, в котором коммунистические партии и ряд рабо-

чих организаций были наиболее влиятельными⁴⁹, оказало определенное влияние на радикализацию пацифистских сил.

Антифашистская деятельность движения Амстердам-Плейель, хотя и представляла первый шаг совместных выступлений марксистов и пацифистов, тем не менее не охватывала широкие пацифистские круги. К тому же разгоравшаяся вражда между Социнтерном и Коминтерном, недоверие и подозрительность, взаимное обвинение (одних — в социал-фашизме, других — в тоталитаризме) ложились тяжелым бременем на антивоенные силы. Статья Э.Вандервельде о «железном занавесе», разделившем русских рабочих и западно-европейский пролетариат, манифест Берлинской сессии исполкома РС И к советским рабочим свидетельствовали о серьезных трудностях в нарождавшемся антифашизме⁵⁰. В целом в начале 30-х годов пацифистское движение в своей основе было антивоенным, но не антифашистским. В середине 30-х годов в пацифистских кругах шел процесс осознания необходимости борьбы с конкретным агрессором — фашизмом.

Требовалось собирание всех сил мира для борьбы с военной опасностью. Именно поэтому А. Барбюс в мае 1935 г. выдвинул идею формирования широкого фронта мира, объединившего бы коммунистические и пацифистские силы на антифашистской основе.

Провозглашенный VII конгрессом Коминтерна курс на создание широкого фронта мира оказал определенное воздействие на рост антифашистских тенденций в пацифистских кругах. Отбросив догматические сектантские установки, неверное и оскорбительное определение социал-демократии как социал-фашизма, пересмотрев негативную оценку пацифизма, VII конгресс провозгласил цели всеобщего антифашистского единства. Вместе с тем наряду с общедемократическими целями в документах конгресса по-прежнему оставались лозунги о «мировой социалистической революции», «Всемирном Союзе советских социалистических республик», что значительно затруднило выработку совместной с пацифистами антивоенной и антифашистской стратегии⁵¹.

Эти вопросы к тому же увязывались с состоянием демократии в СССР. После VII конгресса Коминтерна на страницах западной печати развернулась широкая кампания против репрессий в СССР. «Нельзя протягивать руку буржуазным демократам в Европе, объявлять Деладье, Масарика и Бенеша своими союзниками, а у себя в Советском Союзе расстреливать оппозиционных коммунистов и гноить в тюрьмах и ссылках социалистов»⁵².

Между тем экстремальность ситуации второй половины 30-х годов, заключающаяся в общечеловеческой опасности фашизма для общественного прогресса, существования многих стран и народов, вызвала к жизни идеи широкого объединения и в пацифистских кругах. Хотя пацифисты и осознавали надвигающуюся военную угрозу, идейно-политические разногласия, определявшие разную меру понимания фашистской опасности, степень реализма оценок возникших военных конфликтов, отношение к насильственным (или вооруженным) методам предотвращения войны, оставались существенными. Расхождения между меньшинством, отвергавшим любую форму насилия, войну и воинскую обязанность, и большинством, для которого военная сила против фашизма представляла нежелательную, но вероятную альтернативу, все более и более углублялись.

«Тройной кризис» 1936 г. — ремилитаризация Рейнской области в марте, поражение Эфиопии в мае, начало гражданской войны в Испании в июле, — хотя и послужил причиной бурного взрыва пацифистской активности, но вместе с тем усилил поляризацию в движении. Линия раздела проходила по вопросам тактики, которой следует придерживаться в отношении нарушений Германией Версальского мирного договора, итальянской агрессии в Эфиопии, гражданской войны в Испании. В этой связи наиболее спорной была дилемма о применении санкций Лиги наций к агрессорам.

Где проходит грань между насилием и конструктивной политикой, которая объединила бы человечество? Война может остановить Гитлера, но остановит ли она гитлеризм? Эти вопросы известного американского лидера Дж.Холмса вставали перед многими пацифистами. Между тем усиление летом 1935 г. пацифистского движения в защиту коллективной безопасности, проявлением чего стал английский плебисцит мира, выдвигало задачу разработки общей конструктивной платформы. Поэтому идеи А.Барбюса и его преемника лауреата Нобелевской премии мира физика П.Ланжевена о формировании широкого антифашистского объединения общественных сил самостоятельно выдвигали многие лидеры движений мира, такие, как глава французских радикал-социалистов П.Кот, возглавивший Международный комитет в защиту Эфиопии, лидер английского Союза Лиги наций Р.Сесиль, имевшие к тому времени значительный опыт сотрудничества³³.

Консолидацию антивоенных сил с различными взглядами на методы борьбы с фашистской угрозой видные политики-

пацифисты (Р.Сесиль, П.Кот, Э.Эррио, К.Брантинг и др.) предполагали осуществить на следующей основе: нерушимость международных договоров, ограничение вооружений, коллективная безопасность, укрепление Лиги наций («4 принципа»), которые мог бы провозгласить Всемирный Конгресс Мира.

В кругах пацифистски настроенных политиков и общественных деятелей эти принципы ассоциировались прежде всего с системой Лиги наций. Поэтому, по их замыслу, активное использование организации в целях предотвращения войны могло стать исходным пунктом для перехода ряда пацифистских организаций от протеста против любой войны к политике активного противодействия агрессорам посредством применения санкций. Р.Сесиль даже полагал, что это движение может заменить в какой-то мере ослабевшую Федерацию обществ Лиги наций⁵⁴. Стратегический ориентир на Лигу наций был, как известно, аксиомой для лидеров либерального пацифизма, которые не очень рассчитывали на массовые выступления, в том числе и самих пацифистов.

В условиях возросшей опасности войны все миролюбивые силы были заинтересованы в том, чтобы поднять роль Лиги наций в противодействии фашизму. Однако ее поэтапное отстранение западными державами от решения актуальных международных проблем становилось все более и более очевидным. Тем не менее общедемократическая платформа «4-х принципов», опубликованная в «Международном призыве» 31 января 1936 г. в Париже, который подписали всемирно известные политические и общественные деятели, видные писатели и др., свидетельствовала о возможностях невиданного ранее широкого объединения. Этот факт подтверждался и развернувшейся весной и летом 1936 г. грандиозной кампанией по подготовке Всемирного конгресса мира. В 43 странах действовали центры, объединившие до 400 млн. человек⁵⁵.

Подготовка к конгрессу приходила в нелегальных условиях, зачастую в обстановке травли избранных делегатов. Фашистские агенты развернули клеветническую кампанию с обвинением конгресса в принадлежности Народному фронту и коммунизму.

Лидеры Амстердамского и Рабочего Социалистического Интернационала, хотя и отказались участвовать в конгрессе, но предоставили свободу действий национальным организациям и партиям. Несмотря на попытки привлечь пацифистов, выступавших против санкций, последних не поддержал конгресс. Однако ряд организаций, для которых

«4 принципа» конгресса были чрезмерно радикальными, все же прислали наблюдателей, резко выступавших против любых санкций. Подготовка к конгрессу выявила и другие трудности. Пацифистское большинство в руководстве еще четко не осознавало «образа врага» в лице Германии, Италии, Японии и возражало против определения их агрессорами. Не решалось оно также на активные действия по спасению из концлагерей антифашистов. Попытка же социал-демократов поставить вопрос о незаконности репрессий в СССР еще более осложнила ситуацию⁵⁶.

Брюссельский конгресс мира (3-6 сентября 1936 г.) прошел под лозунгом «Мир в опасности. Мы должны его спасти!» и принял манифест «Хартия мира». Конгресс был достаточно представительным; в нем участвовало до 600 делегатов от 50 международных, 750 национальных организаций из 35 стран. На нем присутствовали консерваторы, пацифисты различных направлений, коммунисты, социалисты, либералы, делегаты из полуколонийальных и колониальных стран, представители 15 национальных профсоюзных центров, 12 социалистических партий, 16 национальных секций Международного кооперативного альянса, все ассоциации содействия Лиги наций и примыкающие к ним объединения, 28 религиозных пацифистских организаций протестантских церквей, а также 80 католиков, несмотря на запрещение епископа. Нельзя не отметить участия более 300 крестьянских делегатов, в том числе Интернационала сельскохозяйственных рабочих, Христианского интернационала трудящихся деревни и т.д. Широко были представлены парламентарии — 100 человек из 12 стран, молодежные организации — 150 человек и т.д.⁵⁷

По существу Брюссельский конгресс явился первым историческим форумом, где столь плодотворно сотрудничали самые различные силы, которые открыто высказывали свою точку зрения на коренные проблемы антивоенной борьбы. И если в речах пацифистов звучали ненасильственные мотивы, зачастую не указывались конкретные поджигатели войны, то их искренность и решительное желание бороться за предотвращение войны не вызывало сомнений. Так, при открытии конгресса Р.Сесиль заявил: «Производит впечатление, что правительства многих народов хотя и самоубийства вселенной, в то время как народы жаждут мира... Цель этого конгресса — организовать народы за мир!»⁵⁸. Такие мотивы являлись главными в выступлениях и других ораторов.

Брюссельский форум принял весьма важные решения, несмотря на то, что в некоторых из них не указывались кон-

ретные поджигатели войны, еще нечетко была выражена связь между антивоенным движением и антифашистской борьбой. Важнейшим итогом конгресса был выход на авансцену истории нового антивоенного движения — Всемирного Объединения за мир (ВОМ), в рамках которого впервые демократические, пацифистские силы и коммунистические готовы были совместно бороться за предотвращение войны. Брюссельский конгресс мира заложил основу объединения приверженцев мира различной ориентации. Именно тогда проявилась тенденция к интернационализации пацифистских движений по обе стороны океана. К концу 1936 г. сложились объективные условия для формирования широкой антивоенной коалиции.

Однако первые практические шаги ВОМ в защиту жертв агрессии столкнулись с неимоверными трудностями, так как расхождения достигли апогея в отношении гражданской войны в Испании. Борьба в защиту Испанской республики, став средоточием страстей того времени, как в фокусе отразила ситуацию в пацифистском движении. Не менее сложная обстановка наблюдалась и в руководстве движения. С одной стороны, влиятельные пацифистские организации, сотрудничавшие в ВОМ, выступали против политики умиротворения, за создание системы коллективной безопасности. Усилению антифашистских тенденций способствовало и то, что многие пацифисты и сам Р.Сесиль, получивший в 1937 г. Нобелевскую премию мира, стали признавать важность массовых выступлений. 15 марта 1937 г. на Женевском заседании ВОМ под председательством Р.Сесиль, где присутствовали представители 20 национальных комитетов и 22 международных организаций, Генеральный совет ВОМ призвал Лигу наций принять срочные меры по восстановлению мира в Испании, а национальные комитеты ВОМ — к энергичным действиям, чтобы «добиться соблюдения международного права и сохранения всеобщего мира»⁵⁹.

Во многих резолюциях ВОМ начиная с 1937 г. стала просматриваться линия не только опоры на Лигу наций, но и на участие в массовых антифашистских акциях. Так, 30 апреля 1937 г. французский комитет ВОМ призвал французского министра иностранных дел «к соответствующему демаршу» и потребовал от Лиги наций принять все необходимые меры, чтобы положить конец агрессии Италии и Германии против государства — члена Лиги наций. Испанская проблема продолжала оставаться главным направлением деятельности французского комитета ВОМ. «Никогда во Франции, — писал П. Кот, — не было более популярной

политики, чем поддержка республиканской Испании. Большинство, осознавшее фашистскую и франкистскую угрозу, далеко выходило за рамки Народного фронта»⁶⁰.

В мае 1938 г. Исполком ВОМ публично осудил фашизм как поджигателя войны, заявил протест против аншлюса Австрии и подчеркнул, что фашистская Германия использует вопрос о национальных меньшинствах в Чехословакии как повод для оправдания агрессии. В течение 1938 г. в ВОМ были приняты еще более политически зрелые решения, в том числе в защиту Чехословакии⁶¹.

Но, с другой стороны, в руководстве ВОМ не было единства. Наибольший вес имели представители пацифистских организаций, ориентировавшихся на Лигу наций (Р.Сесиль, П.Кот, Ф.Нозль-Бейкер и др.); группа социал-демократических лидеров (Л. де Брукер, Ф.Адлер), как правило, не доверяла и препятствовала инициативам коммунистов (М.Кашен, Г.Поллит, Т.Шверник), обвиняя их в репрессиях⁶², а группа левых социалистов (Ж.Жироский, Р.Брейтшейд, Р.Штамфф), напротив, ориентировались на сотрудничество с ними⁶³. Значительное влияние приобрели представители профсоюзов, сами по себе имевшие множество оттенков. Огромное воздействие на обстановку в ВОМ оказывала группа всемирно известных деятелей культуры и науки (Г.Манн, Т.Манн, Л.Фейхтвангер, Р.Роллан, Э.Синклер).

В ряде национальных комитетов ВОМ произошли расколы. Главной причиной было нежелание консервативных и ряда социал-демократических кругов сотрудничать в одной и той же организации с коммунистами⁶⁴.

Тем не менее во многих странах пацифистское движение стало использовать новые формы антивоенной борьбы — широкие демонстрации против войны и фашизма, бойкоты перевозок оружия и продовольствия для агрессивных государств, направление делегаций в фашистские посольства и консульства, кампании за закрытие Суэцкого канала, в поддержку экономических санкций против Италии и Германии, политики коллективной безопасности, а также плебисциты мира, интернациональные кампании — Международный день мира, Копейка для мира, Павильоны мира.

1935-1937 гг. стали порой наивысшего энтузиазма в пацифистском движении, которое, насыщаясь антифашизмом, питалось новыми силами. Легионы приверженцев мира верили в возможность создания широкого фронта мира. В эти годы вдохновителями движения мира становились видные политические лидеры и известные деятели науки и искусства, авторитеты национального и международного масштаба:

А. Эйнштейн, П.Ланжевен, Р.Роллан и Г.Манн, Р.Сесиль и П.Кот. Был поставлен вопрос о созыве Всемирного Конгресса мира в 1938 г.

И все же объединенного движения мира создать не удалось. Различие мировоззренческих позиций стало непреодолимым препятствием в реализации совместной платформы предотвращения войны. Политика «умиротворения» агрессоров, отстранение Лиги наций от решения ключевых и международных проблем, отказ от санкций и коллективной безопасности разъедали, как ржавчина, антивоенные силы. Распространение в мировой политике идей национализма и шовинизма, своекорыстия и идеологических предубеждений становилось также немаловажным фактором, ослаблявшим пацифистские силы.

Мюнхенское соглашение нанесло серьезный удар по пацифистскому движению. Разрушив политические ориентиры у одних, дезориентировав посчитавших выполненной свою антивоенную миссию других, усилив позиции приверженности к ненасильственной политике «умиротворения» у третьих, мюнхенский сговор стал своего рода эмоциональным кризисом.

Особо пагубной была поставленная правящими кругами Англии и Франции альтернатива: либо соглашение с фашизмом, либо неотвратимость войны. И хотя все приверженцы мира однозначно осуждали фашизм, многие из них не осознавали ложности такого подхода.

В одном из последних документов ВОВ — срочном послании 19-ой Ассамблее Лиги Наций от 31 августа 1938 г. говорилось: «Сегодня Лиги наций более не существует»⁶⁵. С осени 1938 г. антивоенная программа Брюссельского конгресса стала терять своих сторонников.

Мюнхенское соглашение усилило раскол в социалистическом пацифистском движении, который обнаружился на октябрьском заседании исполкома РСИ.

Обеспокоенный растущими разногласиями в социал-пацифистском движении, Генеральный Совет МФП 10 ноября 1938 г. призвал к срочной разработке единой антивоенной платформы и созыву конференции всех без исключения правительств 66. Реализация совместной стратегии мира встретились с препятствиями, вызванными не только крахом политики социалистического пацифизма, недостаточным политическим опытом самих масс, но и падением авторитета Коминтерна, идеалов широкого фронта мира, в связи с репрессиями в Советском Союзе руководства многих компартий, антифашистов, оставшихся в живых членов бывших социа-

листических партий (эсеров, меньшевиков), отошедших от политической деятельности.

Вместе с тем сталинский террор обрушился на российских пацифистов-толстовцев, чьи земледельческие коммуны подверглись массовым репрессиям. Тысячи последователей Толстого, мечтавшие о свободном труде и об осуществлении идеалов великого мыслителя, были уничтожены. Нельзя не вспомнить об обращении Я. Драгуновского к советскому правительству от 25 мая 1936 г. в связи с арестами и судом над толстовцами, в котором он убеждал правительство в неправомерности репрессий, ибо между идеей коммунизма и «разумной религиозностью толстовства» нет враждебности. Различие он видел только «в методе насилия»: «Идея, основанная на разуме, — это мировой интернационализм, метод насилия — это эгоистический, разъединяющий деспотизм». Обращаясь к репрессированным толстовцам, Драгуновский восклицал: «Судят не вас... а судят ту идею, которой вы хотели придерживаться! Судят жизнепонимание, основанное на разуме. Судят сознание. Судят наш разум»⁶⁷.

Антивоенные идеи Коминтерна не только не были реализованы для привлечения пацифистских сил, напротив, трещина между ними значительно возросла. В начале 1938 г. в связи с судебным процессом по делу «правотроцкистского» блока ряд старейших лидеров социал-пацифизма были обвинены в шпионаже в пользу Германии и Японии. Буря протеста захлестнула социалистическую прессу, способствуя отходу пацифистов от политики единого антифашистского фронта⁶⁸.

Волна террора в СССР, которая в канун войны значительно обескровила антивоенный потенциал, внесла замешательство в круги пацифистской общественности. В атмосфере 30-х годов, когда фашизм был главным врагом, а коммунисты являлись борцами против него, массовые репрессии в Москве, казалось, были лишены здравого смысла и воспринимались с недоверием. Более того, антивоенное общественное мнение сформировало стереотип облика коммуниста-антифашиста, который, хотя и ассоциировался с приемлемым для многих революционным насилием, но никогда не связывался с предательством.

Одним из наиболее ярких документов в этой связи является письмо Р.Роллана французскому писателю-коммунисту Ж.Р.Блоку (3 марта 1938 г.) по поводу процесса над Бухариным, Рыковым, Крестинским и др.: «Московский процесс для меня терзание... Не думают ли лучшие друзья СССР, что надо было бы самым быстрым способом отправить со-

ветским властям письмо... заклиняющее их подумать о том, какие плачевные последствия для Народного фронта, для сотрудничества коммунистической и социалистической партий, для совместной защиты Испании будет иметь решение, приговаривающее осужденных к смертной казни?»⁶⁹.

Лидеры антивоенных сил, такие, как А.Барбюс, Р.Роллан, А.Жид, Т.Манн и др., хотя и не могли судить о массовых репрессиях в СССР, однако осуждали, по словам С.Цвейга, «идолопоклонство, которым окружен Сталин». Многие разделяли позицию Р.Роллана: «Я не Сталина защищаю, а СССР — кто бы ни стоял в его главе...»⁷⁰. В Москву хлынули потоки писем в защиту осужденных антифашистов.

Большинству же пацифистов сталинская Россия представлялась, по словам О.Хаксли, «сверхцентрализованной олигархией, ...авторитарно-милитаристского типа, близкой к царской России, муссолиниевской Италии, довоенной и гитлеровской Германии». О.Хаксли, выражая мнение многих пацифистов, выступал против сталинского насилия, судебных процессов, тюрем и репрессий: «Руководители страны настойчиво использовали насильственные методы, оставшиеся от царизма... в целях⁷¹ достижения беспрекословного подавления населения»⁷¹.

Положение осложнялось тем, что во многих решениях Коминтерна к враждебным были отнесены и ряд пацифистских организаций, с которыми коммунисты прежде пытались сотрудничать. Многие социал-демократические и пацифистские лидеры, осуждавшие репрессии в СССР, представлялись «поджигателями войны». Все это смещало акценты, затемняло антифашистскую борьбу, поощряло сектантские тенденции и побуждало коммунистов свертывать политику широких антифашистских союзов.

Мюнхенское соглашение придало мощный импульс усилению пацифистского течения, выступавшего под лозунгом «мир любой ценой». Эти пацифисты, недооценивая агрессивность фашизма, выдвигали тезис о равной ответственности всех правительств в подготовке войны. В качестве средств достижения «мира любой ценой» выдвигались соглашение с агрессорами, отказ от коллективной безопасности и санкций, «перераспределение» источников сырья, колоний, подмандатных территорий в пользу Германии, Италии, Японии⁷².

Все это легло в основу доктрины «христианского умиротворения», при помощи которой, по мысли Дж.Ландсбери, главного идеолога этого течения, можно было бы остано-

вить фашизм. «Дружелюбное отношение к агрессору, — писал он 27 сентября 1938 г. Э.Бенешу, — вот путь Христа». Эта смесь «христианского непротivления» и наивных политических представлений в условиях военной угрозы была крайне опасной⁷³.

Лозунг «Мир любой ценой», хотя и получил значительное распространение, но не отражал позицию пацифистского движения в целом и тем более не был главной причиной мюнхенской политики. Но подобные настроения в определенной степени воздействовали на морально-психологические установки, приобретая в каждой стране свою окраску. Огульное обвинение всего пацифистского движения в капитулянстве, как считают некоторые историки, не соответствуют историческим фактам⁷⁴.

1939 год принес новые удары: предвоенный политический кризис, утрата надежд на коллективную безопасность, переход большинства стран на путь пактомании и тайных переговоров лишали антивоенные силы политической основы. Распад Народного фронта во Франции, гибель республиканской Испании не только посеяли страх перед войной, но и вырвали из рядов многих приверженцев мира. Сократилось число пацифистских организаций и значительно ослабло влияние оставшихся.

Весной 1939 г. была практически парализована деятельность РСИ. Некоторые социал-демократические партии не опубликовали первомайского воззвания РСИ, считая его «непомерным бременем солидарности». В мае-июне 1939 г. руководство РСИ (Л.де Брукер и Ф.Адлер) из-за отхода партий от провозглашенных принципов подало в отставку⁷⁵.

Многие социал-пацифисты в эти трудные дни атаковали политику народного и национального фронта, разрушая достигнутое в ряде случаев единство. В свою очередь на XVIII съезде ВКП(б) была провозглашена «решительная борьба против капитулянтов, как фашистской агентуры в рабочем движении, выступающей в целях обмана масс под маской пацифизма»⁷⁶.

Пагубную роль играли призывы к отказу от воинской обязанности и к всеобщей превентивной стачке, которые в канун войны открывали дорогу фашистскому вермахту, парализуя сопротивление агрессии в некоторых пацифистских кругах⁷⁷.

Вместе с тем весной и летом 1939 г. пацифистские организации, ориентировавшиеся на ВОМ, еще продолжали кампании протеста и прежде всего против захвата гитлеровскими войсками Чехословакии. Информационная конференция

Международного Комитета борьбы против войны и фашизма во главе с П.Ланжевром призвала все «демократические народы вынудить свои правительства проводить совместные действия за мир и свободу». На передней линии огня оставалось движение «Мир и свобода», наиболее мужественная организация французского антивоенного движения. «Мы не являемся придатком никакой партии, а связаны силами демократии, — говорилось в последнем ее документе — письме к социалистической партии 8 июня 1939 г. — "Мир и свобода" является движением единства, в котором социалисты и коммунисты, радикалы и беспартийные могут братски сотрудничать во имя Мира и Свободы»⁷⁸.

Наиболее ощутимым в первой половине 1939 г. было движение мира в США. Конгресс американской Лиги за мир и демократию, проходивший в январе 1939 г. в Нью-Йорке, потребовал от правительства усиления борьбы против Японии, Германии и Италии⁷⁹.

Однако антифашистские выступления становились все более sporadическими и малочисленными. В мае 1939 г. была предпринята еще одна попытка призвать левые антивоенные силы, в том числе и пацифистов, к «созданию организованного единства для борьбы за предотвращение грозящей катастрофы». Инициатива созыва конференции, состоявшейся в Париже 13-14 мая, принадлежала П.Ланжевену и Н.Энджелу. На форуме, где собралось около 600 человек, включавших всемирно известных политиков, деятелей искусства и науки (Г.Манн, Л.Арагон, З.Филрингер, М.Кашен, П.Ненни и др.), выступавшие требовали от правительств Англии, Франции, Польши и СССР решительной защиты мира⁸⁰. Однако все призывы оказались тщетными.

С лета 1939 г. большинство пацифистских организаций ВОМ уже обсуждало свою судьбу во время будущей войны, размышляя по поводу краха Лиги наций. То, что международная организация должна была разделить ответственность за войну, казалось жестокой иронией. Поэтому многие национальные секции ВОМ ставили вопросы мирного урегулирования и формирования федерализма уже после войны. Эта проблема была ведущей в английском Союзе Лиги наций. В США Комиссия по исследованию Организации мира проводила дискуссии по вопросам борьбы с фашизмом и создания в будущем системы безопасности⁸².

Тяжело отразился на движениях мира крах московских переговоров и советско-германский договор о ненападении 23 августа 1939 г., который вступал в противоречие с антифашистскими целями не только Брюссельского конгресса

мира, но и антинацистскими настроениями и тысяч пацифистов. Многие антифашисты, для которых заключение договора стало неожиданностью, сразу не могли осознать трагизма этого шага и его непредвиденных последствий. Уже 7 сентября 1939 г. Сталин потребовал от Коминтерна отказа от антифашистского курса, по существу запретив разоблачать гитлеровский фашизм как главного виновника войны. Поэтому многие антифашисты были дезориентированы в отношении особой опасности фашистского блока и вопроса о набиравших силу национально-освободительных тенденциях. Все это значительно затруднило борьбу антифашистов и развертывание общенародного движения Сопротивления на первом этапе Второй мировой войны⁸³.

С началом Второй мировой войны закончился последний этап в истории доядерного пацифизма. На основе горького исторического опыта предвоенных лет и трагических событий Второй мировой войны уже в другую, ядерную, эпоху появился манифест двух крупнейших пацифистов 30-х годов, Рассела — Эйнштейна с его главной мыслью о том, что в ядерный век мы прежде всего люди, призванные ради спасения человечества забыть о своих разногласиях. В этом был главный исторический урок мира 30-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Роллан Р. Собр. соч. М., 1958. Т. 13. С. 70-71.

² Цит по: Коммунист, 1988, № 16. С. 86-87.

³ Известия ЦК КПСС. 1989.

⁴ Известия. 1988. 10 июня.

⁵ Cecil E.A.R.C. The Way of Peace. L., 1938, P. 145.

⁶ См.: Илюхина Р.М. Лига наций. 1919-1934. М., 1982; Тимошина Т.Н. Пакт Бриана-Келлога, как проявление буржуазного пацифизма. Автореф. дисс..., канд.дисс.ист.наук. М., 1981.

⁷ Resolutions adapted by Interparliamentary Conferences and Principal Decisions of the Council 1911-1936. Geneva, 1937; Brin D. The League of Nations Union. Oxford, 1981; Шевцов В.Л. Межпарламентский союз. М., 1969.

⁸ См.: Dim D. Op. cit. P. 80.

⁹ Universal Peace Congresses 1843-1931. Resolutions adeptes de 1843-a 1931 par les Congres Universelles de la paix. Geneve, 1931; Universal Peace Congresses. Vienna, 1932. Locarno 1934, Cardiff 1936, Paris 1937, Zurich 1939 — Documents Officiels. Geneve 1932, 1934, 1937, 1936, 1939.

¹⁰ Небезынтересно отметить, что М.Сиделл рассматривает пацифизм как моральную концепцию социализма, в противоположность политическим взглядам.

- ¹¹ Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М., 1981. Т. 5. С. 452-453.
- ¹² Zweiter Kongress, S.363: Dritter Kongress der Sozialistischen Arbeiter-Internationale. Brussel. 5 bis in August 1928. Bd.II. Abt. VI. S.147-157.
- ¹³ «Левые» социал-демократы в Германии, Социалистическая партия США, Независимая рабочая партия Англии, Синдикалистский центр действия против войны во Франции, социал-демократы Голландии, Норвегии, Амстердамский Интернационал профсоюзов и др.
- ¹⁴ См.: Илюхина Р.М., Нефедова Т.К. К истории антивоенного движения в Веймарской республике // Ежегодник германской истории. 1987. М., 1988.
- ¹⁵ Huxley A. An Encyclopedia of Pacifism.L., 1937. P. 119; Lansbury G. My Quest for Peace. L., 1938. P. 250, 70.
- ¹⁶ Peace Year Book. L., 1934, P. 135.
- ¹⁷ См.: The Times, 1927. Dec. 9; Ceadel M. Peace Movement between wars; problems of definition// Campaigns for peace. Manchester, 1987.P.78; Pazifismus in der Weimar Republik. Paderborn. 1981. P.35; Wittner L.S. Rebels Against War. The American Peace Movement. 1941-1960. N.Y., 1969. P.5.
- ¹⁸ См.; Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910-1939 годы. М., 1989.
- ¹⁹ Peace Year Book. P. 112-113.
- ²⁰ Р.Поллан. Указ.соч., С. 283 [?]
- ²¹ См.; Gregg. The Power of Non Violence. Philadelphia, 1934; Training for Peace. Philadelphia, 1937; Huxley A. Op. cit., P. 109-111; Hyghen J.W. If we should be invaded. N.Y., 1939.
- ²² Report. The World's Religions against war. Geneva, 1929. P. 2-5.
- ²³ Beals A.C.F. The History of Peace. A short Account of the Organised Movement for International Peace. L., 1931. P. 325, 326; Peace Year Book. L., 1934. P. 120-121.
- ²⁴ Ibid., P.I 1; Hirst M.K. The Quakers in Peace and War. L., 1923. P. 521-523.
- ²⁵ Peace Year Book. L., 1939. P. 283.
- ²⁶ Parrel F.C. Beloved Lady: A History of Janes Addams. Ideals on Reforms and Peace. Baltimore, 1967. P. 200, 206.
- ²⁷ См.; Wittner L. Op.cit., P. 5,11; Наджафов Д.Г. Народ США против войны и фашизма 1933- 1939. М., 1974. С. 183.
- ²⁹ См.; Хайцман В.М. СССР и проблема разоружения (между двумя мировыми войнами). М., 1959: Deily Herald. 1927. 2. Dec. Наджафов Д.Г. Указ. соч., С. 37-38.
- ³⁰ См.; Internationale Information 1930.7.1. Berichte Vorgelegt dem Vierten Kongress der Sozialistischen Arbeiter-Internationale. Zurich, 1931. Abt. I, S. 88-89.
- ³¹ Peace Year Book. L., 1933. P. 188, 195; L., 1934. P. 113, 173.
- ³² Peace Year Book. 1934. P. 129. 170-171.
- ³³ Ibid. P. 113.
- ³⁴ Ibid. P. 106-107.

- ³⁵ Наджафов Д.Г. Указ, соч., С. 54-59.
- ³⁶ Peace Year Book., L., 1933.
- ³⁷ Подробнее см.: Илюхина Р.М. Лига наций. 1919-1934. М., 1982. С. 273-287.
- ³⁸ Ceadel M. Op. cit., P. 84.
- ³⁹ Роллан Р. Указ, соч., С. 326-328.
- ⁴⁰ В 30-е годы в русском переводе — Клятва во имя мира. Ibid., P. 200.
- ⁴¹ Morgan S. The Story of Beace Pleage Union. L., 1962.
- ⁴² Wittner L., Op.cit., P.22; Methodist Receder. 1933. Mari 23.
- ⁴³ Peace Year Book. L., 1934. P. 173-174. L., 1937, P. 176.
- ⁴⁴ Подробнее см.: Birn D. Op.cit., P. 117-119; Peace Yare Book. 1937. P. 1979.
- ⁴⁵ Bussey G., Time M. Women's International League for Peace and Frieden. L., 1963. P. 97.
- ⁴⁶ Покровская С.А. Движение против войны и фашизма во Франции. 1932-1939 гг. М., 1980. С. П.
- ⁴⁷ Peace Year Book. L., 1934. P. 185-187; Fieder K. Militaryzmovi i faszyzmovie — nie. Carl von Ossietzky. Wroclaw. 1986.
- ⁴⁸ См.; Shuman R. Amsterdam. Der Weltkongress gegen den imperialistischen Krieg. Berlin, 1985; Роллан Р. Указ, соч., С. 309-316.
- ⁴⁹ Информационный доклад А.Барбюса VII Конгрессу Коминтерна-Центр хранения и изучения документов новейшей истории ф. 495, оп. 30, д. 1055, л. 203-247.
- ⁵⁰ Bradische Rundschau, 1930. 4 Jan.; Vorwärts. 1930. Mai 14. ³¹ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против войны. Сб. док. М., 1976. С. 276, 359, 381, 223 и др.
- ⁵² Социалистический вестник. 1935. 15 авг. № 14, 15.
- ⁵³ См.; Wittner L., Op. cit., P. 19; A Great Experiment: An Autobiography by viscount Cecil L., 1941. P. 284.
- ⁵⁴ Birn D. Op. cit., P. 173.
- ⁵⁵ См.: Илюхина Р.М. Лига наций // Европа в международных отношениях 1917-1939 гг. М., 1979; Edition-Speciale de l'Agence 1936; Telegraphique RUP 2 erne serie Doc. 3. Comite Frangais du RUP
- ⁵⁶ См.: информация Б.Шмереля в ИККИ // ф. 543, оп. 99, д. 26, лл. 1-24. Центр хранения и изучения документов новейшей истории
- ⁵⁷ Le Livre du Congress Universel pour la paix, Bruxelles, 3-6 septembre 1936. P. 215; Большевик 1936. № 19. С. 75,76.
- ⁵⁸ Большевик. 1936. № 19, С.77. " L'Humanite 1937. 16 mars.
- ⁶⁰ См.: Покровская С.А. УКЗЗ.соч., С. 163, 179-182, 203-204; Cott P. Le Proces de la Republique. II, N.Y., 1944. P. 323-324.
- ⁶¹ См.; Rassamblément Universel pour la Paix. Comite executif. Reunion 10. Geneve 10. Genede, 1938. P. 59; Известия 1938, 26 июля.

- ⁶² Mitteilungen über die Lage der Politischen Gefangenen. Herausgegeben von der Sozialistischen Arbeiter-Internationale eingesetzten Untersuchungs-Kommission, Januar 1937. Beilage der «Internationalen Information». XIV. № 1, 22.
- ⁶³ Хранение и изучение документов новейшей истории. Ф. 495, Оп. 30, Д. 1129, Л. 19-20; Оп. 12, Д. 125, Л. 145.
- ⁶⁴ International Information, vol. 1938, № 37. 30 Okt. S. 392-393.
- ⁶⁵ League of Nations archive. International Peace Campaigne, Dossier № 1, 1937-1938.
- ⁶⁶ Documents and Discussions. Supplement for Record purposes to International Information, vol. 15. 1938. № 16.
- ⁶⁷ Воспоминания крестьян-толстовцев. С. 420-421.
- ⁶⁸ См.: Коммунистический интернационал. 1938. № 3, С. 3. Voix du Peuple. 1938, mars; International Information, vol. 15. 1938 № 10. Peuple. 1938. Mar. 9-11.
- ⁶⁹ Подробнее см. там же. С. 162-167. Цит. по: Мотылев А. Т. Друзья Октября и наши проблемы // Иностран. лит. 1988. № 4. С. 166.
- ⁷⁰ Подробнее см. Там же. С. 162-167.
- ⁷¹ Huxley A. Ends and means. L., 1937. P. 61, 63, 146
- ⁷² Ibid. P. 32-35, 117-127; Ceadel M. Pacifism in Britain 1914-1945. Oxford, 1980. P. 274.
- ⁷³ Цит. по: Ceadel M. Op. cit, P. 278. Cm. Peace News 1938, Mar 5; Christian Pacifist. 1939. May. P. 115.
- ⁷⁴ Kennedy P. Appeasement // History Today. 1982. Okt. P. 52; Hayes P. The Twentieth Century. 1880-1939: Modern British Policy. L., 1978. P. 326; Duruselle J.B. Les precedents historiques: pacifisme des années 30 et neutralisme des années 50 // Pacifisme et Dissuasion: La contestation pacifiste et l'avenir de la securite de l'Europe. P., 1983. P. 243.
- ⁷⁵ International Information Vol. 16. 1939. № 12. May 19-th; № 14 June 20.
- ⁷⁶ См.: Коммунистический Интернационал. 1939. № 3. С. 130.
- ⁷⁷ Faucier N. Pasifisme et antimilitarisme dans l'entre-deux-guerre 1919-1939. P., 1983. P. 151, 189, 192.
- ⁷⁸ Rundschau, 1939, Mar. 23. Покровская С.А. Указ. соч., С. 216.
- ⁷⁹ Million speak for Peace Wash., 1939, P. 21, 249.
- ⁸⁰ Paix et Liberte. 1939. № 95, mai; Из истории международной пролетарской солидарности. Сб. IV, С. 177-179.
- ⁸¹ League of Nations Archive Geneve Buro Internationale de la Paix Registry № 5A /38420/ 3635.
- ⁸² Angell N. For what do we fight. L., 1939; Ceadel M. The Peace Movement between wars; probleme of defenition // Campaignes of Peace. Manchester, 1987. P. 95-97; Debenedetty Ch. Op. cit. P. 135.
- ⁸³ См.: Коминтерн и советско-германский договор о ненападении // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СКАНДИНАВСКОГО ПАЦИФИЗМА ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ [ДАТСКАЯ МОДЕЛЬ]

Ю.В. Кудрина

Вступление европейских стран в полосу бурного экономического развития в конце XIX в., привело к росту численности армий и милитаризации экономики.

Рост милитаризма при одновременном росте парламентаризма, при интенсивном складывании буржуазно-консервативных, буржуазно-либеральных и социал-демократических партий дал мощный импульс широкому распространению в Европе пацифистских идей и международно-правовых концепций разоружения и предотвращения войны, социально-этического неприятия военного и политического насилия и христианско-этических принципов отказа от участия в войнах. Образование в Центре Европы сильного германского государства, все увеличивающийся в начале XX в. разрыв между потенциалом великих и малых держав заставили датскую общественность по новому взглянуть на положение малых европейских государств в системе международных отношений. Становилась все более очевидной невозможность прямого военного конфликта с крупными европейскими державами. Экономические причины наряду с геополитическими соображениями также в значительной степени влияли и на формирование внешнеполитического курса и общественных настроений. Более того, буржуазия Скандинавии была жизненно заинтересована в рынках Германии и Англии, Франции и России в силу высокой конкурентоспособности экспорта, что было результатом промышленного и аграрного переворота конца XIX — начала XX в. Миротворческие концепции движений мира в Скандинавских странах к началу первой мировой войны приняли форму специфической доктрины, тесно связанной с идеей нейтралитета малых стран.

Идеи нейтралитета были общими для всех Скандинавских стран, однако национальные движения мира и тем бо-

лее отдельные пацифистские организации и группы, формируемые в разных социальных слоях общества, выдвинули различные методы ненасильственной борьбы против вооруженных и политических конфликтов. Идеи пацифизма стали популярными в Скандинавских странах доминирующими.

Идеи нейтралитета и антимилитаризма имели широкое хождение в Скандинавских странах еще в 70-80-е годы XIX в., причем в основном среди либерально-демократической общественности. Одним из видных поборников нейтралитета стал датский либерал публицист Ларе Бьёрнбак (1824-1878). Антимилитаристски настроенные члены его группы, входившие в одну из крупнейших партий страны — либеральную партию Венстре, отвергали всякую мысль о реванше Дании после поражения в Шлезвиг-Гольштинской войне 1864 г. как глубоко ошибочную. Антимилитаристские круги пацифистски настроенной интеллигенции считали несовместимыми идеи демократизма и милитаризма. Наиболее видным их представителем был член фолькетинга либерал Вигго Хёруп (1841-1907). В. Хёруп и его сторонники подчеркивали ограниченные возможности военного сопротивления такой малой страны, как Дания, агрессии извне и выступали против бессмысленных ассигнований на оборону. Они явились также первыми энергичными противниками всеобщей воинской повинности. 1883 год стал годом наиболее активных антимилитаристских выступлений против политики милитаризации страны, проводимой правительством консерватора Эструпа¹.

В 1882 г. в Дании была создана пацифистская организация Союз за нейтрализацию Дании, который в 1885 г. был преобразован в Датское общество мира, печатным органом которого с 1894 г. стала газета «За мир»².

Одним из учредителей Датского общества мира, как и других созданных в этот период общественных организаций пацифистского толка (таких, как Общество вольных городов Севера (1870), Датское женское общество (1871), в задачу которых тоже входила борьба против милитаризации страны, стал либеральный историк и пацифист Фридрих Байер (1837-1922)³.

Консенсус правительственных и общественных кругов в отношении проблемы нейтралитета привел в 1894 г. к постановлению датского ригсдага о нейтралитете, провозглашенном постоянным принципом датской политики. В соответствии с этим актом военные ассигнования ограничивались только защитой нейтралитета страны. Как видим, датские правящие кругом пытались гарантировать нейтралитет

Дании не только договорами с европейскими державами, но и вполне самостоятельным политическим курсом. Внешняя политика, основанная на нейтралитете, поддерживалась почти всеми партиями и миротворческой общественностью страны.

Обеспечение нейтралитета было тесно связано с вопросом обороны. С конца XIX в., а особенно накануне первой мировой войны, проблема обеспечения обороны с моря и с суши, т. е. северного побережья страны — от Англии, а южных границ — от Германии, была предметом постоянной политической дискуссии.

Вопрос обороны вызвал резкую дифференциацию взглядов в партии Венстре. В 1902 г., когда к власти пришло правительство партии Венстре, традиционный пункт программ которой сводился к сокращению военных расходов, ее лидер Е. Кристенсен выступил за увеличение военных расходов. Наряду с внешнеполитическими соображениями — ростом военной опасности — это изменение ориентации объяснялось поправлением разбогатевшей сельской буржуазии, обретшей политический вес.

В 1905 г. отделившееся от партии Венстре ее антимилитаристское крыло создало партию «Радикальных Венстре»⁴. Во внешнеполитической части ее программы подчеркивалось, что Дания должна объявить себя нейтральным государством, а армия и флот — ограничить свою деятельность функциями пограничной и морской полиции. Одним из главных тезисов программы (наряду с вопросами социального законодательства) стало разоружение.

Несмотря на определенный консенсус в отношении политики нейтралитета, ни один из пяти правительственных кабинетов за период с 1905 по 1913 г. не мог прийти к единству по вопросу обороны. Различия во взглядах по вопросам оборонной политики и внешнеполитической ориентации наблюдались и в других политических партиях. Радикальная и социал-демократическая партии придерживались пацифистской позиции, выступая практически за полное разоружение. В их программах присутствовали и другие антимилитаристские установки, в частности применение всеобщей стачки как возможного метода предотвращения войны⁵.

Накануне войны в миротворческом движении значительно возросла роль религиозно-пацифистских организаций, например, созданного в 1912 г. Христианского Совета мира. Широкое распространение во всех Скандинавских странах

получило философское учение датского священника — просветителя Н. Грундинга (1783-1872).

Влиятельной силой в антивоенном движении становилась и социал-демократическая партия Дании (СДПД). После прихода к власти партии Венстре антивоенная политика (СДПД) приняла ярко выраженную антимилитаристскую направленность. «В этом, справедливо заметил датский историк Л.Тогебю, сказалось влияние политики всей европейской социал-демократии по вопросам войны и мира»⁷. В годы, предшествовавшие первой мировой войне, на конгрессах II Интернационала были разработаны основы революционной пролетарской тактики на случай войны⁸. Штутгартский (1907) и Базельский (1912) конгрессы призвали рабочий класс и социал-демократические и социалистические партии, как авангард рабочего класса, бороться против возникновения войны.

Датская, как и вся скандинавская, социал-демократия выдвинула идеи нейтралитета и разоружения, как главные для поддержания мира. Выступая в 1908 г. по вопросу разоружения датские социал-демократы заявили, что «интернациональный характер социал-демократии во всех цивилизованных странах, особенно в Германии, является залогом сохранения мира. В тот день, когда Дания разоружится и заявит о своем принципиальном и постоянном нейтралитете, социал-демократические партии Норвегии, Швеции, Германии, Франции и Англии, как и других стран, воспримут этот шаг с радостью и единодушным одобрением. Военное нападение на нейтральную и разоруженную Данию встретит во всех этих странах решительный протест и обеспечит агрессору серьезные внутренние трудности». С требованием решительной борьбы против милитаризма выступил и созданный в 1904 г. Союз социал-демократической молодежи во главе с Э.Кристенсеном. Одну из главных задач Союз видел в организации пропаганды среди солдат.

В начале войны Дания, как и другие Скандинавские страны, заявила о полном нейтралитете. При общей генеральной линии позиции каждой из этих стран не были одинаковыми. Дания уже в первые дни войны заминировала свои проливы. Шведский нейтралитет был более благожелательным к Германии, чем датский. Норвегия ориентировалась на Великобританию. Все три страны провели частичную мобилизацию.

Интернациональная солидарность и связи были глубоко нарушены. Перестали функционировать международные органы социалистического движения. Вместе с тем антивоен-

ные резолюции конгрессов II Интернационала более не отражали политической практики большинства лидеров европейской, в частности скандинавской, социал-демократии. Неэффективность II Интернационала в условиях войны стала реальным фактом.

Антивоенное рабочее движение в Дании с началом войны оказалось расколотым. Значительная часть социал-демократов, представители которых вошли в правительство, осудив войну, встали на пацифистские позиции, другая, революционная часть, примкнула к интернациональному революционному движению.

Лидеры СДПД, как и большинство руководителей рабочих партий западно-европейских стран — приверженцев доктрины «оборонительной» и «наступательной» войны, провозгласили политику «гражданского», или «классового» мира. «С началом первой мировой войны, — замечал датский историк С.Ларсен, — «международная антиимпериалистическая солидарность подверглась суровому испытанию. Немецкие социал-демократы голосовали за военные кредиты и пренебрежительно отнеслись ко всем резолюциям международного рабочего движения. Для датских социал-демократов эта позиция означала отступление от прежнего антимилитаристского курса»¹⁰.

Переход руководства СДПД на шовинистические позиции в первые дни войны выдавался за политический реализм, наилучшим образом отвечающий интересам трудящихся, а именно — необходимости сохранения нейтралитета страны. На третий день войны председатель СДПД Т.Стаунинг заявил: «Мысль о том, что путем организации всеобщей стачки удастся остановить начавшуюся войну, утопична. Если правящие круги, опираясь на силу власти, начали войну, то они с помощью власти не смогут воспрепятствовать всем мероприятиям, направленным против войны. Главная задача нынешнего момента состоит в том, чтобы сохранить наши организации». Лидеры социал-демократии высказались за создание сил безопасности и увеличение военных расходов. «Воля к миру, — по словам Т.Стаунинга, — ограничивалась тем моментом, который определялся понятием так называемой "критической ситуации"»¹¹.

Уже в первые месяцы войны среди широких слоев населения усилились пацифистские настроения. С антивоенными лозунгами выступили Датское общество мира, Христианский союз мира и другие организации. Датские религиозные деятели и норвежские служители церкви во главе с видным деятелем шведского церковного движения Н.Седерблумом

обратились к правительствам Англии и Германии с призывом остановить войну. Аналогичные цели преследовало и совместное обращение руководителей скандинавских церквей «За мир и христианское единство», направленное в ноябре 1914 г. правительствам воюющих стран¹².

Пацифистские настроения были сильны в молодежном антивоенном движении — среди членов Союза социал-демократической молодежи, входившего в Социалистический Интернационал молодежи, а также среди членов Синдикалистского союза. Обе организации имели глубокие корни в рабочем движении; в котором укрепилось мнение, что война является системой обмана масс. Молодые социал-демократы, как и синдикалисты, считали, что вооруженная оборона для такой маленькой страны, как Дания, не является реальной. Представители обеих молодежных организаций выступали за отмену воинской повинности, однако считали, что борьба против принудительной воинской повинности должна вестись не через парламент, а вне его. По сравнению со шведскими и норвежскими левыми, которые в 1915 г. высказались против дальнейшего голосования за военные кредиты, датские левые социалисты менее решительно выступали против милитаризма и «гражданского мира», считая отказ от воинской службы наиболее эффективным средством борьбы против милитаризации и войн и широко пропагандировали эти идеи¹³. К оценке причин войны лидеры пацифистского движения подходили с этических позиций.

Лидеры СДПД игнорировали те идеологические течения в международном рабочем движении, которые были представлены русскими марксистами-большевиками. Внутри Интернационала они организационно стояли рядом с немецкими социал-демократами.

В 1915 г. на базе пацифистской организации, учрежденной в 1912 г. молодыми синдикалистами, была создана Федерация последовательных антимилитаристов, в которой активное участие приняли молодые социал-демократические рабочие¹⁴. В августе 1916 г. Федерация начала издавать газету «Милитернэгтерен», главным редактором которой стал Альфред Могенсен. В программном заявлении, опубликованном в первом номере газеты, говорилось, что Федерация создана с целью «сплочения классовосознательной рабочей молодежи для борьбы с милитаризмом». Всеобщая стачка рассматривалась как наиболее действенное оружие борьбы рабочих против милитаризма и воинской повинности.

В 12 номерах «Милитернэгтерен», вплоть до ноября 1917 г., широко пропагандировались идеи отказа от воин-

ской службы. Пацифистскими организациями публиковались также в «Беретнинген», 12 номеров которой было отпечатано тиражом около 600 тыс. экз. Из них 35-40 тыс. экземпляров было распространено бесплатно. «Через отрицание воинской службы, — писал в газете один из активистов Федерации, — молодые социалисты пытались внедрить антимилитаристские настроения и воздействовать на рабочих, особенно на призывников, чтобы те высказали свое негативное отношение к любому милитаризму и военщине»¹⁵.

В 1915-1916 гг., в результате подъема революционного и демократического движения в Европе, стала ощутимой несостоятельность шовинизма. Лидеры рабочего движения Скандинавских стран, пережившего переворот от безусловной поддержки империалистической войны к мирному урегулированию, перешли на позиции пацифизма. Попытки объединений усилий социал-демократов различных европейских стран в целях прекращения войны и недопущения революционных выступлений предпринимались социалистами различных стран мира, в том числе Дании¹⁶. В 1914 г. с заявлением о необходимости созыва всеобщей социалистической конференции в защиту мира выступил датский социал-демократ П.Трульстра, предложивший восстановить деятельность Международного социалистического бюро (МСБ) и перенести его штаб-квартиру из Брюсселя в Амстердам. Вместе с голландским социалистом Ван Кодем он посетил воюющие и нейтральные страны Европы, где вел переговоры о созыве конференции. Летом 1914 г. на социал-демократической ко-нференции Скандинавских стран было принято решение о созыве конференции представителей социалистических партий всех стран. В октябре 1914 г. на заседании исполкома МСБ из-за отказа лидеров французской и бельгийской социалистических партий от участия в социалистической конференции было решено созвать конференцию только нейтральных стран. Социалистическим партиям воюющих стран было предложено прислать на конференцию своих наблюдателей¹⁷.

В циркуляре о созыве конференции отмечалось, что конференция будет стремиться «побудить правительства нейтральных стран к совместному обращению к правительствам воюющих стран с призывом к прекращению войны». Конференция социалистов нейтральных стран состоялась в Копенгагене 17-18 января 1915 г. В ней приняли участие представители Дании, Норвегии, Швеции, Голландии. В резолюции, принятой конференцией правительствам нейтральных стран предлагалось обратиться к правительствам воюющих стран

с предложением посредничества в деле заключения скорейшего мира¹⁸.

Как известно, в этот период РСДРП (б) во главе с В.И. Лениным выступала с идеей революционного пораженчества, превращения «империалистической войны в войну гражданскую». Лозунг «защиты отечества» в условиях империалистической войны большевики считали столь же ошибочным, как и вредным применительно и к нейтральной стране, и к воюющей. Эта оценка вытекала прежде всего из убеждения в невозможности преодоления империалистической войны и установлении прочного справедливого демократичного мира в рамках капитализма без социалистической революции.

Однако, несмотря на обострение классовых отношений и рост левых сил в период войны, в Дании, как и других Скандинавских странах, революционная ситуация не сложилась. Социально-политическое и общественное развитие страны в большей степени определялось теми изменениями, которые произошли во всей системе социальных отношений, во внутриполитическом развитии. В годы войны выросла промышленная и финансовая буржуазия, усилившая к тому же влияние в средних слоях, среди мелких и средних крестьян, рыбаков, торговцев и служащих. В то же время правящие круги успешно сотрудничали с получившей массовую базу социал-демократией. Результатом стало принятие в годы войны прогрессивной июньской конституции 1915 г., в которой нашли отражение изменения в политическом и общественном развитии страны. Если до войны не только левые социалисты, но и центристы выступали против «парламентского пути» к социализму, то первая мировая война, эволюция рабочего движения, усиление центристского и революционного направлений свидетельствовали, что «парламентский путь» к социализму приняли не только правые, но и центристы в рабочем движении.

Политическая ситуация в Дании, как и в других Скандинавских странах, еще в одном существенном пункте в значительной степени отличалась от политической ситуации в воюющих западно-европейских странах. Если, например, в соседней Германии правительство, выражая волю господствующих классов, при поддержке социал-демократов осуществляло на войну рабочие, крестьянские и солдатские массы, то в Дании, где уже в первые дни войны стало ясно, что стране удастся сохранить нейтралитет, правительство в 1914 г. приняло закон об увольнении из армии семейных. Закон был направлен на возвращение семьям кормильцев. В феврале

1917 г. под давлением широких антимилитаристских выступлений правительство приняло закон о сокращении сил безопасности, об освобождении от воинской повинности по мотивам совести и замене воинской службы гражданскими работами. Закон от 13 февраля 1917 г. был первым подобным законом, принятым в странах Северной Европы¹⁹. Таким образом, в годы войны в Дании не было объективной основы для общенационального кризиса и условий для революционной ситуации. В свете этого лозунг, выдвинутый большевиками — «превращение империалистической войны в войну гражданскую» — в датских условиях не имел реальной перспективы.

Хотя Копенгагенская конференция социалистов нейтральных стран (17-18 января 1915 г.), как и другие аналогичные конференции социалистических партий — социалистическая конференция молодежи (март 1914 г.), конференция Социалистической молодежи (апрель 1915 г.), — в работе которых приняли участие датские социалисты, не оказали серьезного влияния на военно-политическую ситуацию в Европе, однако они свидетельствовали, что социалистические антивоенные силы пытались объединить усилия в борьбе за мир, за окончание мировой войны.

Так, значительно усилил антивоенную агитацию Союз социал-демократической молодежи. Датская молодежь активизировала агитацию против военных мероприятий в Дании и с пацифистских позиций выступала за мир, против «министерского социализма» лидеров СДПД. Союз социал-демократической молодежи Дании, организационно отклонившийся от СДПД, примкнул к Циммервальдскому движению²⁰.

Социалисты, присоединившиеся к Циммервальдскому движению, придерживались линии «решительного отказа от поддержки империалистов собственной страны, развертывания против них классовой борьбы, содействия их поражению, срыву захватнических планов. Датские левые (Э.Кристенсен), как и шведские и норвежские, вошедшие в восьмерку Циммервальдской левой (Ц.Хеглунд, Т.Нерман) активно пропагандировали решения Циммервальда, в частности его социал-пацифистский манифест»²¹.

Поворот от империалистической войны к империалистическому миру, наметившийся в конце 1916 — начале 1917 г., когда в экономическом и финансовом отношении обе воюющие стороны стали испытывать трудности, способствовал росту в воюющих и нейтральных странах антивоенных и революционных настроений широких слоев общества,

в том числе и широкому распространению во всем мире идей пацифизма. 1916-1917 гг. стали наиболее активными в оазиситии пацифистского движения в Дании. Пацифистскими организациями, в первую очередь Федерацией последовательных антимилитаристов, регулярно проводились различного рода собрания и встречи, имевшие широкий общественный резонанс. За два года было проведено 60 таких встреч. На них обсуждались вопросы организации и проведения антивоенных мероприятий, в частности, направленных против воинской обязанности.

Одним из главных средств борьбы стали голодовки. В течение 1915-1916 гг. в голодовках, длившихся в общем более 427 дней, участвовало 18 человек. За отказ от воинской службы в этот период были подвергнуты суду 36 человек: 28 человек было приговорено к тюремному заключению сроком на 4 года. Однако эти меры не давали должного эффекта. Скорее, наоборот, они способствовали росту антивоенных выступлений. Пацифистские настроения были широко распространены и среди полупролетарских масс, среди крестьян, части рабочих²².

Значительно усилились выступления сторонников либерального пацифизма в среде скандинавского истеблишмента. С идеями нейтрального пацифизма начиная с 1915 г. в Дании, как и в Швеции, стали выступать те финансовые и промышленные круги, которые находились в тесных экономических связях с воюющими державами, в первую очередь с Германией. Это нашло выражение в их попытках выступить с посредническими предложениями о заключении мира между Германией и Россией²³.

Важной особенностью этого нейтрального пацифизма было совпадение позиций движений мира с официальной политикой нейтралитета, проводимой правительством Дании, которая находила выражение в совместных действиях правительств всех Скандинавских стран. Об этом свидетельствовали документы встреч премьер-министров и министров иностранных дел этих стран, совещаний руководителей отделов финансовых, военных и морских департаментов, проводившихся регулярно на протяжении войны. Сформировавшаяся в годы войны концепция безопасности Скандинавских стран предусматривала расширение системы международного права за мирное разрешение конфликтов.

Во внутренней политике эта концепция нашла прямое отражение в принятии датским правительством Закона от 13 февраля 1917 г., в соответствии с которым были созданы специальные, хотя и не многочисленные трудовые лагеря в

Гриткоу и Кампеделе для лиц, отказавшихся от воинской обязанности²⁴. В это время было произведено сокращение численности вооруженных сил, насчитывающих 23 тыс. в основном молодых людей, едва достигших 18-летнего возраста. Принятию закона предшествовали бурные парламентские дебаты, во время которых командующий армией, генерал Герц, заявил об уходе в отставку. В поддержку закона выступили представители всех политических партий. Высказывались мнения, что закон должен стать эффективным средством борьбы с антивоенной деятельностью и, в частности, с деятельностью последовательных антимилитаристов.

Действительно, после принятия закона произошел определенный спад в деятельности Федерации. Однако в 1918 г. активность приверженцев мира вновь возросла. Наибольшего накала их выступления достигли во время похорон молодого призывника Владимира Крейтцфельда, который покончил жизнь самоубийством, выбросившись за борт торпедного судна «Морской рыцарь» в Копенгагене²⁵.

В 1916-1917 г. пацифистское движение усилилось среди молодых радикалов, с начала войны выступавших с антимилитаристских позиций. Это было время, когда предпринимались первые шаги по установлению сотрудничества между пацифистами Скандинавских стран. В феврале 1917 г. в шведском городе Гетеборге был учрежден Комитет Северной молодежи. В мае 1917 г. в Копенгагене состоялся съезд молодых пацифистов Скандинавии, представлявших либеральное направление движения. Пацифистское течение радикалов возглавлял Хермуд Ланнунг, по инициативе которого в 1918 г. был создан Объединенный Скандинавский комитет, начавший координаторскую деятельность между²⁶ пацифистскими организациями всех Скандинавских стран²⁶.

Миротворческие идеи, требования отказа от воинской повинности по мотивам совести получили поддержку женских и религиозных организаций. Усилилось межрегиональное церковное антивоенное движение Северных стран.

Священнослужители Дании были в числе организаторов состоявшейся в декабре 1917 г. в шведском городе Упсала конференции протестантских лидеров нейтральных стран Европы, которая обратилась ко всем церквям мира с призывом к объединению и к борьбе за взаимопонимание между народами, решению международных конфликтов путем посредничества и арбитража²⁷.

В 1918 г. было учреждено 21 провинциальное отделение Федерации последовательных антимилитаристов. На апрель 1919 г. организация насчитывала 20300 активных члена и

1400 сторонников. К 1919 г. число членов Федерации возросло до 23 тыс. чел.²⁸

Поворот от безусловной поддержки войны к идее заключения мира, происшедший в среде сторонников «защиты отечества», стал основой сотрудничества пацифистов различной политической ориентации.

Весной 1917 г. датские социал-демократы активно поддержали так называемую «мирную инициативу» германских социал-демократов, направленную на созыв «мирной конференции» социалистических партий в Стокгольме. В вопросе пропаганды конференции особая заслуга принадлежала председателю социал-демократической фракции в фолькетинге, редактору центрального органа СДПД «Социал-демократен» И.Боргбьергу. Для координационной работы по проведению конференции был создан Объединенный комитет трех скандинавских рабочих партий (Дании, Швеции, Норвегии)²⁹. В выступлении перед этим Комитетом И.Боргбьерг изложил условия заключения мира. Они основывались на положениях, принятых социалистами нейтральных стран на Копенгагенской конференции 1915 г. и включали тезисы о праве наций на самоопределение, обязательного международного третейского суда и требование постепенного разоружения. Датские социал-демократы, впрочем, как и немецкие, считали необходимым возвращение захваченных Германией и ее сторонниками территорий, предоставление Польше свободы, восстановление Бельгии как независимого государства, восстановление независимости Сербии, Черногории и Румынии, получение Болгарией Македонии, а Сербией — свободного выхода к Адриатическому морю, предоставление культурно-национальной автономии познанским полякам. По мнению Боргбьерга, в вопросе об Эльзас-Лотарингии было, однако, немыслимо мирное соглашение³⁰ относительно исправления Лотарингской границы³¹.

Идея Стокгольмской конференции была поддержана английскими и французскими социалистами, однако французское и британское правительства отказали социалистам своих стран в выдаче паспортов для поездки в Стокгольм³¹.

От имени Объединенного комитета трех скандинавских рабочих партий приглашение на конференцию было передано Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов России. Идея Стокгольмской конференции, поддержанная Петроградским Советом, не была, однако, поддержана большевиками. Апрельская партийная конференция большевиков 1917 г. назвала Стокгольмскую конфе-

рению «торгом между империалистами об обмене аннексиями», прикрытым лживыми фразами о «справедливом и демократическом мире»³². Оценивая деятельность лидеров датской социал-демократии, Всероссийская конференция РСДРП (б) в резолюции, опубликованной в газете «Правда» 26 апреля 1917 г. поставила под сомнение мандат И.Боргбьерга как члена социал-демократической партии по той причине, что лидеры датской социал-демократии сотрудничали в буржуазном правительстве и не признавали решений Циммервальдской конференции революционных социалистов.

Стокгольмская мирная конференция так и не состоялась. В России в 1917 г. побеждал курс на односторонний выход из войны путем революции, Англия и Франция продолжали вести политику продолжения войны до победного конца. Программа социалистических партий западноевропейских стран, предусматривавшая прекращение войны путем переговоров, в этих условиях была обречена на неудачу.

Антивоенное движение в Дании в годы первой мировой войны представляло собой движение социального протеста против войны. В движении приняли участие широкие слои населения, пролетарские и полупролетарские, крестьянские и солдатские массы. Широкий размах имело церковное движение, выступавшее за объединение сил верующих в борьбе против войны. В антивоенном движении были представлены самые различные политические партии — радикалы, Венстре, консерваторы, социал-демократы.

Отличительной особенностью антивоенного движения в Дании, как и в других Скандинавских странах, было то, что в годы войны был достигнут общеполитический консенсус правительственных и общественных кругов в отношении политики нейтралитета. В ходе межрегиональных встреч глав правительств, министров иностранных дел, глав департаментов трех Северных стран в годы войны складывалась концепция безопасности этих стран, предусматривавшая расширение системы международного права, а также мирное разрешение международных конфликтов. Антивоенное движение в Дании в годы войны вышло за рамки страны и приобрело межрегиональный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Larsen Sv.E. Militsemsegterproblemet i Danmark. 1914-1967. Odense, 1977; Dybdahl V. De nye klasser. — Danmarks historie. Bd.12.S.132.

- ² Larsen Sv.E. Op.cit, S.15; Risskov S0rensen. K. Fredssagen i Danmark 1882-1914. Odense, 1981. S. 11.
- ³ F.Bajer Dansk Fredsforenings historic. Kbhvn, 1904; F.Bajer Ideen til Nordens saerlig Danmarks vedrorende neutralitet, dens oprindelse og udvikling i kort overblik. Kbhvn, 1900; F.Bajer Det skandinaviske neutralitetssystem. Kbhvn, 1901; F.Bajer Livserindringer. Kbhvn, 1903.
- ⁴ Det radikale Venstre 1905-1955 Red. E.Rasmussen og R.Skovmand. Kbhvn, 1955.
- ⁵ См.: Кудрина Ю.В. Нейтралитет или союзы? Внешняя политика Дании накануне первой мировой войны // Северная Европа: Проблемы новейшей истории. М., 1988. С. 15-33; Det radikale Venstre 1905-1955; Bang-Hansen J. Det forste socialdemokratiske ministerium 1924-26: En undersogelse af baggrunden for dets dannelse og virke. Kbhvn, 1978.
- ⁶ Теандер К. Заметки о современной Дании // Современный мир. 1911. нояб. С. 259-262; Pontop pi dan Thyssen A. De religiose bevsegelsers samfundskntik og den demokratiske udvikling kulturelle, politiske og religiose bevsegelser i det 19 arhundrede, Arhus, 1973. S. 26; La r sen Sv.E. Op.cit
- ⁷ Togeby L. Var de sa rode? S. 172, 74.
- ⁸ См.: Международное рабочее движение. М., 1972. Т. 3, С. 501. 'Ned med militarisme: Socialdemokratiets stilling til Forsvarsprogsmalet Kbhvn, 1908. S. 5.
- ¹⁰ Togeby L. Var de sarode? S. 172.
- ¹¹ Togeby L. Var de sarode? S. 172; Harding S. Stauning eller kaos, socialdemokratiet og krisen i trediverne. Kbhvn, 1974. S. 13.
- ¹² См.: Северная Европа. С. 101.
- ¹³ Norland Jb. Det knager i samfundets fuger og band. Kbhvn, 1972. S. 86; Larsen Sv.E. Op. cit, Dansk social historie. Bd. 6. Kbhvn. 1980; С. 168; См.: Кан А.С. История Скандинавских стран. М., 1980, С. 168. Det fredssyge Danmark. Kbhvn, 1982. S. 36.
- ¹⁴ Peter sen C.H. Danske Revolutionaere, S. 339.
- ¹⁵ Det fredssyge Danmark. Kbyvn, 1982.
- ¹⁶ С предложением создать международный социалистический конгресс для обсуждения средств, могущих остановить войну, впервые в сентябре 1914 г. выступили социалисты США. Это предложение было, однако, отвергнуто рядом аропейских социал-демократических и социалистических партий, в том числе французской и английской. Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М., 1978. Т. 3. С. 511.
- ¹⁷ Norlund Jb. Det knager i samfundets fuger og bind. Kbhvn. 1972. Bd. 2. S. 5.
- ¹⁸ См.: Темкин Я.Г. Большевики в борьбе за демократический мир 1914-1918. М., 1957, С. 115.
- ¹⁹ В Швеции аналогичный закон был принят в 1920 г., в Норвегии — 1922 г. Larsen Sv.E. Militaansegterproblemet i Danmark 1914-1967. Odense, 1977, S. 10; Det fredssyge Danmark, S. 36.

- ²⁰ К декабрю 1915 г. из 2-х социал-демократических партий в Европе и США (в Англии, США, России, Польше существовало по две социал-демократические партии) 13 официальных партий и 8 оппозиционных групп в других партиях высказывались за присоединение к Циммервальдской конференции. Только три социалистические партии Франции, Германии и Дании выступили против присоединения к Циммервальду. В письме к Ван-дервельде Т. Стаунинг писал: «Мы, датская партия, резко и определенно отrekliсь от организационно вредной раскольнической работы, осуществляемой по инициативе итальянской и швейцарской партий, так называемым циммервальдским движением». В состоявшейся в апреле 1916 г. в деревушке Кинталь (Швейцария) второй конференции циммервальдцев представители датской СДПД не участвовали (Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 30, С. 193-195).
- ²¹ Wingender N. Socialdemokratisk Ungdomsforbunds tilknytning til den Internationale revolutionære bevægelse 1914-1919 og betydningen heraf for ungdomsforbundets politiske udvikling med særlig henblik på de ideologiske og organisatoriske brydninger. 1914-20. Kbhvn, 1976; Кан А.С. История Скандинавских стран. С. 168; Енсен А. Ленин и Дания. — Скандинавский сборник. XVI. Таллин, 1971.
- ²² J Arbejdernes Rusland: Robbersmed Niels Johnsens. Moskva-rejse til Komintern og Profintern 1921 og 1922. Dagbøger og Biografi. Ved M. Thing og H. Grelle. Kbhvn, 1981, S. 14.
- ²³ В 1915 г. была предпринята «первая миссия» датского финансиста К.Н.Андерсена к германскому императору Вильгельму II и русскому царю Николаю II. В марте 1915 г. в Берлине состоялись беседы Андерсена с рейхсканцлером Т.Бетман-Гольвегом Вильгельмом II. В марте 1915 г. и июле 1916 г. Андерсен побывал в Петрограде, где был принят русским императором (ЦГАОР ф. 601, март 1915 г. Оп. 1 д. 602).
- ²⁴ Larsen L.E. Op. cit, S. 10.
- ²⁵ Det fredssyge Danmark. 100 års dansk fredsarbejde. Kbhvn, 1982. S. 35.
- ²⁶ Lannung Hermod Ungdomskonferensen for folkeforbund, forsoning og fred på Christiansborg den 20-23. august 1921, Kbhvn, 1980.
- ²⁷ Arbejderkvinder i Danmark 1913-24. Степи, 1977; Karlström N. Kristna samförstandstravanden under världskriget 1914-1918. Sthlm., 1947, S. 501.
- ²⁸ Beretning og Regnskab for FCAA S. 8, S. 14.
- ²⁹ Grass M. Freidenaktivitat und Neutralität. Bonn; BAD. Godes-berg, 1975.
- ³⁰ Ibid.; Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 31, С. 365.
- ³¹ Ревякин А.В. Франция и проект Стокгольмской конференции 1917. К 75-летию начала первой мировой войны — Тезисы, выступлений. М., 1989, С. 19-20.
- ³² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 372-375.

ПАЦИФИЗМ ВВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Карл Холь

На пороге создания нового государства немецкое движение мира переживало подъем. Перед ним открывались широкие перспективы, общественное мнение относилось к нему с благожелательностью и уважением. Пацифизму удалось поначалу без каких-либо трудностей идентифицировать себя с политической и конституционной концепцией, которую разделяли партии веймарской коалиции; кроме того, чрезвычайно привлекательными казались представления независимых социал-демократов по проблемам мира и будущего германского общества.

Разумеется, необходимы были идейные и структурные гарантии, чтобы создать республику на солидном основании. Поэтому в период подъема движения в пацифистских дискуссиях господствовала проблематика, связанная с мерой преемственности и вместе с тем преодоления новым государством негативного милитаристского наследия прошлого.

Вопрос о причинах войны с неизбежностью выдвигал и вопросы о возможностях преодоления политической системы кайзеровской Германии и тем самым также о ее вине в развязывании войны.

По этому вопросу тщательного изучения и окончательного выяснения проблемы вины среди немецких пацифистов господствовало единодушие. Однако события развивались таким образом, что шансы на разрешение этого вопроса в начальный период существования республики быстро улетучились, ибо социал-демократическое большинство неизменно проявляло незаинтересованность в этом вопросе¹. Это была одна из упущенных возможностей с долговременными роковыми последствиями.

Проблема подписания мирного договора оказывала сильное влияние на принятие решения. Вдохновляемое радикальным пацифистом Фёрстером меньшинство парламента, безоговорочно одобряющее постановку вопроса о германской вине, усматривало именно в этом мирном договоре справедливую расплату за бесцеремонную политику игры ва-банк и оценивало этот договор как шанс для начала но-

вой страницы в истории Германии. При этом сторонники Фёрстера приветствовали положения договора о демилитаризации и разоружении, как гарантии недопущения нового издания германской политики силы.

Публичная полемика по вопросу германской вины вспыхнула среди немецких пацифистов во время чрезвычайного заседания Германского общества мира в октябре 1919 г. в Касселе. Однако после подписания мирного договора этот вопрос стал постепенно утрачивать свою остроту, ибо несравненно большее значение в политической полемике обретал факт существования мирного договора. Правые круги вынесли свой уничижительный вердикт пацифистам: само собой разумеется, что пацифисты, — это те, кто нанес удар в спину сражавшемуся фронту и привел Германию к поражению. Германский пацифизм слишком долго позволял делать из себя козла отпущения. Теперь его пригвоздили к позорному столбу как главного виновника Версальского договора.

Новое издание антипацифистских клише в скором времени приобрело форму кровавого террора со стороны националистических экстремистов: покушение на Эйслера уже в январе 1919 г., убийство пацифистов Ганса Пааше и Александра Футрана в 1920 г., антипацифистские по своим мотивам покушения на фон Герлаха в 1920 г. и на Максимилиана Хардена в 1922 г. — все эти события со всей очевидностью свидетельствовали, что более не существовало никаких причин для эйфории, окрылявшей новое пацифистское движение во время и непосредственно после Ноябрьской революции.

Однако это была лишь вершина айсберга. Ненависть и презрение к германскому движению мира отнюдь не были характерным признаком лишь националистических правых сил. Возродившаяся в короткое время дискриминация пацифизма была многолика и принимала весьма различные формы.

Результатом возникшего еще в ходе первой мировой войны повышенного интереса к пацифизму явилось расширение многообразия форм германского движения мира с первых дней существования Веймарской республики. Многочисленные новые сторонники этого движения из низших и средних слоев, из числа мелкой буржуазии, служащих и квалифицированных рабочих, из числа сторонников социал-демократического большинства, независимых социал-демократов, а также, правда в меньшем объеме, представителей политического католицизма разрушили политическую и организаци-

онную однородность движения мира. Политическая структура Германского общества мира перестала определяться исключительно средними слоями, приобретая все более четкий, хотя и с представительством рабочего класса, мелкобуржуазный характер. Кроме того, в ряде случаев германское движение мира стало привлекательным и для представителей других, прежде почти недоступных для него социальных и профессиональных кругов: для весьма небольшой группы офицеров и дипломатов в отставке, у которых участие в войне пробудило интерес к пацифизму.

Л.Квидде стал одной из первых жертв структурных изменений и идеологического сдвига влево: берлинское собрание пацифистов 1919 г. не проявило готовности признать его единственным председателем Общества мира и в целях наглядного представительства всех направлений придало ему двух равноправных сопредседателей — Г. фон Герлаха и Х.Штекер³.

Развитие демократии в Веймарской республике по сравнению с Германской империей неизбежно влияло на агитацию германского движения мира. Возникли естественные трения между представителями старых и новых позиций, прежде всего в сильно упрощенном виде между мотивационным индивидуальным-этическим и конкурирующим с ним подходом. Сторонники последнего считали пацифистскую агитацию в условиях Веймарской республики бессмысленной, вследствие чего их пацифизм обнаруживал более или менее четкие общественные масштабы, и для него, наряду с индивидуальным выступлением за мир, важное значение имело также массовое пацифистское настроение. Движение под лозунгом «Нет — новой войне!», возникшее в первые годы существования Веймарской республики и организовывавшее в годовщину начала мировой войны — 1 августа — массовые демонстрации против войны, сопровождалось возникновением новых форм агитации, с помощью которых предпринимались попытки использовать существовавшие среди широких масс пацифистские настроения⁴.

Не случайно в дальнейшем выявилась аналогичная граница, разделявшая два противоположных взгляда на внут-рипацифистскую демократию, которые свидетельствовали об ухудшении перспектив на сближение. Основными представителями этих двух направлений были Людвиг Квидде, которому к концу войны уже исполнилось 60 лет, и Фриц Кюстер, бывший моложе Квидде более чем на 30 лет. Проще говоря, речь шла об индивидуалистической, буржуазно-либеральной концепции союзной демократии, для которой за-

щита прав меньшинств сама собой разумелась, тогда как, с другой стороны, выдвигалась своего рода эгалитарно-якобинская концепция, грозившая свести союзную демократию к формальному принципу механического большинства, оставляя несогласному меньшинству только выбор между подчинением и выходом из движения⁷. В подобных условиях программно-идеологические разногласия могли напомнить религиозные войны против еретиков.

При оценке этих тенденций необходимо проявлять известную осторожность, чтобы избежать соблазна строить аргументацию исключительно на основе конечного результата, т.е. падения Веймарской республики. Согласно другому распространенному недоразумению, пацифистам приписывается неизменно миролюбивое умонстроение, в том числе и общее с единомышленниками. Неизбежно следующее за этим разочарование чаще всего порождает другое, менее благоприятное предубеждение, согласно которому у пацифистов не было достаточного понимания политической ситуации, но присутствовало, в лучшем случае, наивное и тем самым опасное представление на этот счет. Часто цитируемая саркастическая оценка, почти граничившая с «самоедством», конфликтов веймарских «борцов за мир»⁸, принадлежащая перу фон Оссецкого, в качестве временного секретаря Германского общества мира знавшего движение мира изнутри, могла лишь способствовать столь ошибочному восприятию пацифизма. Поэтому легко возникает соблазн объяснять конец Веймарской республики в том числе и недостатками пацифизма. Основанные на таких посылах суждения и оценки менее острожно относятся к движениям мира в Веймарской республике, чем это обычно имеет место в отношении лояльных к государственной политике партий.

Почему такие полемические таланты, как Г. Е. Николаи, К.Хиллер, О.Леман-Русбюльд и др., должны были с меньшей страстностью сражаться за свое дело, чем, скажем, члены Социал-демократической партии Германии или Германской демократической партии? С другой стороны, нельзя не признать, что постоянная полемика и усиливающийся левый курс Германского общества мира отталкивали представителей умеренного направления в пацифизме, таких выдающихся членов как Хайльберг, Шюкинг, Арнольд, и что они по этой причине либо ограничивали свое участие, либо совершенно прекращали свою деятельность. Равным образом не приходится отрицать и того, что только целевые установки и выдвижение на первый план таких умеренных представителей, как Квидде и Кесслер, могли обеспечить

пацифистам успешный доступ к государственным должностям, в первую очередь, в Министерстве иностранных дел. И, наконец, не один лишь фон Оссецкий, но и другие благожелательно настроенные современники обращали внимание на то с какой искренностью веймарский пацифизм вызывал огонь на себя.

Причиной того, что противоречия обострились гораздо сильнее, чем в довоенное время, стал не только разнородный состав самого движения мира. Этому способствовали появившиеся новые возможности в пацифистской агитации. Возникшая во время мировой войны линия раздела между умеренным и радикальным пацифизмом теперь наконец обрела четкие очертания.

Возникает, однако, вопрос, что же здесь можно рассматривать как «умеренное», а что как «радикальное»? Существенным критерием различия продолжал оставаться, казалось бы, простой вопрос: каким образом наиболее надежно можно не допустить возникновения войн. Воспринимающийся повсеместно в качестве умеренного организованный пацифизм, ориентированный на изменившуюся международную обстановку, усматривал в Лиге наций важнейший инструмент сохранения мира. Поэтому его главная цель состояла в совершенствовании этого союза народов и дальнейшей разработке проблем международного права. Напротив, радикальный пацифизм, неоднократно вносивший раскол в движение и выдвигавший порой непримиримые варианты, видел в массовых отказах от воинской службы и во всеобщей стачке успешный путь к предотвращению войны, хотя сторонники этого движения и не отказывали при этом в поддержке Лиге наций⁷.

При поверхностном взгляде казалось, что отказ от военной службы в условиях ограничений, налагавшихся на Германию Версальским договором, представлял собой лишь теоретическую проблему. Но недоверчивые пацифисты считали, что веймарское государство найдет способ осуществить в один прекрасный день переход ко всеобщей воинской повинности. После вступления Германии в Лигу наций вопрос об отказе от воинской службы свелся к проблеме военных санкций в рамках Лиги наций — и это одобрялось подавляющим большинством сторонников организованного пацифизма. Тем самым проблема применения силы одновременно порождала вопрос и о законности применения силы в целях обеспечения мира.

Эта проблема доставляла немало хлопот особенно тем радикальным пацифистам, которые, одобряя Лигу наций в

принципе, не соглашались с результатами ее решений. Даже для Группы революционных пацифистов⁸, основанной в 1926 г. и руководимой Хиллером, которая увязывала свою программу с отказом от военной службы, с идеями — правда, немарксистскими — социальной революции, эта тема стала источником разногласий. Доморощенным адвокатом принципа неприкосновенности человеческой жизни была Хелена Штекер — одна из активных членов группы Хиллера. Она не допускала никаких исключений, даже в целях социальной революции, тогда как ультралевое крыло однозначно одобряло применение революционного насилия. Это крыло было вынуждено покинуть группу, после того как оно в 1929 г. в целях социальной революции вознамерилось реализовать отход от принципа отрицания войны и отказа от воинской службы⁹.

Центральная роль Германского общества мира в организованном пацифизме в Германии, а, следовательно, и в разрешении крупных противоречий среди пацифистов продолжала сохраняться. Само собой разумеется, его правление и аппарат вновь обосновались в Берлине. На примере Германского общества мира наиболее ярко видно благоприятное отношение к пацифизму в обществе в сравнении с довоенным периодом: в апогее своего подъема, в 1926 г., пацифистское движение насчитывало около 30 тыс. членов и примерно 300 местных групп¹⁰.

Продолжали действовать как имевшиеся еще в годы войны, так и вновь созданные организации. Это относится и к возрожденному с большим трудом Союзу за международное взаимопонимание, который под руководством Шюкинга пытался укрепить свои позиции, участвуя в обсуждении вопросов, связанных с Лигой наций¹¹. Тем не менее в 1926 г. он был окончательно распущен¹¹. Иначе обстояло дело с другой организацией — Союз нового отечества. В рамках движений мира в Веймарской республике он играл важную и авторитетную роль, причем не столько своей численностью (ибо она, по-видимому, никогда не превышала 1000 членов), сколько по причине серьезности, с которой Союз относился к соединению пацифизма с защитой прав личности, социальной справедливости, и в не меньшей степени к вопросам обороны республики и достижению взаимопонимания с Францией и Польшей. Поэтому вполне убедительным было переименование Союза нового отчества — по примеру аналогичной французской организации — в Германскую лигу по правам человека¹².

Равным образом в рамках германского движения мира оставалось Германское отделение Международной женской лиги за мир и свободу. Эта лига отпочковалась в мае 1919 г. на конференции в Цюрихе от Международного женского комитета за стабильный мир. Соответствующим образом его германская секция — Национальный, или Германский, комитет — был образован месяц спустя в результате слияния с Германским союзом за право голоса женской группой Германского общества мира¹³.

В то же время большинство организаций, действовавших в рамках движения мира в Веймарской республике, были совершенно новыми образованиями. Например, основанная по инициативе Эрцбергера в конце 1918 г. Германская лига за Лигу наций¹⁴ отстаивала идею союза народов, т.е. Лиги наций, и агитировала за вступление в нее Германии. Указанная организация собрала вокруг себя помимо представителей организованного пацифизма, как, например, Шюкинг и Веберг, других выдающихся деятелей пацифистского движения, как то: Квидде и фон Герлаха, влиятельных политиков из рядов веймарской коалиции, равно как и либеральных преподавателей высшей школы, которые в период первой мировой войны являлись серьезными критиками официальной политики. Тесная связь между Германской лигой за Лигу наций и левым либерализмом проявилась в позиции Иоганна Генриха графа Бернсторффа (сменившего Эрцбергера) как председателя Германской лиги (в конечном счете он стал общим председателем всех национальных союзов в защиту Лиги наций), Шюкинга как заместителя и Йека как исполнительного председателя. Будучи по замыслу инструментом политики мирной ревизии Версальского договора, Германская лига за Лигу наций, сознательно идя на определенную зависимость, пользовалась широкой поддержкой министерства иностранных дел Германии. Привлекая все течения, которые можно было бы охарактеризовать как «конъюнктурный пацифизм». Эта лига обнаруживала сходство с Союзом за международное взаимопонимание, который она в скором времени частично поглотила. Обе эти организации представляли собой правое крыло в движении мира. Напротив, Союз за европейское взаимопонимание, рассматривающий себя в известном смысле как преемника Союза за международное взаимопонимание, дистанцировался от организованного пацифизма, равно как и от панъевропейского движения, во главе которого стоял Николаус граф Куденхове-Каллерги. Определенные связи с движени-

ем мира поддерживались через отдельных пацифистов, например Шюкинга и Пауля Лебе¹⁵.

После издания энциклики о мире папы Бенедикта XV и соответствующей инициативы со стороны Эрцбергера в 1917 г. стала формироваться организация пацифистских католиков. Благодаря деятельности священника Иоганна В.Вольфгрубера и Макса Йозефа Метцгера в 1919 г. был создан Союз мира германских католиков. Его основателями стали капеллан Магнус Йохам и Йозеф Крал. Не замеченный епископатом, официальной церковью и католическими кругами, этот католический союз, вдохновленный пацифистско-демократическим левым католицизмом Марка Сеансера во Франции, опирался на нижние слои клира, движение католической молодежи и рабочих, а также на левое крыло партии Центра, где надежную поддержку ему оказывали член рейхстага и физик Фридрих Дессауэр и его газета «Рейн-Майнишер Фольксцайтунг»¹⁶. Вместе с сотрудничающими с ним организациями численность Союза мира германских католиков составляла через десять лет после его основания 45 тыс. членов.

Программа Германского союза монахов в известном смысле представляла собой наиболее решительное противопоставление откровенным религиям. Насчитывавший около 10 тыс. членов союз в 1920 г. окончательно присоединился к пацифистскому движению¹⁷.

Действовавшее с 1907 по 1918 г. Общество защиты животных и аналогичных инициатив не прекращало пацифистскую агитацию — индивидуальный призыв к сохранению всего живого — начиная с 1919 г. в качестве Союза за радикальную этику¹⁸. Председателем союза был Магнус Швантье. Численность организации никогда не превышала 1200 человек.

Кроме того, к новым пацифистским организациям, возникшим в 1919 и 1920 гг. относились:

— Союз мира участников войны¹⁹ — группа верных республике левых интеллектуалов и журналистов (в том числе фон Оссецкий, Карл Феттер, Гумбель, Николай, Бертольд Якоб и Курт Тухольский); начиная с 1920 г. именно этот союз организовывал митинги под лозунгом «Нет — новой войне!»; после того как в 1926 г. митинги были запрещены, число его членов упало с первоначальной численности в 30 тыс. до менее чем 100 человек;

— Союз противников воинской службы²⁰, в создании которого принимали участие, наряду с другими, также Х.Ште-

кер Магнус Швантье и Армии Т.Вегнер; максимальной численности этот союз достиг в 1926 г.:

- Союз религиозных социалистов²¹, насчитывавший не более 20 тыс. членов, возник по инициативе Дена и Карла Анера; на его формирование оказали влияние Кристоф Блумхардт, Леонард Рагац, Карл Барт и Пауль Тиллих; программа союза предусматривала примирение социализма и христианства на почве протестантизма и Социал-демократической партии Германии;

— германское отделение Всемирной молодежной лиги²²
— своего рода рабочая группа, основанная под патронатом Гарри графа Кесслера и придерживавшаяся традиций молодежного движения, небольшая по численности и выражавшая радикально-пацифистские взгляды. Этой группой руководил до самой смерти одаренный журналист Георг Шульце-Меринг (умер в 1928 г.);

— Германский пацифистский студенческий союз²³, продолжавший традицию групп Корда-Фратра и очень быстро радикализировавшийся;

— Союз сторонников радикальной школьной реформы²⁴
— группировка, охватывавшая пацифистски настроенных педагогов и родителей — сторонников реформ; численность союза не превышала 800 человек; веймарский школьный компромисс между СДПГ и партией Центра вызвал у них протест и послужил толчком к созданию этого союза; гимназический учитель Пауль Герман Эстрайх и Зигфрид Каверау играли в нем ведущую роль; особое внимание здесь уделялось воспитанию в духе мира²⁵.

Инициатива Германского общества мира, собравшего все пацифистские организации на девятом конгрессе германских пацифистов в Брауншвейге в 1920 г., привела сначала к созданию совместного главного комитета, а затем, в конце 1921 — начале 1922 гг., к созданию Германского картеля мира²⁶. В основе создания картеля лежало осознание необходимости противодействия опасности раздробленности путем создания некоего головного органа, где существовал бы по крайней мере минимальный консенсус относительно общих принципов пацифизма. С ним связывалась надежда на возможность принятия конкретных решений по вопросам совместных действий.

На протяжении последующих лет к Германскому картелю мира присоединились другие пацифистские организации:

— уже упомянутая Группа революционных пацифистов;

— насчитывавшее примерно 500 членов «Объединение Друзей религиозного мира и мира между народами», кото-

рое преследовало те же цели, что и религиозные социалисты, отличаясь, однако, от них более радикальными требованиями; ведущую роль здесь играл видный член Германского общества мира советник из Шарлоттенбурга Август Байер;

— существовавший с 1904 г., насчитывавший до 4 тыс. членов и руководимый Хеленой Штекер Союз по защите материнства и сексуальной реформы сочетал требования решительной эмансипации женщин с борьбой против лицемерной сексуальной морали; он преследовал также радикально-пацифистские цели;

— Великогерманская общность народов — организация, вышедшая из реформистской католической организации «Великогерманская молодежь» и находившаяся под сильным влиянием священника Эрнста Тразольта (Йозефа Марии Тресселя); в программе этой организации сочетались левокатолическая критика капитализма с идеями пацифизма;

— Лига против колониального гнета, существовавшая с 1926 г. и насчитывавшая около 800 членов, выступала против намерений возвращения бывших германских колоний и находилась под коммунистическим влиянием;

— основанная в 1914 г. Зигмундом Шульце германская ветвь Международного братства примирения, насчитывавшая около 1400 членов, преследовала пацифистские цели, в частности на почве экуменизма и с перспективой развития теологии мира и достижения примирения народов;

— сюда следует добавить: Всемирная лига католической молодежи, Общество республиканско-демократической политики, Свободногерманский союз, Народный союз за духовную свободу, Свободная активная молодежь, Союз свободной социалистической молодежи²⁷.

Вплоть до 1928 г. Германский картель мира включал 22 организации с численностью около 100 тыс. членов. По сравнению с военизированными массовыми организациями правых и левых такая численность не выглядела особенно внушительной. Удерживать в единых рамках столь сложную структуру было непростой задачей. Для этого надо было обладать осмысленностью, решимостью, компетенцией. Таковы были требования к руководителю, функции которого были возложены на Квидде. Не в последнюю очередь благодаря его способности уравнивать баланс противоречий Квидде удалось до самого конца оставаться бесспорным лидером Германского картеля мира.

результаты опроса, проведенного в середине 20-х годов среди некоторых местных групп Германского общества мира показали, что почти половина его членов состояла в рядах Социал-демократической партии Германии, четвертая часть — в Германской демократической партии, 20-я часть принадлежала к партии Центра²⁸. Остальные 20% членов Общества мира были беспартийными, но, по-видимому, принадлежавшие к левых кругам. Эти данные центральной пацифистской организации в стране прежде всего подтверждают, что в германском движении мира наблюдалось смещение центра тяжести влево. Кроме того, можно предположить, что в Германском картеле мира существовала аналогичная ориентация на партии швейцарской коалиции, причем преобладала социал-демократическая направленность. Симпатии в отношении коммунистических идей, как они проявлялись в Группе революционных пацифистов, а также открытые выступления в поддержку Советской России, наблюдавшиеся в рамках Лиги борьбы против колониального угнетения, были явными исключениями.

Вплоть до конца 20-х годов президиум Германского общества мира состоял по преимуществу из членов левого крыла Демократической партии и Социал-демократической партии Германии²⁹. Помимо Квидде и Шюкинга в него ходили такие члены Германской демократической партии, как фон Герлах (до 1922 г.), профессор магдебургской гимназии Георг Шюмер (до 1923 г.), бывший генерал Пауль фон Шенайх (до 1928 г.) и граф Кесслер. Социал-демократическую партию в президиуме Германского общества мира представляли инженер путей сообщения и впоследствии издатель и журналист Кюстер, Шюмер (с 1923 г.), а также депутаты рейхстага Пауль Лебе, Альберт Фалькенберг, Анна Симсен, а также Герхард Зегер, исполнявший с 1923 по 1929 г. обязанности секретаря Германского общества мира.

Квидде вынужден был проводить политику лавирования, которая наталкивалась на сопротивление и все более острую критику, усиливавшуюся по мере стремления республиканских партий повернуть развитие республики вправо.

Начавшийся отход Германской демократической партии от позиций, которые она занимала во время своего основания, послужил поводом для выхода из партии таких известных пацифистов, как фон Герлах и Шюмер. Квидде, отражавший крайние тенденции в Германском обществе мира, мог рассчитывать на поддержку со стороны тех товарищей по союзу, чьи позиции, как и его собственные, могли быть

охарактеризованы наиболее точно как «демократический пацифизм»³⁰.

Стремление сделать из Германского общества мира некий союз, зависимый от партий веймарской коалиции, более не способный к принятию автономных решений, во-первых, было бы неосуществимым, а во-вторых, не послужило бы на пользу пацифистскому движению. В то же время поместить его, в отрыве от партий, в некое безвоздушное пространство в условиях Веймарской республики также было невозможно, и именно к этому сводилась фундаментальная и неразрешимая дилемма.

После того, как планы держав-победительниц в мировой войне относительно Лиги наций стали достоянием гласности, обнаружилось, что они весьма далеки от официальных германских представлений, а также и от идей германских пацифистов, видевших в ней воплощение своей программы. Утверждая, что подобный союз народов будет представлять собой не что иное, как инструмент победителей для подавления Германии, критики концепции союзников сумели выработать эффективную и удобную формулу. Бесспорно, союз народов, призванный служить сохранению прочного мира, должен был быть свободен от указанного недостатка. Намерение стран-победительниц побудило к поиску альтернативных моделей.

В то время как после отказа принять Германию в Лигу наций интерес правительственных ведомств к этому вопросу стал быстро затухать, германское движение мира продолжило агитацию за такое вступление, хотя эта цель давно уже стала непопулярной³¹.

В 1925 г. в кабинет Лютера вошли представители Германской национальной народной партии, занявшие соответствующие места в правительстве. Несмотря на то, что и это имперское правительство не могло совершенно не замечать реальную политическую необходимость вступления Германии в Лигу наций, оно все-таки не проявило особой поспешности в этом деле.

Понадобились сначала локарные соглашения, а также увязки локарного пакта о безопасности с вступлением Германии в Лигу наций, прежде чем в феврале 1926 г. был вынесен вопрос о вступлении Германии в Лигу наций. Радикальные пацифисты считали необходимым в случае серьезной военной угрозы использовать в качестве оружия отказ от воинской службы и всеобщую забастовку. С принятием заявления, отражавшего позиции обоих течений пацифистского движения, удалось найти компромисс, которым пре-

дусматривалось использование обоих предполагаемых средств недопущения войны — Лиги наций и массового отказа от воинской службы.

Для германского движения мира создавалась новая ситуация в сентябре 1926 г., когда Германия была принята в Лигу наций и стала постоянным членом Совета. На состоявшемся месяцем позже пацифистском конгрессе в Гейдельберге Хиллер задал, как обычно, прямой вопрос, не означает ли достижение этой важной промежуточной цели, что ограниченный пацифизм уже полностью исчерпал себя?³²

Веймарское движение мира отдавало себе отчет в том, что Лига наций была далека от того, чтобы представлять особой надежный инструмент обеспечения мира. Однако, выводы, следовавшие из этой оценки, были диаметрально противоположными среди веймарских пацифистов, что вновь подтвердил гейдельбергский конгресс. В принятом по предложению Вебера решении конгресса были сформулированы те положения, которые, несмотря на наличие различных направлений, могли привести к консенсусу в вопросе о Лиге наций. В частности, это был ряд требований к Лиге наций, согласно которым Лига должна была стремиться к универсальности и демократическому устройству; наряду с сессиями Лиги следовало бы создать Всемирный парламент; в качестве первого шага к всеобщему и полному разоружению предлагалось отменить всеобщую воинскую повинность во всех странах; войну безоговорочно объявить вне закона; наряду с этим Лига наций должна стремиться к защите национальных меньшинств и к созданию условий для экономического и культурного сближения государств.

Исходя из предложений Хиллера, радикальные пацифисты сформулировали более решительные требования: об объявлении войны вне закона, что относилось не только к агрессивным войнам, но и к оборонительным и карательным. Для Хиллера, как и для всего радикального пацифизма, всеобщее разоружение означало упразднение армий. До достижения этой цели должна была быть обеспечена возможность повсеместного отказа от воинской службы.

В конечном счете дискуссии в пацифистских кругах по поводу реформ Лиги наций представляли собой стремление преодолеть те институционные государственно-дипломатические барьеры, которые мешали народам находить непосредственно путь друг к другу.

Однако в виду того, что одной доброй воли отдельных людей было явно недостаточно, необходимо было предпринять организационные меры, что и предполагали сделать

германские пацифисты. Когда же дело доходило до того, чтобы вновь связать порванные нити взаимопонимания из довоенных времен, обнаруживалось, что это было сделать не так просто. Война оказала разрушительное воздействие на международное движение мира, распались дружеские связи, усилились старые предрассудки и возросло недоверие.

В конце декабря 1921 г. германскими и французскими пацифистами был принят совместный манифест «К демократам Германии и Франции», в котором излагались основные принципы нормализации германо-французских отношений.

Союз за мир германских католиков и Германская лига за права человека могли с этого времени рассматриваться как важнейшие элементы германо-французского взаимопонимания в рамках организованного пацифистского движения.

Благодаря своему участию в составлении манифеста члены германской лиги получили признание своих новых французских друзей. Во Франции этот документ подписали известные политики левого крыла. Однако его распространение в Германии оказалось значительно более трудным делом. Несмотря на то, что манифест подписали такие деятели культуры и искусства, как Генрих Манн, Кете Кольвиц, Александр Моисеи, Рене Шикеле, Евгений д'Альбер, Аннете Кольо, Альфонс Паке, Густав Мейринк и такие ученые, как Альберт Эйнштейн, Вейт Валентин, Мартин Раде, Герман Канторович, Карл Хельман, Леонард Нельсон, наконец, журналисты К. фон Оссецкий, К.Тухольский и Отто Нушке, политики, как, например, Бернштейн и Каутский, тем не менее Квидде отказался поставить под этим документом свою подпись.

Ряд немецких пацифистов считал, что германская лига за права человека, проводя свои акции по взаимопониманию, заходила порой слишком далеко. Время от времени среди движения веймарских пацифистов в ее адрес раздавались упреки в некритическом использовании профранцузской аргументации. Что касается Германского общества мира, то здесь линия Германской лиги получила относительно долговременную поддержку только среди членов Западногерманского земельного союза. По этой причине Хил-лер, не разделявший прозападную ориентацию веймарских пацифистов, обратил острие своей критики против обоих течений. В 1927 г. Международное бюро мира предприняло попытку придать некоординируемым пацифистским акциям

по взаимопониманию солидный организационный базис, учредив германо-французский комитет. Однако эта попытка оказалась малоуспешной.

Провозглашенное веймарскими пацифистами стремление к установлению нормальных отношений между соседними народами выдвигало перед ними весьма разнородные задачи шла ли речь о сложной проблеме германо-французских и германо-бельгийских отношений, а также об отношении к датчанам или к молодому чехословацкому государству.

Веймарские пацифисты, разумеется, понимали, что их лозунги о «союзе народов» и о «взаимопонимании между народами» далеко не полностью отражали весь комплекс их задач. Их выступления в поддержку Лиги наций, усилия по устранению ненависти между немецким народом и его соседями на Западе и Востоке оказались бы неполноценными без ликвидации средств ведения войны, т.е. лишенными именно той необходимой предпосылки устранения военной угрозы.

В конце 20-х годов два универсальных проекта по обеспечению мира и разоружения привлекли внимание веймарских пацифистов — предложение Советской России о всеобщем и полном разоружении (ноябрь 1927 г.) и пакт Бриана-Келлога (август 1928 г.) из-за содержащейся в них возможности увязать объявление войны вне закона с радикальным разоружением.

Дискуссия среди пацифистов по поводу инициатив Советского Союза вызвала широкий спектр позиций, обосновывающих как согласие, так и отказ. Для Квидде и фон Герлаха, которые оценивали предложение с позиций близкого к Лиге наций пацифизма, эта инициатива изначально обладала сомнительной ценностью, из-за проявившейся демонстративной незаинтересованности СССР в Лиге наций. Для фон Герлаха отказ Советского Союза связать разоружение с третейским судом был разоблачением этого плана, квалифицированного как лицемерный проект. Для Фёрстера отказ от предложения вытекал из его общей негативной нравственной оценки политики Советской России. Напротив, Хиллер и его группа встретили это с воодушевлением, в то время как согласие других пацифистов, например Веберга, определялось трезвым отношением к радикальному разоружению с точки зрения проблем безопасности. В позитивном смысле высказывались по этому поводу фон Оссецкий и Штекер. Как видим, на единую оценку при сложившихся обстоятельствах надеяться не приходилось.

Объявление войн вне закона, исключаящее любые виды войн, увязанное со всеобщим разоружением, а также — в случае, если отдельные правительства все же нарушат мир, — с массовыми отказами от воинской службы — такова была комбинация, которая одна лишь и отражала должным образом идею радикальных пацифистов об объявлении войны вне закона. Организованным пацифистам, в свою очередь, не могла импонировать идея исключения Лиги наций из концепции об объявлении войн вне закона. На деле осуществленный как компромисс между французскими и американскими представлениями и почти универсальный ввиду присоединения к нему других государств пакт об объявлении войны вне закона довольно значительно отклонялся от обоих условий. Соответственно негативным было вообще мнение германского движения мира, а не только лишь радикального пацифизма. Слишком очевидно пакт Бриана-Келлога являл собой набор платонических заявлений о намерениях без каких-либо реальных обязательств. На деле развитие шло в направлении политики поиска безопасности не в разоружении, а в вооружении. Германия также присоединилась к пакту. Если уж этот договор содержал столько половинчатых положений, оставляя правительствам множество лазеек, то по воле германского пацифизма, по крайней мере в том, что касалось возможностей Германии, он должен был стать убедительным инструментом сохранения мира.

Представленный в скором времени проект был призван новой редакцией статьи 45 обязать рейх к отказу от войны и к использованию исключительно мирных средств при разрешении межгосударственных конфликтов. Когда Германский картель мира предложил в ноябре 1928 г. имперскому правительству свой проект изменения конституции, его инициатива получила негативную оценку.

Попытки побудить правительство Германии выйти за пределы его официальной позиции по вопросам внешней политики, внося в нее изменения пацифистского толка, были изначально обречены на провал. Германское движение мира с его представлениями об идеальной внешней политике фактически уже давно утратило реальное представление об общественном мнении. В основе пацифистских инициатив лежала прежде всего неверная оценка политики правительства. Ведь германская внешняя политика в том виде, который она приобрела по локарнским договорам и в процессе конструктивного германского сотрудничества в рамках Лиги наций, была в глазах правительства не самоцелью, а опре-

делялась тем, чтобы способствовать пересмотру итогов Версаля, а в долгосрочном плане добиться возврата к положению великой европейской державы.

Определенные шансы позитивного влияния на такую политику, вообще говоря, имел только организованный пацифизм. Положение дел еще заметнее осложнилось в конце 20-х годов. Многие представители радикального пацифизма, и не в последнюю очередь Хиллер, как один из наиболее красноречивых его трибунов, хотя и разделяли цели пересмотра Версальского договора, но при этом не рассчитывали на то, что одна из веймарских партий приняла бы большинством голосов концепции такого пацифизма. Вместе с тем примерно к этому же времени умеренный и приверженный Лиге наций пацифизм окончательно утратил свое некогда заметное место в германском движении мира. В конце концов, несмотря на это Веймарская республика двигалась вправо, и это при том успехе социал-демократов на выборах, которого им удалось добиться в 1928 г.

Очевидное бессилие организованного пацифизма в условиях комфортной системы наряду с безуспешными демаршами и бесплодной борьбой за завоевание большинства в республиканских партиях, неизбежно вызывали разброд в его рядах. Во второй половине 20-х годов это привело к возникновению новых форм пацифистской агитации, в которых, учитывая настроения масс, пытались найти компенсацию неудачам, постигшим движение при использовании традиционных форм политического воздействия.

Пример А.Понсонби в проведении массовой агитации за отказ от воинской службы в сочетании с акциями по сбору подписей способствовал весной 1927 г. возникновению аналогичного движения в Германии, известного под названием «Акция Понсонби»³³.

Ввиду того, что распространение указанной акции на всю территорию Германии было не по силам пацифистскому движению ни в финансовом, ни в организационном отношении, было решено ограничиться отдельной показательной и демонстративной акцией в саксонском округе Цвикау. Здесь были более благоприятные условия для этого, чем где-либо в другом месте, ввиду того, что координирующую роль в проведении акции взял на себя Саксонский картель мира, в котором особенно выделялись местные группы Германского общества мира и Германской лиги за права человека, и прежде всего благодаря высокой доли рабочих среди местного населения.

С февраля 1927 г. до конца июня примерно 87 тыс. или около 17% жителей округа своими подписями подтвердили обязательство отказа от какой бы то ни было службы будущей войне. Западногерманский земельный союз Германского общества мира повторял акцию осенью 1927 г. в Рейнской области и Вестфалии на базе формулы, соответствующей позитивной позиции в отношении Лиги наций, что допускало возможность войны. Данная акция собрала тем не менее почти 140 тыс. подписей.

Оба результата радикальный пацифизм мог записать в свой актив. Правда, вызывал сомнение вопрос, действительно ли они давали представление о готовности к отказу от воинской службы всего населения страны. Что касается мощи пацифистского движения, то оба успеха имели эффект пирровой победы, так как привели к распаду организационного пацифизма вследствие изгнания из его рядов умеренных элементов.

Обострившаяся с конца 1927 г. дискуссия о строительстве немецких броненосцев водоизмещением не более 10 тыс. тонн дала веймарскому пацифистскому движению блестящую возможность продемонстрировать свое негативное отношение к какому бы то ни было новому вооружению³⁴ и привела в конце августа 1928 г. к участию отдельных групп движения в подготовке массовых акций против строительства броненосцев и созданию с этой целью соответствующего комитета. Несмотря на то, что почти все представители организованного пацифизма отрицательно относились к строительству броненосцев и считали, что народная инициатива является вполне пригодным средством, чтобы провалить этот проект, общая обстановка в движении мира была малоблагоприятной. Из всех входивших в картель организаций инициативы предпринимали только Германская лига за права человека и Группа революционных пацифистов. На еще более серьезные размышления наталкивала перспектива ведущей роли Коммунистической партии Германии, обычно выступавшей с грубыми нападка на пацифистов. Все пацифистские группы за исключением Группы революционных пацифистов старались держаться подальше от компартии в ходе этой кампании. Германское общество мира, кроме того, дистанцировалось от КПП в подписанном Квидде и Кюстером заявлении.

Когда в конце октября 1928 г. определилось число записавшихся в народную инициативу, выявился крайне убогий результат: в очередной раз провалилась попытка пацифистской мобилизации масс. Само собой разумеется, строитель-

ство броненосцев не было приостановлено. Державшееся в секрете обоснование планирования строительства броненосцев — необходимость защиты германской части балтийского побережья, и, в частности, Восточной Пруссии, в случае военного нападения со стороны Польши — рассматривалось пацифистскими кругами как плохо завуалированный предлог, который лишь подтверждал их подозрение относительно польской политики Германии, которая руководствовалась немирными намерениями.

В конце 20-х годов руководство рейхсвера, по мнению веймарских пацифистов, все чаще добивалось в рейхстаге принятия своих требований по наращиванию вооружений.

По мнению веймарских пацифистов, нелегальное вооружение германской армии имело и серьезные внешнеполитические последствия, ставя под сомнение искренность официальной внешней политики Германии. Министерству иностранных дел было весьма непросто аргументировать добросовестное проведение Германией политики разоружения, ибо одновременно, вследствие ставших достоянием гласности усилий по росту вооружений, оно уличалось во лжи.

Таким образом, в свете пацифистской критики получалось, что срывается осуществление конструктивной политики безопасности и по отношению к Лиге наций, подвергается сомнению верность договорам, как неотъемлемая основа международно-правовых отношений между государствами. Франция, информированная об этих процессах, но предпочитавшая хранить молчание, получала в результате возможность избегать собственного разоружения и, в частности, затягивать освобождение Рейнской области. Создавалось впечатление, что Германия, продолжая нелегально вооружаться; способствует привнесению в Лигу наций анархического элемента.

Этот нелегальный рост вооружений поднялся на следующую ступень, когда после подписания Раппальского и Берлинского договоров с Советским Союзом появилась возможность сотрудничества между рейхсвером и Красной Армией, чем еще более усилились и без того серьезные оговорки большинства веймарских пацифистов в отношении Советской России.

Немецкие пацифисты, считая себя патриотами, республиканцами и европейцами, полагали, что у них достаточно законных оснований, чтобы предавать гласности факты нелегальных германских мероприятий по вооружению и рассчитывали положить конец этому опасному курсу. Однако нелегальные меры по наращиванию вооружений вовсе не

были непопулярны в Германии. Те, для кого Версальский договор представлялся позорным и постыдным, не особенно прислушивались к моральным и рациональным предупреждениям со стороны пацифистов. А так как даже среди журналистов демократическо-республиканской прессы не замечалось большого рвения обжечь пальцы на «горячем железе», пацифистскому движению в качестве форума для его разоблачений оставалась только пресса интеллектуальных левых республиканцев: это было прежде всего издание «Ди Вельтбюне»³⁵, выпускаемое Карлом Оссецким, «Дас тагебух» Леопольда Шварцшильда³⁶, а также пацифистские еженедельники, в частности, «Вельт ам Montag» Герлаха, «Дас андере Дойчланд» Кюстера, «Меншхаит» Рехтера, наконец, ежедневные газеты, например «Дортмундер Генеральанцайгер».

Однако и здесь веймарские пацифисты были вынуждены ограничиваться скромными возможностями. Как правило, выступая публично с изобличением нелегальной практики рейхсвера, они становились объектом обвинений в государственной измене, с которыми рейхсвер, надеясь запугать и обезоружить движение мира, выступал против них. Веймарская юстиция, расширительно толкуя понятие государственной измены и термина «государственная тайна», охотно бралось за рассмотрение подобных дел, нередко вынося суровые приговоры³⁷.

Тесную связь между военными властями и юстицией пацифистское движение рассматривало как красноречивое доказательство милитаризма, который вновь начинал пронизывать общественную жизнь Германии и который виделся им предвестником новой военной угрозы. Не случайно поэтому уже десять лет спустя после окончания войны книжный рынок стал наводняться новой военной литературой, находящей своих читателей³⁸. Более того, литературной темой стала будущая война, снимающая границы между фронтом и отчизной.

В период между пацифистской акцией к 1927 г., связанной с именем Понсонби, и распадом большой коалиции в марте 1930 г. происходили процессы, завершившиеся организационным распадом германского пацифистского движения. Возникает вопрос, насколько организованный пацифизм был лучше подготовлен к новой внутривнутриполитической ситуации по сравнению с партиями, с которыми он с самого начала находился в критической близости. Когда национал-социалистическая германская рабочая партия (НСДАП), являвшаяся абсолютным отрицанием всего того,

за что выступал германский пацифизм, в результате выборов 14 сентября 1930 г. стала второй по значимости в рейхстаге, германское движение мира являло собой лишь слабую тень своего бывшего облика.

Крах пацифизма, достигший первого пика между февралем и июлем 1929 г. был результатом давно назревавшего кризиса³⁹, возникновение которого прослеживается далеко вглубь, вплоть до Первой мировой войны, когда нарастали противоречия между старым и новым движением мира; эти противоречия персонифицировались, начиная с середины следующего десятилетия, в разногласиях между Людвигом Квидде и Фрицем Кюстером.

Новый пацифизм не нашел в лице Кюстера решительного, властного и бескомпромиссного протагониста, и западногерманский земельный союз Германского общества мира под руководством Кюстера превратился в непохожую на традиционный пацифизм организационную и политико-идеологическую контромодель.

Временем своего утверждения в Берлине Кюстер выбрал август 1927 г., потребовав на заседании президиума Германского общества мира отхода Квидде от руководства, внесения изменений в программу, исходя из линии Западногерманского земельного союза и признания «Дас андере Дойчланд» в качестве обязательного органа. Эрфуртское генеральное собрание в октябре 1927 г. продемонстрировало, что в его руках сосредоточилась уже немалая власть.

Квидде постепенно все больше отстранялся от власти. Преданное Кюстеру большинство нюрнбергского генерального собрания, в октябре 1928 г. устранило «косметический дефект» только что измененного устава, согласно которому президиум возглавлялся одновременно избираемым триумвиратом в составе председателя и двух заместителей. По новому порядку проводились одновременно выборы трех равноправных председателей.

В ситуации, определявшейся началом экономического кризиса, безработицей, обнищанием, поляризацией и радикализацией, становилось невозможно соединить радикальные методы пацифизма с буржуазно-либеральным «традиционным пацифизмом. Поэтому кризис германского движения мира в конце 20-х годов стал конфликтом двух не поддающихся интеграции политических культур⁴⁰, что было вполне естественно для заключительного этапа существования Веймарской республики. В середине 1929 г. произошел фактический роспуск Германского картеля мира⁴¹.

Отношения внутри пацифистского движения уже давно были испорчены. Это обстоятельство, а также временное прекращение деятельности Германского общества мира явились существенными факторами, повлиявшими на распад Германского картеля мира. Новое руководство Германского общества мира не только не имело большинства в президиуме картеля, но к тому же продолжало проводить здесь линию Хиллера. Поэтому со стороны Германского общества мира, а также Германской лиги за права человека проявлялся незначительный интерес к дальнейшему существованию подобного картеля.

Начавшаяся полемика о запрете прусского правительства на проведение демонстрации 1 мая 1929 г. послужила поводом к выходу двух названных организаций из картеля. Вплоть до 1 мая продолжалась дискуссия о законности запрета демонстрации с учетом заявления Германской коммунистической партии о намерении пренебречь этим запретом. Уже здесь стал очевиден водораздел между Германским обществом мира и Германской лигой за права человека, поддерживавшими этот запрет, с одной стороны, и левыми пацифистскими кругами — с другой. Последние во главе со Штеккер и Киллером добились принятия резолюции, призвавшей прусские власти отменить запрет.

Однако демонстрации коммунистов, как и следовало ожидать, были разогнаны берлинской полицией, устроившей кровавое побоище. Германская лига за права человека резко осудила не только действия полиции, но и позиции КППГ, спровоцировавшей столкновения; между тем Германское общество мира приводило достаточно аргументов в оправдание прусского правительства, а сами события рассматривало как проявление вражды между социал-демократами и коммунистами, парализующей действия левых сил. Германское общество мира и Лига за права человека вышли из картеля. За этими двумя организациями последовали и четыре других союза, и картель таким образом почти полностью утратил свою работоспособность.

Попытки вдохнуть в картель мира новую жизнь оказались тщетными. Причины неудач этих усилий заключались прежде всего в намерении Кюстера превратить Германское общество мира под его фактическим руководством в решающее звено объединения, независимо от того, какая головная организация будет формально возглавлять пацифистский союз. В конце ноября 1930 г. возникла конкурирующая с Германским обществом мира, руководимым Кюстером и Шенайхом, организация — Германский союз мира.

Однако добиться широкого успеха Германскому союзу мира не удалось. Правда, его возникновение поначалу вызвало определенный интерес общественности. Было немало людей, которые считали себя жертвами Кюстера, и дух пацифистской терпимости, которым отличались, в противовес Германскому обществу Кюстера, новая организация, очевидно, привлекал определенные круги. Однако через некоторое время приток новых членов иссяк.

Крайнюю сдержанность проявляли представители старой пацифистской гвардии. Квидде, одновременно оказавшийся в русле развития леволиберальной партийной политики, выйдя из местной берлинской группы Германского общества мира и вступив в Союз мира, однако, не слишком активно включался в работу в нем и не скрывал своего скептического отношения к судьбе этого предприятия. Более того, он еще целый год продолжал оставаться членом своей первичной организации — Мюнхенской местной группы Германского общества мира, что являлось своеобразным уставно-правовым казусом. Гораздо больше внимания он уделял своей работе в качестве председателя Германского комитета по пропаганде разоружения, созданного зимой 1931/32 гг. — новой пацифистской организации, явившейся итогом долгих попыток создания некоей замены Германскому мирному картелю.

Весьма сдержанную позицию занимали и другие деятели, как, например, Реттхер и Фалькенберг. Третьи жили к этому времени вдали от Берлина. Стиль работы новой организации весьма сильно напоминал стиль прежнего Германского общества мира: доклады на актуальные темы пацифистского движения с последующими дискуссиями были правилом. Конечно, этот стиль работы не соответствовал новым временам. Не удивительно, что пресса не считала злободневной информацию о такого рода деятельности Союза.

Несмотря на то, что на расширение деятельности Союза за пределы Берлина было затрачено немало усилий, они оказались безрезультатными. Только Независимый союз противников войны, возглавляемый Шюмером, вошел в состав Германского союза мира на правах местной группы. К середине 1932 г. силы Германского союза мира полностью иссякли и его деятельность прекратилось.

Чувствовалось приближение конца при всей успешности агитационной кампании против национал-социалистической германской рабочей партии зимой 1930/31 гг.⁴² При этом сказывалось влияние тех процессов, которые происходили в рамках веймарской партийной системы в связи с попытками

ее реализации с конца 20-х годов; они представляли собой отражение общего кризиса на исходе существования Веймарской республики.

В начале 1931 г. Кюстер, который предложил оппозиционным социал-демократам приют и поле деятельности в рамках Германского общества мира, вышел из рядов Социал-демократической партии. В основном в конце июля 1931 года при активном участии Кюстера Рабочем сообществе за левосоциалистическую политику⁴³ нетрудно было предположить зачатки некой левой партии между Социал-демократической партией и Коммунистической партией Германии с пацифистскими целевыми установками. По-видимому, пацифистские тенденции еще раз вернулись к своему исходному пункту послевоенных лет, с той лишь разницей, что теперь на арену политической борьбы выступили бы две решительно противоположные пацифистские партии, а именно радикально-демократическая и левосоциалистическая.

Социал-демократическая партия Германии реагировала на события начала сентября 1931 года принятием решения о несовместимости было распространено постановление правления СДПГ на всех членов партии, являвшихся одновременно членами Германского общества мира⁴⁴. Аналогичное решение в отношении членов Германской государственной партии было принято на берлинском съезде этой партии 26/27 сентября 1931 года.

Планы Кюстера особенно расстраивало решение СДПГ, которое поставило большинство членов Германского общества мира в весьма сложное положение. Выходы членов СДПГ из рядов Германского общества мира свидетельствовали о действенности принятого решения. По-видимому, Кюстеру пришлось пойти на уступки: на съезде Германского общества мира, который проходил в местечке Трентхорст в Голштинии в начале октября 1931 года, Кюстер заявил о своем уходе с поста исполнительного председателя; несколько позднее, будучи подвергнут резкой критике со стороны южногерманских членов Общества в связи с ведением им дел организации, он вынужден был смириться с постановлением имперской конференции Общества, которым отменялись эрфуртские решения об обязательной подписке для всех членов вне рамок Западногерманского земельного союза⁴⁵.

Непосредственно после съезда в Трентхосте произошло образование Социалистической рабочей партии Германии (СРПГ). Кюстер добился включения в ее состав своего Ра-

бочего сообщества за «левосоциалистическую политику» и своего избрания в правление партии, надеясь, что в партии возобладает пацифистская программа. Однако он обманулся в своих расчетах — СРПГ акцентировала положения своей программы на классовую борьбу, и спустя несколько месяцев Кюстер вышел из ее рядов⁴⁶. Он потерпел также серьезное поражение, когда попытался воспрепятствовать реализации решений об аннулировании, спровоцировав тем самым в октябре 1932 года новую волну выходов из Германского общества мира. Католический теолог Франц Келлер своим выходом из состава правления Германского общества мира дал сигнал целому ряду местных групп, как на севере, так и на юге страны, к выходу из Общества, начиная с его собственной, фрайбургской местной группы. Примерно из 20 тыс. членов, которые еще оставались в рядах Германского общества мира и после эрфуртского генерального собрания, к концу 1932 г. оставалось еще не более 5 тыс.⁴⁷ Кроме того, этот год принес Кюстеру и другие трудности и потери в связи с неоднократными запретами газеты «Дас андере Дойчланд»⁴⁸.

Таким образом, возникла ситуация, которая могла благоприятно сказаться на положении умеренных пацифистов. Инициатива местной группы в Гамбурге-Альтоне, направленная на создание новой организации, встретила поддержку в рядах Северогерманского земельного союза Германского общества мира, так что в начале декабря 1932 г. удалось основать Всеобщий германский союз мира⁴⁹. По соображениям целесообразности был возрожден, казалось бы, забытый принцип «места нахождения» для начальной стадии формирования Союза: избрание Шюмера председателем Союза обозначало одновременно, что Магдебург становился и местом нахождения правления организации. Кроме правления учреждался совет, в состав которого входили, в частности, Квидде, Фраймут и Келлер, а также представители местных групп.

В течение короткого периода времени произошло объединение в рамках нового союза значительного количества крупных местных групп. К созданию Союза положительно отнеслась и большая часть пацифистской прессы. Призыв, с которым Союз в январе 1933 г. обратился к общественности, был поддержан видными представителями общественной жизни страны, например, перешедшим в СДПГ бывшим деятелем Германской демократической партии Антоном Эркеленцем, Карлом Северингом, Иной Зайдель, Томасом Манном и Францем Верфель, Мартином Бубером и Мартином

Раде, Густавом Радбрухом и Германом Канторовичем, а также такими известными пацифистами, как Лебе и Веберг. Это были признаки, свидетельствовавшие о том, что Германскому обществу мира, возглавляемому Кюстером, могла быть противопоставлена серьезная конкуренция, и пацифистская агитация могла рассчитывать на новый подъем. Однако такие надежды, если они действительно еще существовали в условиях обострившейся до крайности политической ситуации конца 1932 — начала 1933 года, были мгновенно сведены на нет событиями 30 января 1933 года, т.е. приходом фашизма к власти в Германии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Winkler H.A. Von der Revolution zur Stabilisierung. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1918 bis 1924. Berlin, 1985. S. 206-226.
- ² Donat H. Hg. «Auf der Flucht» erschossen... Schriften und Beiträge von und über Paasche. Bremen. 1981; Weiler U M.Garden und die «Zukunft». Bremen, 1970. S. 82-86.
- ³ Achter deutscher Pazifistenkongress einberufen von der Deutschen Friedensgesellschaft und der Zentralstelle Völkerrecht Berlin. 13-15.6. bürg, 1919. S. 79, 123.
- ⁴ Lütgemeier-Davin R. Basismobilisierung gegen den Krieg: Die Nie-wieder-Krieg-Bewegung in der Weimarer Republik, in: Holl K., Wette W. Hg. Pazifismus in der Weimarer Republik. Paderborn 1981. S. 47-76.
- ⁵ Jung O. Spaltung und Rekonstruktion des organisierten Pazifismus in der Spätzeit der Weimar Republik, in: Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 34. 1986. S. 207-243.
- ⁶ Ossietzky C.v. Die Pazifisten, in: Das Tagebuch 5. Teil II. 1924. S. 1400-1403.
- ⁷ Stöcker H. Kriegsdienstverweigerung, in: Fabian W., Lenz K. Hg. Die Friedensbewegung. Ein Handbuch der Weltfriedensströmungen in der Gegenwart. Berlin, 1922.
- ⁸ Lütgemeier-Davin R. Pazifismus zwischen Kooperation und Konfrontation. Das Deutsche Friedenskartell in der Weimarer Republik, Köln, 1982. S. 40; Bockel R.V. Ein Beispiel: Die «Gruppe Revolutionärer Pazifisten», in: Harth D. und andere (Hg.) Pazifismus zwischen den Weltkriegen. Deutsche Schriftsteller und Künstler gegen Krieg und Militarismus 1918-1933. Heidelberg. 1985. S. 43-46.
- ⁹ Lütgemeier-Davin R. Op. cit. S. 41; Hackeff A. H.Stöcken Left-Wing Intellectual and Sex Reformer, in: Bridebthal R. und

- andere (Hg.) *When Biology Became Destiny, Women in Weimar and Nazi Germany*. New-York, 1984. S. 109-130.
- ¹⁰ Scheer F.-K. *Die Deutsche Friedensgesellschaft 1892-1933*. Or424.
- ¹¹ Lütge mei er - Davin R. Op. cit. S. 32-36.
- ¹² Lehmann-Rissbüdt O. *Der Kampf der Deutschen Liga für Menschenrechte, vormals Bund Neues Vaterland für den Weltfrieden 1914-1927*. Berlin, 1927. S. 81-132.
- ¹³ Lütgemeier-Davin R. Op. cit. S. 52-56; Eindruckvoll die verbandseigene Dokumentation: *Völkerversöhnende Frauenarbeit*, Hg. Internationale Frauenliga für Frieden und Freiheit, Deutscher Zweig, 6 Teile, München, 1920-1932.
- ¹⁴ Ebd. S. 27-31.
- ¹⁵ Höl l K. *Europapolitik im Vorfeld der deutschen Regierungspolitik. Zur Tätigkeit proeuropäischer Organisationen in der Weimarer Republik*, in: *Historische Zeitschrift* 219. 1974. S. 33-94; Hess J.C. *Europagedanke und nationaler Revisionismus. Überlegungen zu ihrer Verknüpfung in der Weimarer Republik am Beispiel W. Heiles*, in *HZ* 225. 1977. S. 572-622.
- ¹⁶ Lo witsch B. *Der Krieg um die Rein-Mainische Volkszeitung*. Frankfurt, 1980.
- ¹⁷ Lütgemeier-Davin R. Op. cit. S. 69.
- ¹⁸ Ebd. S. 72.
- ¹⁹ Ebd. S. 28.
- ²⁰ Ebd. S. 36; Grunewald G. *Friedenssicherung durch radikale Kriegsdienstgegnerschaft: Der Bund der Kriegsdienstgegner (BdK) 1919-1933*; In: Holl K, Wette W. Hg. Op.cit. S. 77-90.
- ²¹ Lütgemeier-Davin R. Op.cit. S. 47.
- ²² Ebd. S. 56.
- ²³ Ebd. S. 58.
- ²⁴ Ebd. S. 62-65.
- ²⁵ Radke B.M.P. *Oesterichs Kampf für die Demokratisierung des deutschen Schulwesens*. Greifswald, 1961; Böhm W. *Kulturpolitik und Pädagogik P. Oesterich*. Bad Heilbrunn. 1973; Reintges B.P. *Oesterich und der Bund entschiedener Schulreformer*. Rheinstetten, 1975.
- ²⁶ Lütgemeier-Davin R. Op. cit. S. 91.
- ²⁷ Ebd. S. 27, 42, 46, 47, 49, 50, 60, 66, 70.
- ²⁸ Точнее в процентах: 44% — СПГ, 26% — ГДП, 5% — Центристская партия, 25% — неорганизованные. Ebd. S. 22. Wette W. *Sozialdemokratie und Pazifismus in der Weimarer Republik*, in: *Archiv für Sozialgeschichte* 26. 1986. S. 281-300.
- ³⁰ Taube U.J. L. Quidde. *Ein Beitrag zur Geschichte des demokratischen Gedankens in Deutschland*. Kallmünz, 1963. S. 68-79; Scheer F.-K. Op.cit. S. 136-142.
- ³¹ Lütgemeier-Davin R. Op. cit S. 195-202; Scheer F.-K. Op. cit S. 372-385; Riesenberger D. *Geschichte der Friedens-*

- bewegung in Deutschland, Von den Anfängen bis 1933. Göttingen. 1985. S. 199.
- ³² Lütgemeier-Davin R. Op. cit. S. 203.
- ³³ Lütgemeier-Davin R. Op. cit. S. 240-249. Riesenberger D. Op. cit. S. 156; Scheer F.-K. Op. cit. S. 512.
- ³⁴ Dülffer J. Weimar, Hitler und die Marine. Reichspolitik und Flottenbau 1920-1939. Düsseldorf 1973. S. 94; Wacker W. Der Bau des Panzerschiffs A und der Reichstag. Tübingen. 1959.
- ³⁵ Deak J. Weimar Germany's Left-Wing Intellectuals. A Political History of the Weltbühne and Its Circle. Berkeley, 1968.
- ³⁶ Sösemann B. Das Ende der Weimarer Republik in der Kritik demokratischer Publizisten. T. Wolf f, E. Feder, J. Elbau, L. Schwarzschild. Berlin. 1976. S. 34-39, 51-56.
- ³⁷ Lütgemeier-Davin R. Op. cit. S. 174-191.
- ³⁸ Müller H.-H. Der Krieg und seine Schriftsteller. Der Kriegsroman der Weimarer Republik. Stuttgart, 1986. Wette W. Von Kellog bis Hitler, in: Holl K., Wette W. Hg. Op. cit. S. 159-170.
- ³⁹ Scheer F.-K. Op. cit. S. 507-524; Lütgemeier-Davin R. Op. cit. S. 302-314; Riesenberger D. Op. cit. S. 163.
- ⁴⁰ Jung O. Op. cit. S. 235.
- ⁴¹ Lütgemeier-Davin R. Op. cit. S. 302-316.
- ⁴² Donat H., Wieland L. Hg. Das Andere Deutschland. Eine Auswahl (1925-1933). Königstein, 1980. S. XLIX.
- ⁴³ Drechsler H. Die Sozialistische Arbeiterpartei Deutschlands (SAPD). Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung am Ende der Weimarer Republik. Meisenheim. 1965. S. 86; Scheer F.-K. Op. cit. S. 523.
- ⁴⁴ Scheer F.-K. Op. cit. S. 554; Riesenberger D. Op. cit. S. 160.
- ⁴⁵ Scheer F.-K. Op. cit. S. 523; Jung O. Op. cit. S. 230.
- ⁴⁶ Drechsler H. Op. cit. SS. 138, 187, 209, 244, 249, 301, 309.
- ⁴⁷ Scheer F.-K. Op. cit. S. 522.
- ⁴⁸ De n a t H., Wieland L. Hg. Op. cit. S. LI-LVII.
- ⁴⁹ Jung O. Op. cit. S. 230; Scheer F.-K. Op. cit. S. 522.

ПРОБЛЕМЫ МИРА ВОЙНЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ [1919-1939 гг.]

К. Роббинс

Коалиционное правительство, как и весь народ Великобритании, вышли из закончившейся перемирием в ноябре 1918 г. первой мировой войны со смешанным чувством оптимизма и тревоги относительно будущего. Сама война длилась дольше, чем большинство людей ожидали в 1914 г. Она привела к потере человеческих жизней в неимоверных масштабах. После некоторого колебания относительно разумности участия Великобритании в войне и вынужденного ухода в отставку отдельных членов правительства кабинетов министров либеральной партии в 1914 г. с энтузиазмом вверг страну в вооруженный конфликт. Нет сомнений, что первоначально война была популярной, хотя Великобритания единственная среди великих держав не имела большой армии и не рассчитывала на воинскую повинность. Пропагандистские кампании в поддержку вербовки находили горячий отклик. Убедить население, что поведение Германии, особенно в вопросе нарушения нейтралитета Бельгии, недопустимо, не представляло труда. Большинство британцев верили, что мотивы вступления страны в войну являлись справедливыми и бескорыстными¹.

Термин пацифизм, или более общий пацифистское движение, вошел в обиход именно в этот период. Точное значение термина оставалось неясным. Он мог означать либо жесткое и абсолютное неприятие войн при любых обстоятельствах и отказ от участия в них в каком бы то ни было виде, либо общее предпочтение мира войне, не исключаяющее в определенных условиях гибкого подхода к этой проблеме. Эти взгляды являлись крайними, однако в стране было множество людей, относящих себя к сторонникам движения мира и занимающих центристскую платформу².

Общеизвестно, что «моральный» пацифизм, правда, не всеобъемлюще, базируется на религиозных основах. Квакеры и другие протестантские вероисповедания считали участие в

войне противоречащим воле Господней, хотя реально они не были единомышленны во взглядах. После наполеоновских войн, поддерживавшие это направление мужчины, а иногда и женщины непреклонно агитировали против всякой войны, хотя в эру имперской экспансии к их голосам всерьез не прислушивались. Общество мира не имело ни средств, ни поддержки, чтобы оказывать основательное противодействие, и не могло предотвратить вступление в войну ни одного в XIX в. правительства Великобритании, если последнее принимало такое решение. Декларируемые этими обществами преимущества мира вызывали уважение, но игнорировались. Одним из подтверждений этому стала война в Южной Африке, и ни одно из событий последующего десятилетия не изменило такого положения.

Поэтому неудивительно, что последовал призыв к новому пацифизму, который мог бы стать более эффективным в случае поддержки со стороны народа. Наиболее известным проповедником такого образа мыслей был человек, известный под псевдонимом Норман Энджел, чья книга «Великая иллюзия» в предвоенные годы, не только являлась бестселлером в Великобритании, но была хорошо известна во всем мире. Энджел, имевший опыт работы в области журналистики, считал, что к вопросам войны и мира следует подходить радикально. Предпринятое в прошлом простое разоблачение войн не предотвращало их развязывания. Следовало показать, и Энджел рассчитывал справиться с этой задачей, что в том мире, каковым он становился в XX столетии, война превратится в бессмыслицу. Правительства ввязывались в войну в прошлом и пользовались поддержкой народа, поскольку считали, что из завоеваний можно извлечь выгоду. Это была великая иллюзия. В процессе войны завоеватель мог вполне понести такие же потери, что и обруженные им на завоеванного. Мировая торговля неуклонно становилась все более взаимообусловленной и в результате войны пострадали бы все. Аргументы Энджела, приводимые значительно искуснее, нежели в нашем кратком обзоре, были чрезвычайно привлекательны. Однако, какими бы достоинствами они не обладали, это была лишь частная точка зрения, которая для предотвращения войн должна была бы быть признана всеми правительствами.

Бытовавшее мнение, будто капитализм и торговля обеспечат мир, а милитаризм является докапиталистическим пережитком, не представлялось убедительным различным течениям британского социализма, существовавшим в начале XX в. Напротив, капитализм часто представляли как наи-

более общую причину войн и вооруженных конфликтов. Угроза миру, дескать, будет существовать столько, сколько и капитализм, так как последний по самой своей природе является захватническим и хищническим. Однако между английскими социалистами марксистского и немарксистского течений имелись различия в акцентах и интерпретации, правда, это были крайние, в отличие от центристских позиций. Социалисты стремились через II Интернационал завязать связи с социалистами континента в надежде, что пролетарская солидарность сделает большую европейскую войну невозможной⁴.

Эти три различные течения выступали против избранного в 1906 г. правительства либералов первоначально выдвинувшего программу в поддержку призывов Либеральной партии к «миру, экономии и реформе», но позволившего ввергнуть себя в гонку вооружений в области военно-морского флота в целях достижения превосходства над Германией. Это, в свою очередь, сопровождалось расширением обязательств по англо-французскому соглашению 1904 г. и подписанием в 1907 г. англо-русской конвенции. По мере того как Великобритания все глубже втягивалась в систему континентальных союзов, дни «блестящего одиночества» (английская доктрина отказа от длительных союзов с двумя державами) подходили к концу, хотя ни один формальный договор о союзе к 1914 г. подписан не был. Роль, отводимая Великобритании в Тройственном соглашении (Антанте), вызывала сильную озабоченность части членов парламента от Либеральной партии, однако правительство не испытывало больших затруднений в проведении своей линии. Политики и чиновники Форин оффиса продолжали считать, что достижение в будущем «баланса сил» есть наилучшая основа предотвращения европейской войны. Обычно ораторы того времени подчеркивали, что в этой войне Великобритания не имеет собственных интересов, хотя и не исключает участия в ней, ибо в противном случае может возникнуть преимущество какой-либо конкретной силы, что поставит под угрозу британскую независимость.

Это предпочтение мира имело различные истоки. В официальных доктринах Великобритании собственные интересы сочетались с благородством. Во-первых, Британская империя в границах XIX в. уже простиралась по всему миру. Проблематичной представлялась возможность дальнейшего расширения империи и с точки зрения способности Великобритании защищать и управлять своими владениями. Другими словами, Великобритания являлась «удовлетворенной»

державой, более заинтересованной в «переваривании» того, чем владела нежели в сопряженных с риском новых колониальных захватах. Стремление Великобритании к миру на этой основе часто характеризовалось в Германии как лицемерное. Во-вторых, положение Великобритании как мировой державы опиралось на превосходство в военноморском флоте. Это превосходство вызывало сомнение, и поэтому поддержание Великобританией международного мира было, по крайней мере, частично, связано со стремлением предотвратить довооружение других военноморских держав. В-третьих, в годы, предшествующие 1914-му, освоение воздушного пространства свело на нет благоприятное в военном отношении островное положение Великобритании. Страна стала уязвимой для нападения в результате применения ранее неизвестных средств.

В результате в 1914 г. ни правительственная приверженность к миру, ни более радикальное отношение к миру со стороны ранее упомянутых трех течений не смогли предотвратить вступление Великобритании в войну. Однако это не означало, что решение было принято легко или без опасения возможных последствий. Правительство должно было объявить свое решение в палате общин, и отдельным депутатам предстояла борьба со своей совестью. Войну предлагалось рассматривать как великий крестовый поход против германского милитаризма. Это не был простой территориальный конфликт. На карту были поставлены великие цели. Первоначально «военные устремления» Великобритании были сформулированы с трудом, хотя в ходе войны перед кабинетом министров была поставлена задача рассмотреть вопрос о возможных «трофеях», в частности колониях Германии. Однако уже с самого начала это должна была быть «война за окончание войн». Простой акт поражения Германии откроет широкие перспективы в этом направлении, поскольку ответственность за развязывание войны была возложена на Германию. Оставалось неясным, будут ли осуществляться процессы «демилитаризации» и «демократизации» Германии, и если будут — то каким образом; возможно, что указанные два процесса на самом деле являлись одним. Одновременно не покидало беспокойство, что доминирующее положение Германии в Европе может быть занято Россией, разве только союзник Великобритании — Россия — также претерпит демократизацию и предоставит независимость народам в пределах Российской империи.

Чем дольше продолжалась война, тем более проблематичной она становилась как для правительства Великобри-

тании, так и для ее народа. С точки зрения правительства, вызывало беспокойство возможность отказа армии воевать в условиях, когда результат представлялся почти недостижимым. Но еще более важной стала задача убедить как солдат, так и гражданское население, что результат войны имеет огромное значение для человечества. Если бы мир был восстановлен в результате переговоров, то он лишь сохранил бы условия, которые сделали войну возможной, другими словами, было необходимо «уничтожить» войну, чего невозможно было достичь без победы как неопременного условия.

Именно в этом контексте отдельные индивидуумы и целые группы по обе стороны Атлантического океана захватила идея создания Лиги наций. Различные схемы такой организации, отличаясь в деталях, исходили из осознания того, что существовавшая до 1914 г. мировая система себя не оправдала и должна быть заменена на нечто лучшее. Стремление к «балансу сил» не обеспечило стабильности, а привело к бесконечному обману, направленному на достижение преимущества или превосходства. Создание альтернативы должно было сопровождаться сравнительно фундаментальной перестройкой методов международного общения. Дни «старой» или «секретной» дипломатии миновали. Это было время, когда для народов должен был наступить великий день начала разумной и открытой дискуссии.

Концепция создания Лиги наций привлекала как правительство, так и «оппозицию».

Пацифисты равного толка сдерживались в проявлениях своих убеждений, однако их идеи не были полностью аннулированы. В 1915 г. христиане различных вероисповеданий основали Братство примирения. Созданное ранее братство отказа от воинской повинности не просто призывало к уклонению от призыва на военную службу, но пыталось повлиять на далеко идущие последствия; во многих случаях это был отказ от различных форм «альтернативной службы», что сделало популярным появление «лиц, отказывающихся от военной службы». Вскоре после начала войны возник Союз демократического контроля, сила и влияние которого расширялись по мере продолжения войны. Однако, по крайней мере, формально, эта организация не была пацифистской. Усилия этой организации, как следует из ее названия, были направлены на поиск путей и средств, способных укрепить голос общественности. При этом считалось, что в войне виновато правительство, и уделялось мало

внимания тому факту, что к войне его, в частности, могло подтолкнуть мнение народа⁵.

В целом нельзя было не согласиться, что Лига наций, по-видимому, сможет обеспечить лучшие возможности для сохранения мира, чем существовавшая до 1914 г. «международная анархия». Безусловно, после огромных людских потерь, которые все понесли, страны должны были объединиться общим интересом к «коллективной безопасности». Несомненно, всем государствам следовало бы объединить усилия по пресечению преступных действий. И все же, кроме этих, носящих общий характер аргументов, существовали трудные вопросы, предполагающие различные ответы. Следовало ли Лиге быть открытой для всех государств, или она должна была объединить, хотя бы вначале, лишь страны, воевавшие против государств Центральной Европы? Должна ли Германия быть допущена в Лигу на равных условиях с самого начала, жест, свидетельствующий о примирении или ее следовало принять «на пробу» и окончательно допустить лишь впоследствии, при «демонстрации хорошего поведения»? Являлась ли Лига зародышем мирового правительства, которому страны — члены Лиги со временем пожертвуют, по крайней мере, некоторую часть собственного суверенитета (при условии, что суверенитет можно разделить?). Должна ли Лига обладать собственными вооруженными силами в составе военного контингента государств — участников Лиги, способного, в определенной степени, действовать независимо от них? Или любые разговоры о Лиге наций, как об организации, обладающей или даже имеющей доступ к вооруженным силам, являются просто возвратом к идеям, дискредитировавшим себя в 1914 г.? Будут ли в задачи Лиги входить не только убеждения и ведение переговоров, но, если это окажется абсолютно необходимо, они будут дополнены санкциями, в основном экономического характера, которые все страны будут вынуждены применять против государства, совершившего противоправное действие? Что произойдет с претензиями Лиги на представление мирового сообщества, если кроме тех государств, которые могут быть не допущены в Лигу, окажется еще ряд игравших важную роль стран, которые могут уклониться от присоединения? Все эти перечисленные проблемы формировали отношение Великобритании к Лиге Наций к концу войны. Правительство чувствовало себя обязанным способствовать общему воодушевлению, хотя личное отношение Ллойд Джорджа к этой проблеме оставалось тайной. Не было другого пути, кроме как предоставить этому новому подходу к

проблеме войны и мира возможность проявить себя. Для стимулирования этого грандиозного проекта на основе всесторонней внепартийной поддержки две организации — Общество Лиги Наций и Ассоциация Лиги свободных наций — объединились под названием Союз Лиги наций⁶.

Однако, это не являлось единственным новым элементом в международном и внутреннем положении Великобритании. Изменения, происходившие в России в 1917 г. и завершившиеся Великой Октябрьской социалистической революцией, вызывали различное отношение у правительства и народа. С официальной точки зрения, выход России из войны и внутренние предубеждения, предполагающие невозможность победы над Германией в 1918 г. в качестве последствий, по крайней мере кратковременных, устранили опасения, что поражение Германии будет сопровождаться имперской экспансией России в Центральную и Юго-Восточную Европу. С той же официальной точки зрения, представлялось вполне вероятным, что сам по себе большевизм, если ему позволить консолидироваться, может представлять угрозу для мира буржуазной демократии Западной Европы. В кабинете министров происходили острые дебаты относительно возможного вооруженного вмешательства в начавшуюся в России гражданскую войну. Было решено оказать помощь противникам большевизма, однако, полномасштабная интервенция Великобритании сразу по возвращении к «миру» признавалась невозможной, хотя и желательной, ни в политической, ни в военной областях. И сторонники, и противники большевиков оказались согласны в том, что положение в Центрально-Восточной Европе являлось в значительной степени нестабильным.

Однако, проблема заключалась не только в этом. Вскоре стало очевидным, что президент Вильсон, так красноречиво говоривший о Лиге наций, не собирался подкреплять свои слова членством Соединенных Штатов Америки в этой организации. Внезапно Лига наций становилась очень далекой от всемирной организации. В Форин офисе стали раздаваться голоса против участия Великобритании в Лиге наций в новых условиях. Было бы безусловно ошибкой связывать внешнюю политику Великобритании с деятельностью такой ненадежной организации.

Другим важным изменением во внутренней жизни Великобритании к концу войны было утверждение в 1918 г. Народного акта, дававшего избирательное право всем мужчинам и женщинам, достигшим 30-летнего возраста. Первые послевоенные всеобщие выборы одобрили продолжение дея-

тельности коалиционного правительства военного времени, возглавляемого Ллойд Джорджем. Политические деятели лейбористской партии, считавшиеся пацифистами, набрали незначительное число голосов. Среди избирателей было сильно стремление заставить Германию платить и обеспечить прочный мир, а также ширилось мнение, что это всего лишь кратковременная реакция, которая, видимо, быстро исчезнет по мере ослабления военной лихорадки. В связи с этим лейбористская партия (и, возможно, даже вновь созданная Коммунистическая партия Великобритании) в условиях действия новых правил участия в выборах могла ожидать устойчивого прогресса на выборах, хотя мало кто предвидел появление лейбористского правительства, даже не обладающего всеобщим парламентским большинством, уже в 1923 г., и что Рамсей Макдональд, являвшийся пацифистом во время войны, станет премьер-министром.

Приход к власти лейбористов породил надежды и тревоги, в отношении проблем войны и мира. Комментируя Версальский мирный договор, лейбористская партия резко критиковала отдельные его статьи и решения: например, включение судетского немецкого меньшинства в состав новой Чехословакии. Лейбористы высказывали пожелание при малейшей возможности пересмотреть некоторые из статей этого договора, и безусловно, не считали Версальское соглашение идеальным. Среди некоторой части общества поддерживавшей лейбористов, появлялись надежды, что лейбористское правительство предпримет решительные шаги в целях установления дипломатических торговых и других отношений с Советским Союзом. Это не означало бы, что лейбористы всем сердцем поддерживают происходившие в Советском Союзе перемены, равно как они не желали бы целиком оставаться на позициях критики и подозрительности. Бытовала также надежда, обычно в тех же кругах, что лейбористы произведут значительные изменения в структуре правительства Великобритании и в самом порядке принятия решений. В частности, они полагали, что, Форин офис не будет резко реагировать на существующие взгляды в рабочем движении.

Однако лейбористы недолго оставались у власти и не обрели достаточной поддержки в парламенте, чтобы продвигаться вперед в этих и более радикальных направлениях. Их поражение и замена консервативным правительством, обладавшим всеобщим парламентским большинством, было с разочарованием воспринято небольшими группами пацифистов, надеявшихся на лучшее. Одной из таких групп яв-

лялось движение за предотвращение войны, основанное в 1921 г. вместо Братства отказа от воинской повинности. Известно также, что Союз демократического контроля так никогда и не был восстановлен после того, как в 1924 г. для участия в работе правительства Макдональда союз покинули его ведущие члены, которые так и не смогли воплотить в жизнь свои идеи в существующей в Европе обстановке.

В середине 20-х годов Союз Лиги наций сделал большой шаг вперед и превратился в основной форум, где обсуждались проблемы войны и мира. В 1925 г. союзу была пожалована Королевская хартия, а число подписей, собранных им в том же году, составило более 250 тыс. — цифра, которая в 1931 г. возросла до более 400 тыс. Масштаб и цели деятельности Союза Лиги наций, как на местах, так и в общенациональных рамках, сразу выделило его в особую категорию по сравнению с другими обществами мира. Это была крестоносная организация, проводящая шумные кампании, способная критиковать консервативное правительство (хотя и являющаяся официально «внепартийной»). Лига наций пользовалась репутацией настолько честной и лишенной противоречий организации, что ее заслуги изучали в школах Великобритании. Лишь некоторые отделения лейбористской партии усматривали факты, которые позволяли им характеризовать Лигу как «капиталистический заговор».

В этой связи нетрудно понять ту популярность, которой пользовалась Лига. Его сторонники критически относились к тому, что министр иностранных дел консервативного правительства сэр Остин Чемберлен в переговорах с Францией и Германией возвращался к дипломатии старого стиля. Однако им успешно удалось ознаменовать начало новой «эры Локарно», в которой Великобритания, Франция, Германия и Италия обязались поддерживать мир с помощью нового типа дипломатии «согласия», проводимой параллельно женевской. И еще один факт свидетельствовал о примирении — Германия была допущена в Лигу наций. Консервативное правительство Великобритании действовало более уверенно в проведении политики упрочения европейского мира, чем любое другое с момента окончания войны.

Если согласиться с тем, «что деятельность в пользу сохранения мира» обычно «наилучшим образом расцветает на симбиозе пессимизма и оптимизма», то это хорошее время для движения мира, с успехом занимавшего центральное место в политике Великобритании. Это движение не входило в фундаментальные противоречия с современным ему правительством, за исключением действительно высказанного мне-

ния о том, что пришло время начинать тщательную подготовку мировой конференции по разоружению. Безусловно, само консервативное правительство не желало начинать больших оборонных дорогостоящих программ. Существовало общее мнение, что Великобритания не должна помышлять о создании крупной армии, которой пришлось бы воевать в основном на территории Европы. Совместное воздействие политического и экономического давления в 1919 г. определило значительное сокращение созданной к концу войны армии.

Королевский военно-морской флот по-прежнему оставался основной силой Великобритании, однако никакой флот уже не мог иметь того преимущества, которым он когда-то обладал; этот факт был подтвержден на конференции в Вашингтоне и при последующих обсуждениях вопросов паритета между ведущими военно-морскими державами мира. Настолько всеохватывающей была вера в то, что мир стал «нормой», что планирование обороны Великобритании осуществлялось в соответствии с «Принципом десяти лет» — ежедневно обновляемым предложением, что в течение ближайших десяти лет войны не будет. К тому же имелись основания считать, что Британская империя находится в относительно безопасной обстановке. Были факты, свидетельствующие о недовольстве в Индии, однако эта страна не выходила из-под контроля. Ирландская проблема была «решена». В 1926 г. была найдена формула, предоставляющая статус самоуправления «доминионам» в пределах Британской империи — Содружество; эта формула удовлетворила их непосредственные чаяния.

Во многих сферах проявился некий «изоляционизм». Роль английской дипломатии сводилась к содействию установлению хороших отношений между Францией и Германией. Консервативное правительство не собиралось налаживать более тесные взаимоотношения с Советским Союзом; напротив, дипломатические отношения были близки к разрыву.

Поэтому подписание Пакта Бриана—Келлога через десять лет после окончания войны воспринималось как еще одно свидетельство решимости государств исключить войну из политического инструментария. В Великобритании это сопровождалось дальнейшими призывами «усилить» роль Лиги в рассмотрении международных споров, однако их результаты были весьма скромными. После прихода к власти консерваторы отвергли женевский протокол, однако премьер-министр лейбористов Макдональд, оставаясь он у власти, по-видимому, поступил бы так же. В общем, при по-

добном положении дел лейбористская партия становилась более приемлемой для Лиги. Отдельным лицам оставалось расставить различные акценты, как это было в случае «Письма мира» — радикального пацифистского документа, отправленного министром находящегося в отставке лейбористского правительства Артуром Понсонби премьер-министру Болдуину в декабре 1927 г. После длительной кампании Понсонби удалось собрать 128 тыс. подписей. Если бы он направил свое послание годом позже, то мог бы рассчитывать на большее число подписей, поскольку десятая годовщина перемирия вызвала публикацию книг, пьес и мемуаров, касающихся первой мировой войны. Название книги Роберта Грейва «Прощай все это» было весьма показательным. Война была бесплодна и бессмысленна¹.

На этом фоне после всеобщих выборов 1929 г. было сформировано лейбористское правительство. Впервые лейбористы стали крупнейшей партией в парламенте, однако им по-прежнему недоставало большинства в палате общин. Премьер-министром вновь стал Макдональд, но на сей раз министром иностранных дел он назначил А.Гендерсона. Макдональд всегда несколько скептически относился к Лиге наций, однако Гендерсон являлся ярким ее сторонником и был полон решимости сделать успешную деятельность Лиги ключевым аспектом внешней политики Великобритании. Поэтому неудивительно, что между ними возникали трения в подходах к международным проблемам.

В известной степени эти расхождения не вызывали беспокойства общественного мнения, которое было возбуждено грядущей возможностью всеобщего разоружения. В январе 1931 г. было достигнуто соглашение, что Всеобщая конференция по разоружению состоится в Женеве в феврале 1933 г. В сложившейся обстановке не было смысла тратить время, обсуждая истинный смысл «коллективной безопасности». Широкое распространение получила точка зрения, что развязывание войны все менее и менее вероятно. По мнению Великобритании, намного более неотложной проблемой являлся разразившийся в конце лета 1931 г. финансовый кризис, приведший к краху лейбористского правительства и его замене на «национальное» правительство, премьер-министром которого, по-прежнему, являлся Макдональд, но которое теперь почти полностью зависело от поддержки консерваторов. Это новое правительство на последних всеобщих выборах получило подавляющее большинство. Лейбористская партия оказалась в униженном положении.

Смена администрации стала очень важным событием, совпавшим по времени с действиями японцев в Маньчжурии — первое указание на то, что грядущее десятилетие 30-х годов разочарует тех, кто считал войну отжившим явлением. Пока лейбористы находились у власти, Макдональд был озабочен тем, чтобы реакция партии была «соответствующей». Теперь ситуация изменилась, и, поскольку Макдональд дискредитировал себя, находящаяся в оппозиции лейбористская партия более не чувствовала за собой обязательств вести себя сдержанно. Консенсус, вобравший в себя широкий спектр «пацифистских» воззрений, начинал распадаться. В среде «левых» росло ощущение происходящего глобального политического и экономического кризиса. По-видимому, эре, которую можно было бы охарактеризовать как триумф фашизма, требовалась новая стратегия борьбы за мир. Напряженность между «воинствующим фашизмом» и «сохранением мира» стала более очевидной.

Существовавшие в 30-х годах движения мира наилучшим образом можно представить как ряд обществ и организаций, тянувших в известном смысле в разные стороны. С одной стороны, существовало антивоенное движение Великобритании, образованное в ноябре 1932 г., сформированное в результате состоявшегося в августе в Амстердаме Мирового антивоенного конгресса. На октябрьской 1933 г. конференции лейбористской партии лидеры заявили, что не будут участвовать в войне. Последовал еще один призыв ко всеобщей стачке, направленной против военной истерии. Но при всем этом, все же оставались члены партии, считавшие, что в свете прихода Гитлера к власти в Германии подобная позиция ошибочна, хотя они и разделяли мнение, что национальное правительство не заслуживает доверия⁸.

К этому же периоду относятся различные другие вошедшие в историю 30-х годов события, отражавшие беспокойство и озабоченность. В феврале 1933 г. студенты Оксфордского университета, члены дискуссионного общества, развернули движение под лозунгом «этот дом ни при каких условиях не будет воевать за своего короля и страну». Это течение, имевшее в определенном смысле лишь очень ограниченное местное значение, вскоре приобрело широкую поддержку. Сливки молодежи нации явно отвергали призывы к патриотизму. Ясно, что основной удар был направлен против любой войны, хотя позже и было провозглашено, что некоторые из тех, кто поддерживал движение, должны подготовиться к борьбе по другому поводу. Тогда же, в октябре 1933 г., после кампании, в ходе которой отмечалось,

что лишь лейбористы серьезно озабочены вопросами мира и разоружения, консерваторы на выборах в Восточном Фулхэме уступили свои позиции лейбористам.

Приведенные примеры свидетельствуют о неоднозначности таких слов, как «пацифизм», в современном представлении. Разные люди под этим термином понимают различные вещи, и, кроме того, под влиянием изменений в международной жизни образ мыслей людей или, по крайней мере, акценты, ими расставляемые, также очень быстро меняются. Широкое распространение получили диспуты вокруг понятия «непротивление», и в этой связи деятельность Ганди в Индии обладала несомненной притягательностью в глазах определенных кругов. Некоторые ораторы и писатели отмечали логическую последовательность «всеобщего пацифизма», однако они также были согласны с тем, что маловероятно, чтобы это убеждение превратилось в «практическую политику». Так правильно ли было именовать «пацифистами» сторонников «коллективной безопасности»?⁹

Эти различные аспекты можно проиллюстрировать на примере двух значительных событий в середине 30-х годов. В октябре 1934 г. Дик Шеппард — широко известный священник англиканской церкви — разослал в газеты письмо с просьбой к читателям прислать ему почтовые карточки, в которых они давали бы обет никогда более не поддерживать войну. Отклик оказался весьма обнадеживающим, и в последующие несколько месяцев он находился в центре общественного внимания. В итоге, в мае 1936 г. был образован Союз приверженцев мира, быстро получивший около 100 тыс. «обетов» и поддержку таких интеллектуалов, как Бертран Расселл и Олдас Хаксли. Непродолжительное время даже считалось, что это движение может оказать воздействие на политическую жизнь.

С другой стороны, существовала идея «Плебисцита мира», выдвинутая лордом Сесилом из Союза Лиги наций. Предполагалось провести референдум среди населения Великобритании по конкретной проблеме мира. С осени 1934 г. по май 1935 г. по всей Англии шла подготовка к референдуму под руководством Комитета «Национальная декларация» при поддержке лейбористской и либеральной партий, обществ мира и церквей. Это было грандиозное мероприятие, сыгравшее, как выяснилось впоследствии его организаторами, роль вердикта для национального правительства. Основной целью плебисцита было определение степени поддержки народов Лиги наций, разоружения и всемирного запрета на производство и продажу вооружений частными

фирмами. Однако, по-видимому, центральный вопрос касался государств-агрессоров. Участвовавших в плебисците просили ответить, поддерживают ли они: а) экономические меры и меры невоенного характера, или б) военные меры. Почти 90% поддержали первую группу мер и менее 60% одобрили группу мер военного воздействия. Безусловно, сторонники правительства часто выступали с критическими заявлениями, что выдвинутые для рассмотрения вопросы вводят в заблуждение, и нет сомнения в том, что они преднамеренно составлены чтобы показать в возможно большей степени наличие единства между пацифистами. В итоге, в этом мероприятии приняло участие почти 40% от общего контингента избирателей¹⁰. Правительство было вынуждено принять во внимание сделанные заявления.

Результаты голосования поставили национальное правительство в очень неловкое положение. Было ясно, что концепция «коллективной безопасности» чрезвычайно привлекательна для населения Великобритании, однако это вовсе не означало, что эта концепция жизнеспособна в существовавших условиях. Разразившийся в конце 1935 г. абиссинский кризис вновь затронул проблемы войны и мира. Правительство Болдуина заявило о приверженности идее мира, однако отметило, что желаемый результат может быть достигнут лишь в случае, если все государства примут ее. Критики позиции правительства считали, что оно в действительности не принимает указанную концепцию всерьез, а надеется, что наиболее эффективными санкциями против агрессии являются близкие к военным. Безусловно, спектр существовавших мнений представлен здесь чрезвычайно упрощенно. Некоторые представители левых партий считали, что критика британским империализмом итальянского империализма лицемерна. Некоторые «правые» считали Германию наиболее серьезной угрозой европейскому миру, а разрыв с Италией в подобных условиях полагали абсурдным.

Результатом стала общая неразбериха. С этого времени поддержка Лиги наций со стороны народа пошла на убыль несмотря на вступление в эту организацию Советского Союза. Представлялось, что выбирать следовало из двух концепций: либо не зависящий от обстоятельств абсолютный пацифизм, либо мнение в традиционном духе баланса сил. В этой связи наиболее привлекательным для многих левых сил, а также и для некоторых правых являлся альянс с Советским Союзом. Казалось, что мир наилучшим образом можно сохранить, создав твердый оборонительный союз Ве-

Великобритании, Франции и СССР, с участием ряда малых государств. Но также было очевидно, что ни Болдуин, ни его преемник Чемберлен не испытывали энтузиазма относительно этого проекта. Следующие всеобщие выборы должны были состояться лишь в 1940 г.

Даже в этой обстановке многие продолжали считать себя пацифистами, не приемлющими подход, при котором безопасности можно было достичь лишь в результате создания устрашающих союзов. По их мнению, подобная система провалилась в 1914 г. и могла легко провалиться вновь. Тревога общественности относительно природы будущей войны неуклонно возрастала по мере приближения самой ее возможности. Можно было лишь строить предположения, однако во многих кругах бытовало мнение, что в момент начала войны населенные пункты Великобритании подвергнутся опустошительной бомбардировке. Поэтому не вызывает удивления, что многие пацифисты усматривали некую добродетель в умиротворении. Общеизвестным считался тот факт, что Германия была ущемлена Версальским договором. Следовало попытаться договориться о заключении нового соглашения, которое бы ликвидировало часть законных поводов для недовольства со стороны Германии. К сказанному следует добавить существование «изоляционистского» лобби, которое энергично выступало против вооруженного вмешательства Великобритании в будущий европейский конфликт. В этих условиях невозможно было провести твердую линию между мнениями «умиротворителей», «пацифистов» и «изоляционистов»¹¹.

Летом 1938 г. большинство англичан склонялось в сторону примирения и переговоров, а не к принятию идеи неизбежности войны. Пацифисты в принципе были представлены сторонниками прагматического подхода, которые считали, что Великобритания не готова к участию в каком-либо вооруженном конфликте. Соответствующая подготовка, по их мнению, требовала большого времени. В других кругах полагали, что даже если Великобритания победит в возможной войне или окажется в лагере одержавшей победу коалиции, сами последствия конфликта роковым образом подорвут жизнеспособность и энергию Британской империи.

Таковы были настроения, лежащие в основе той поддержки, которую Чемберлен получил до, в момент и после Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 г. Трудно было противиться заявлению, что премьер-министр действительно достиг «мира в наше время», и хотелось верить, что это соглашение будет долгосрочным, несмотря на то, что проис-

ходило в Чехословакии, и несмотря на определенный скептицизм, связанный с устремлениями Гитлера. Достигнутое вызвало огромное чувство облегчения в душах многих пацифистов, хотя и смешанное с чувством стыда. Однако к весне 1939 г. после вторжения Германии в Богемию и Моравию по общему признанию общественное мнение в Великобритании начало становиться более жестким. Война начинала представляться неизбежной, и единственным благоразумным курсом представлялось перевооружение.

По словам Мартина Сидела, имелись «небольшие группы социалистических противников войны, отдельные пронацистски настроенные попутчики и пацифистское движение довольно внушительных размеров по историческим или сравнительным меркам, но в то же время слишком небольшое, покоренное и усмиренное, чтобы оказывать политическое воздействие, на которое оно когда-то рассчитывало»¹². Короче говоря, мало кто теперь верил, что войну удастся предотвратить. Правительство могло бы объявить о начале войны в сентябре 1939 г., и это не вызвало бы массового протеста, как это могло бы быть еще пять лет тому назад. Оставались еще десятки тысяч лиц, отказывающихся от военной службы либо по религиозным мотивам, либо по мирским соображениям, однако они не представляли серьезных политических препятствий. Несмотря на все сказанное об ужасах войны за предыдущие 20 лет, казалось, что в конце концов существуют бедствия еще более страшные, чем сама война.

Каковы же выводы? «Движение мира» в Великобритании в период между двумя войнами было четким и выразительным. Его призывы получали отклик среди населения, которое надеялось, что война 1914-1918 гг. положит конец войнам. Основательных расхождений между правительствами различной политической окраски и народом не было. Ни одно из правительств Великобритании не собиралось участвовать в войне, если этого можно было избежать. Однако имелись разногласия этого толка не только между правительствами и группами общественного мнения, но также и в самом движении мира, касающиеся наилучшей стратегии в достижении «окончания войн». На некоторое время возникло общее согласие, что Лига наций может быть «организацией мира», однако, когда в 30-х годах надо было принимать жесткие решения, этот консенсус стал распадаться.

Движение мира не могло оказывать сильного и последовательного давления, поскольку оно не было однородно. Но несмотря на последовавшее в итоге поражение, общественный интерес к проблемам войны и мира в период между двумя войнами находился в Великобритании, по-видимому, на наиболее высоком уровне, чем в любом другом европейском государстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Robbins K. Sir Edward Grey. L., 1971; Steiner Z. Britain and the Origins of the First World War. L., 1977.
- ² Общее обсуждение проблем, связанных с терминологией и определением см.: Ceadel M. The Peace Movement between the wars; problems of definition // R. Taylor, Campaigns for Peace Eds. R. Teylor., N. Young. Manchester, 1987. P. 73-99, Thinking about Peace and War. Oxford, 1987. Peace Movements and Political Cultures Ed. C. Chatfield, P. van den Dungen. Knoxville. 1988.
- ³ Miller J.D.B. Norman Angell and the Futility of War: Peace and the Public Mind. L., 1986; Cornelia Navari. The great illusion revisited: the international theory of Norman Angell // Review of International Studies. 1989. Oct. Vol. 15 (4). 1989. P. 341-358.
- ⁴ Newton D.J. British Labour European Socialism and the Struggle for Peace 1889-1914. Oxford, 1985.
- ⁵ Robbine K. The Abolition of War / The «Peace Movement» in Britain 1914-1919. Oxford, 1976; Swartz M. The Union of Democratic Control in British Politics during the First World War. Oxford, 1971; Kennedy T.C. The Hound of Conscience. Fayetteville. 1981.
- ⁶ Birn D.S. The League of Nations Union 1918-1945. Oxford, 1981.
- ⁷ Ceade L.M. Popular Fiction and the Next War, 1918-1939 // Cloversmith F. Class, Culture and Social Change: a New View of the 1930s Brighton, 1980.
- ⁸ Shaw Martin. War, Peace and British Marxism, 1895-1945 // Campaigns for Peace. P. 49-72.
- ⁹ Ceadel Martin. Pacifism in Britain 1914-1945: The Defining of a Faith. Oxford, 1980. Idem. The King and Country debate, 1933: student politics, pacifism and the dictators // Historical Journal 1979. 22. N.
- ¹⁰ Ceadel Martin. The First British Referendum: the Peace Ballot, 1934-1935 // English Historical Review (1980); Pugh M. Pacifism and Politics in Britain, 1931-1935, Historical Journal 1980 № 23.

- ¹¹ Robins K. *Appeasement* Oxford 1988 Bisceglia L.R. Norman Angell and the «Pacifist» Movement // Bulletin of the Institute of Historical Research 1972 № 45. Lukowitz D. British Pacifist and Peace Pledge Union // Journal of Contemporary History. Jan. 1974, №9. P. 115-127.
- ¹² Campaigns for Peace. P. 95; Hinton James *Protests and Visions: Peace Politics in Twentieth-century Britain*. L., 1989. P. 114-117.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ АНТИВОЕННЫЕ СТРАТЕГИИ 30-ГОДОВ В США

Ч. Чэтфилд

Тридцатые годы начались событиями, превращавшими усиление попыток создания эффективной антивоенной коалиции, и в то же время полярными различиями во взглядах разных фракций движения мира.

Японские войска вторглись в Маньчжурию в сентябре 1931 г. Американский государственный департамент ответил на этот агрессивный акт доктриной Стимсона, в которой заявлялось, что США не признает никаких соглашений, нарушающих территориальный или политический суверенитет Китая. Лига наций была нерешительна: сформировав комиссию по расследованию и осудив Японию, она в то же время пыталась оставить открытым путь для мирных переговоров на Дальнем Востоке. Примерно через 18 месяцев после нападения Япония вышла из Лиги наций.

Маньчжурский кризис оказался в центре внимания американского движения мира, которое до того концентрировало свою деятельность на весьма отдаленных вопросах, связанных с международной организацией, международным правом и моральным возрождением. Даже программа сокращения вооружений на принципах межгосударственного соглашения, нацеленная на объединение движения, была подорвана кризисом.

В апреле 1932 г. лидеры основных миротворческих групп сформировали Межорганизационный совет по разоружению (МСР), чтобы скоординировать усилия в поддержку международной конференции по разоружению в Женеве. Однако движение распалось, по меньшей мере, на два широких крыла. Одно объединяло традиционных интернационалистов, которые ориентировались на международное право или международную организацию и ее известные программы. Будучи достаточно влиятельными людьми, лидеры интернационалисты надеялись оказать неофициальное влияние на политиков. К этим группам относились такие организации,

как фонд Карнеги за международный мир и Всемирный фонд мира, которые сформировались еще до первой мировой войны, или Ассоциация Лиги наций и Ассоциация внешней политики, которые возникли в период «Великого крестового похода».

Другое крыло МСР состояло из групп, лидеры которых в большинстве своем являлись пацифистами, которые не только работали во имя мира, но отвергали любую войну. Они тоже искали возможности информировать общественность о международном положении, правда с некоторыми отличиями. Во-первых, в 20-е годы они противостояли войне как таковой с нравственных позиций. Во-вторых, стремясь к результативности они имели значительный административный опыт в формировании общественного мнения. Эти либеральные пацифистские группы практически все были сформированы во время или сразу после первой мировой войны. Они сочетали традиционное неприятие войны как таковой, прогрессивный подход к социально-политическим реформам и транснациональный гуманизм. К ним относились Братство примирения, международная Лига женщин за мир и свободу, Национальный совет за предотвращение войны.

Учитывая их более позднюю оппозицию коллективной безопасности, либеральные пацифисты по иронии судьбы были наиболее воинственно настроены против вторжения в Маньчжурию. Большинство пацифистских групп поддерживало коллективные санкции против Японии, став движущей силой в Межорганизационном совете по разоружению за сотрудничество с Лигой наций. Джеймс Г.Макдональд, председатель Ассоциации внешней политики и Межорганизационного совета по разоружению, был «шокирован и испуган готовностью так называемых радикалов и пацифистов почти без раздумий перейти к применению санкций»². Тем не менее, МСР временно сам превратился из совещательного органа в группу давления, так как растущее движение мира пыталось объединить все силы в ответ на дальневосточный кризис.

Однако единодушие длилось недолго... Совет раскололся по вопросу о программе, которую должен был представить политикам зимой или весной 1932 г. Уже осенью того же года МСР возвратился к своей изначальной структуре с просветительскими и совещательными функциями. Шестью месяцами позже он распался, положив конец крупнейшей попытке координации движений мира в целом и поиску путей к новым коалициям.

Этот недолго просуществовавший Межорганизационный совет по разоружению внес незначительный вклад в антивоенную борьбу, и можно было бы и не упоминать о нем, но на его примере можно прекрасно проиллюстрировать, какие силы составляли движение мира в 30-е годы.

Это был период, когда дело мира требовало политического ответа на угрозу реальной войны и тоталитаризма. Защитники мира почти всех убеждений признавали важность политических акций. Политическая активность в свою очередь требовала объединения всех организаций, выступавших за мир, в целях усиления общественного антивоенного воздействия. Результатом этих усилий стало энергичное политическое антивоенное движение с возникающими и распадающимися союзами, имевшими целью поиск основ для эффективной коалиции. Это было стержневым вопросом антивоенной стратегии в 30-е годы, и это явилось продолжением усилий по созданию коалиции в предшествующем десятилетии.

Угроза войны и тоталитаризма также обострила скрытые различия в подходах к этим проблемам внутри движения мира. Эти расхождения в области сокращения вооружений, законодательства по вопросам нейтралитета, международной экономической конференции и нейтрального вмешательства с целью примирения одновременно и поддерживали, и подрывали усилия по созданию коалиции. Межорганизационный совет по разоружению в 1932 г. влачил жалкое существование из-за того, что кампания по ограничению вооружений в основном потерпела поражение. (Конференция в Женеве ничего не достигла. В июле 1932 г. заседания были прерваны. Дискуссии возобновились в феврале и продолжались по июль следующего года, а затем — новая отсрочка и продолжение дискуссий с октября 1933 г. до весны).

Разоружение, как и оборона, всегда оставались важным инструментом национальной политики. Поэтому и в 30-е годы объединение и разъединение защитников мира определялось этими первостепенными политическими вопросами. Обстоятельства складывались так, что традиционные интернационалисты все больше приобретали политическую окраску в своей поддержке коллективной безопасности, а те либеральные пацифисты, которые в 20-е годы присоединялись в своих подходах к интернационалистам, теперь оказались изолированными от широкого движения за мир, из-за приверженности к политике нейтралитета. Вторым стержневым направлением антивоенной стратегии 30-х годов и стал этот, как никогда, острый раскол между пацифистами и tradi-

ционными интернационалистами, что являло собой разрыв с традицией 20-х годов.

После маньчжурского кризиса ряд интернационалистов попытались разработать более энергичную программу. Их усилиям был придан новый импульс в связи с тем, что 29 января 1935 г. сенату не удалось сохранить приверженность США Международному суду. Раймонд Рич, генеральный секретарь Международного фонда мира, с сожалением замечал: «Силы мира, которые в большинстве своем пренебрегали популярностью, в настоящее время теряют массы»³. На серии заседаний лидеры Ассоциации Лиги наций разработали политическую программу и организационные основы, которые по существу отражали образ мыслей Джеймса Т.Шотвелла и Ньютона Д.Бейкера. Их политическая программа, достаточно популярная в то время, соединила такие вопросы, как контроль за военными перевозками, военные прибыли и разоружение с традиционными целями — международным экономическим сотрудничеством и тесными связями Американской ассоциации с Лигой наций. Их организационная основа предусматривала новую коалицию с имеющимся политически опытным пацифистским крылом, которое самостоятельно готовило скоординированную программу для еще неоперившейся Национальной мирной конференции. Шотвеллу нужны были пацифисты, их организационный аппарат, их сторонники, но не их четкие программы. Он считал возможным «признать» Национальную мирную конференцию, включив ее в более широкие планы традиционных интернационалистов — включавшие формирование руководства и предоставление фондов⁴.

Однако, когда в конце 1935 г. новая коалиция была создана, победу в ней одержали либеральные пацифисты. Это объяснялось, по крайней мере, тремя причинами. 1) Шотвелл и Бейкер не смогли найти 50 тыс. долл., которые они предусмотрели в бюджете, в то время как пацифисты нашли эту сумму и даже больше; 2) хотя традиционалистам и удалось назначить председателем Вальтэра ван Кирка, пацифисты получили численное большинство в руководящем комитете, имея политический опыт они завладели там значительной инициативой; 3) либеральные пацифисты уже к тому времени разработали собственный «более широкий план», который восприняла и Национальная мирная конференция — «Чрезвычайная кампания за мир» (собравшая 0,5 млн. долл.). Целью кампании было «удержать Соединенные Штаты от войны», способствовать политическим и экономическим изменениям, «необходимым для установле-

ния справедливого и мирного мирового порядка», регистрации пацифистских организаций и отдельных лиц в этом общем деле. Кампания мира была подготовлена в основном лидерами Американского комитета служения Друзей и Братства примирения.

Лидеры Братства примирения проявляли особую заботу о политическом центре антивоенной коалиции, так как угроза войны и тоталитаризма все более нарастали. Они не нашли, однако, сколько-нибудь эффективной поддержки у левых, с которыми ранее часто объединялись в вопросах социальной справедливости. Некоторых из них, правда, привлек объединенный фронт Американской лиги против войн и фашизма, организованной в сентябре 1933 г. вслед за подобной коалицией в Европе. Другие пацифисты противились сотрудничеству с коммунистами в любом варианте. И даже те, кто вначале симпатизировал им, вскоре утратили симпатии, потому что, завладев Лигой, коммунисты манипулировали ею в личных целях.

В середине 30-х годов социалистическая партия, истерзанная фракционной борьбой, оказалась в затруднительном положении в связи с гражданской войной в Испании. Норман Томас путем закулисных переговоров пытался провести строгое законодательство о нейтралитете и в то же время пытался защитить законное право его партии вмешиваться в гражданскую войну в Испании через добровольцев-социалистов из «Колонны Дебса». Таким образом, чрезвычайная кампания за мир в своей основе была нацелена на политический центр.

Подразумевалось, что коалиция представит широкий спектр пацифистских и непацифистских гражданских групп, однако реальная возможность принятия решений оставалась в руках того ядра пацифистов, которое владело большими финансовыми и кадровыми ресурсами. Были учреждены специальные отделы для связи с молодежными, рабочими, церковными и общественными группами. Лоббисты начали действия в Вашингтоне. Выпуски новостей и памфлеты готовились отделами пропаганды. Известные ораторы (включая адмирала Ричарда Берда) курсировали по всей стране. Кампания расширялась за счет ряда программ, подготовленных с целью акцентировать внимание общественности на международном кризисе, углубить движение «нет крестовому походу мировой войны» и популяризировать мировое экономическое сотрудничество. Общественные мероприятия исчислялись тысячами; литература распространялась в сотнях тысяч экземпляров. Лидеры либеральных пацифистов

смогли сфокусировать внимание общественного мнения на конкретных вопросах, например о нейтралитете.

Интернационалисты в коалиции занимали позицию все более нарастающего сопротивления, опасаясь усиления изоляционистских настроений⁵. Их сотрудничество с пацифистами основывалось на том, что движение мира приходило к согласию по многим вопросам, что влияние ухудшающейся международной обстановки было очевидным и что их собственные внешнеполитические программы еще не были достаточно четкими.

Разнообразные программы чрезвычайной кампании за мир, вплоть до риторических, включали два аспекта: нейтралитет и мировое экономическое сотрудничество. В ходе кампании обе альтернативы — нейтралитет и мировое экономическое сотрудничество — становились все более четкими и приобретали полярный характер.

Лидеры пацифистов определяли свои взгляды на нейтралитет раньше, чем традиционные интернационалисты или правительство. В начале 20-х годов они потеряли веру в Лигу наций как организацию, способную поддерживать международный порядок или способствующую переговорам о его изменении. Возникновение тоталитарных государств привело их к убеждению, что для поддержания миропорядка необходимы мирные перемены. Их нейтралитет был, таким образом, основан на реальном понимании событий в Европе, хотя и популяризировался с помощью морализаторской риторики, которая вносила путаницу в анализ, проведенный рядом ведущих пацифистов, а именно: лидером социалистов Норманом Томасом, социалистом-журналистом Девере Алленом, влиятельным оратором и публицистом Керби Пейджем, социалистом шотландцем Фредериком Либби из Национального совета по предотвращению войны, Дороты Детзер, лоббистской и политическим организатором Международной лиги женщин за мир и свободу, Джоном Невином Сэйром и Гарольдом Фейем из Братства примирения, А.Дж.Мастом, лидером Братства примирения и в прошлом радикалом и К. К. Моррисом, издателем «Христианского века», которые также пользовались влиянием,⁶ как пользовался им Рейнольд Нейбер до середины 30-х годов⁶.

Короче говоря, в те годы, по мнению пацифистов, Германия, Италия и Япония, столкнувшись с серьезными внутренними проблемами, пытались разрешить их такими методами, которые усилили угрозу войны. Их руководство сделало ставку на военную силу. Все это было основано на надежном и временном молчаливом согласии народа. Поэтому

для обеспечения контроля диктатуры не только разработали чрезвычайные экономические меры, но отождествили себя с милитаризованными националистическими символами, которые они превратили в элементы партийной сплоченности и верности. Более того, эти воинственные государства представляли сами собой наиболее малоимущие страны всего индустриального мира.

Как пояснял Керби Кейдж, западные демократии уже поделили рынки, источники сырья и малоразвитые территории в мире. Эти страны получили и удерживали свои владения экономическими и военными средствами. Позже они пришли к мнению, что империалистическим захватам следует положить конец, что было ложью во спасение. Таким образом, наиболее удачливые нации увековечили свой статус-кво⁷.

Этот анализ нависшей над миром угрозы, на который очевидно повлияли и внутренняя нестабильность, и международный ущерб, наносимый тоталитарными государствами, привел некоторых пацифистов к реакции на фашистскую агрессию посредством двух методов: усилением демократии в нефашистских государствах (таких, как Испания) и смягчению различий между имущими и неимущими странами мирными средствами. Этот подход разделялся многими непацифистами, включая, например, социалистов.

В этой связи пацифисты пришли к заключению, что наиболее трудным вопросом сохранения мира являлся не сам по себе тоталитаризм, но прежде всего нестабильность политического и экономического устройства. Они принципиально расходились с традиционными интернационалистами, будучи убеждены, что коллективная безопасность используется великими европейскими державами в их личных экономических и территориальных интересах в добавлении к сохранению статус-кво в международных отношениях, что и делало войну вероятной. Пацифисты, которые выступали за коллективные санкции против Японии, быстро потеряли надежду на Лигу наций и отвергли коллективную безопасность. Спустя годы, когда нацистские военные самолеты ужаснули Шанхай и Варшаву, Чарльз Клейтон Моррисон напомнил, что впервые принцип коллективной безопасности был нарушен в Маньчжурии. При отсутствии действующей международной системы, заметил он, дискриминационное эмбарго явно было альянсом во имя войны⁸. Великие державы, очевидно, действовали бы исключительно в своих личных интересах с целью сохранить статус-кво. Лига наций была международным инструментом, но не органом ин-

тернационализма. Пацифистские лидеры рассматривали нейтралитет, как стратегию гибкой внешней политики, которая могла бы быть использована в целях укрепления интернационализма.

Ни государственный департамент, ни традиционные интернационалисты к 1935 г. еще не сформулировали четко политику нейтралитета. Назрела ситуация для энергичной инициативы конгресса. Именно в это время группы, возглавляемые пацифистами, были практически единодушны в проведении законодательства о нейтралитете, которое могло бы быть справедливым, если бы охватило все воюющие стороны и стало бы обязательным и для президента. Пацифисты действовали через национальный совет предотвращения войны, Международную лигу женщин за мир и свободу и блок изоляционистов в сенате. Они проявили большую изобретательность в принятии Акта о нейтралитете в 1935 г., который зафиксировал традиционно нейтральные права в торговле и потребовал беспристрастного эмбарго в отношении всех воюющих сторон. Этот акт с некоторыми изменениями был продлен до 1 мая 1937 г.

Когда же традиционные интернационалисты вступили в политическую коалицию с пацифистами в 1935-1936 гг., им пришлось присоединиться к уже сложившемуся движению за справедливый нейтралитет, призванный удержать Америку от войны. В то время это, однако, не казалось серьезным препятствием.

Традиционалисты, конечно же, ожидали, что займут ведущую роль в коалиции. Во всяком случае, они все еще считали коллективную безопасность совместимой с нейтральным эмбарго. Это были те минимальные обязательства по сотрудничеству, которых потребовал Норман Дэвис на Конференции по разоружению в Женеве в 1933 г.: Соединенные Штаты должны дать обещание не препятствовать коллективным санкциям, направленным против стран-агрессоров. Эта «негативная декларация», казалось, одобренная всеми лидерами Лиги наций в 1935-1936 гг., однако, была подвергнута серьезным сомнениям во время эфиопского кризиса. Американское эмбарго против всех воюющих сторон действовало хотя и односторонне, но в согласии со всеми международными эмбарго, направленными против агрессора. Это было бы самым лучшим средством для вероятного сохранения мира.

Не всеобщий характер эмбарго, а скорее вопрос об обязательности его для президента, очевидно, ускорил процесс раскола в рядах сторонников мира. При обсуждении Акта о

нейтралитете 1935, 1936 и 1937 гг. администрация ревниво охраняла свою дискреционную возможность определять, когда существует состояние войны и, следовательно, когда необходимо вводить эмбарго. С точки зрения государственного департамента, любое положение, урезающее его полномочия, подвергало опасности действия исполнительной власти в проведении внешней политики США. Однако пацифисты, неудовлетворенные тем, как администрация использует свои полномочия, настаивали на введении всеобщего эмбарго в японо-китайской войне, в Эфиопии, и, совместно с социалистами, — в гражданской войне в Испании. Осенью 1937 г. после «карантинной речи» Рузвельта, поняв, что президент может проводить политику избирательного введения санкций в союзе с другими великими державами, пацифисты возобновили свои атаки на его исключительные полномочия во внешней политике. Они вели активную кампанию за поправку Лудлоу к конституции о национальном референдуме по вопросу об участии в любой войне. Однако эта поправка чуть не была отвергнута палатой представителей 10 января 1938 г.

Кампания за поправку Лудлоу ускорила возникновение политической организации традиционных интернационалистов и помогла определить вопрос нейтралитета. Кларк Ичелбергер и его Ассоциация Лиги наций были убеждены в том, что так называемый всеобщий нейтралитет способствовал изоляции американской политики и что кампании нейтралитета усиливали изоляционизм. Поэтому ассоциация начала мобилизацию сил традиционных интернационалистов за введение эмбарго против стран-агрессоров. В действительности, они начали бороться за реализацию именно той концепции коллективной безопасности, которой так боялись пацифисты. Они выступили в поддержку «Заявления от имени совместных миротворческих усилий» и агитировали против поправки Лудлоу. Их усилия не оставались незамеченными Джеймсом Т.Шотвеллом, который попытался создать самостоятельную мирную коалицию, не претендуя ни на какой пост в ней. «Хорошее руководство стратегией движения мира, — замечал он, — было продемонстрировано энергичным руководителем Ассоциации Лиги наций (Ичелбергом), который вместе со своим штатом организовал различные комитеты для осуществления успешных нападков на нейтралитет Америки». В ходе полемики возникали альтернативные организации в целях политического воздействия на мирную коалицию и массы.

В то же самое время либеральные пацифисты и традиционные интернационалисты все еще работали вместе в чрезвычайной кампании, нацеленной на поддержку международного экономического сотрудничества. Идея была не нова. Это практиковалось и по инициативе организаций, входящих в Лигу наций с 1922 г.; а зимой 1936 г. Джордж Лэнсбери, лидер британской лейбористской партии, тщетно пытался добиться резолюции, обязывающей Англию созвать всемирную конференцию для обсуждения помощи ущемленным нациям¹⁰. Лэнсбери, будучи прославленным оратором, открыл в апреле чрезвычайную кампанию за мир. Перед отъездом из страны он имел беседу с Рузвельтом. Президент в беседе с ним был осторожен, заметив, «что ему понадобится прочный крюк», за который можно будет закрепить мероприятия такого масштаба¹¹.

Лэнсбери получил свой крюк с помощью международного Братства примирения со штаб-квартирой в Англии, которое создало специальные представительства примирения в целях передачи дела мира прямо в руки национальных лидеров. Частные лица назначались неофициальными представителями с целью консультации с государственными чиновниками и создания основ для мирных переговоров прежде, чем начнутся военные действия.

Лэнсбери был первым из таких неофициальных послов. Весной 1937 г. он вел переговоры с премьерами Франции, Бельгии, Дании, Норвегии и Швеции, а также с Гитлером в Берлине. Впоследствии он встречался с Муссолини и совершил поездку с другими представителями этой неофициальной группы по столицам стран Юго-Восточной Европы, а также в Прагу, Варшаву и Вену. Наиболее важными были, конечно, консультации с Гитлером, который заверил Лэнсбери, что Германия станет сотрудничать вместе со всеми, если Рузвельт возглавит созыв экономической конференции¹².

Лидеры движений мира разных политических убеждений просили Рузвельта взять на себя руководство, и это предложение получило бесспорную поддержку в январе 1938 г. в докладе о состоянии мировой экономики, сделанном бывшим премьер-министром Бельгии Паулем ван Зиландом (с которым ранее встречался Лэнсбери). Ван Зиланд призвал великие державы к сотрудничеству по особым вопросам, способным «придать миру импульс, которого он ожидает, чтобы возобновить веру в мирные судьбы народов»¹³. Рузвельт уже сталкивался (довольно неудачно) с идеей всемирной конференции, когда в начале 1938 г. встал этот вопрос,

а британцы выказали пренебрежение¹⁴. В предварительных переговорах, начатых в январе, о широкой мирной конференции с акцентом на экономических проблемах и пересмотре договоров эта идея была отвергнута Невиллом Чемберленом. Президент уже в то время осознал, что конференция по искоренению международных претензий не могла бы стать реальной альтернативой европейской войне, так как она вообще не могла быть созвана. Сторонники мира поняли, это, однако, только после сентября 1939 г.

Чрезвычайная кампания за мир провела в конце марта собственную конференцию по международному экономическому сотрудничеству, в которой ведущую роль играли традиционные интернационалисты. Их эксперты поддержали программу равенства в торговых соглашениях, предложенную Корделлом Холлом, а также некоторые аспекты доклада Ван Зиланда. Вместе с тем они настаивали на том, что любой пересмотр Закона о нейтралитете должен быть достаточно гибким, чтобы определить разницу между агрессорами и их жертвами¹⁵. Основной доклад усилил расхождения между интернационалистами, которые поддерживали стратегию коллективных действий с целью сдерживать агрессию на том основании, что политический порядок является предпосылкой экономического сотрудничества, и пацифистами, которые противостояли дальнейшему втягиванию мира в вооруженные идеологические лагеря на том основании, что базовое экономическое обновление является предпосылкой международного порядка.

Идея созыва международной экономической конференции, как и проекты по разоружению, нейтралитету и самой чрезвычайной кампании за мир, привела к расколу. Альтернативы ему не было. Спустя почти неделю после конференции по экономическим вопросам, Ичелбергер оставил пост руководителя кампании за мировое экономическое сотрудничество, организовав взамен то, что Шотвелл назвал серией нападок на нейтралитет. В последующие три года под нажимом развязанных фашистами вооруженных акций за рубежом, его поиск союза в поддержку коллективных санкций против агрессоров привел его и его комитеты к союзу с теми, кто призывал к прямой интервенции от имени демократических стран.

Таким образом, угроза войны и тоталитаризма все еще продолжала порождать политические союзы, хотя и привела к расколу в лагере интернационалистов.

Пацифисты остро ощутили эти последствия после провала поправки Лудлоу и неудачи созыва конференции по международному сотрудничеству.

К весне 1938 г. пацифисты в союзе с социалистами под руководством Нормана Томаса провели конгресс под лозунгом «Удержим Америку от войны». Серьезно встревоженные организацией защитников коллективной безопасности, они скрепили свой союз с Томасом в начале февраля, организовав митинг в Нью-Йорке 6 марта¹⁶. Даже когда, спустя два года, германские войска вторглись в Голландию, Бельгию и Люксембург, эта национальная антивоенная коалиция все еще выступала против коллективной безопасности. Она имела слабые стороны. Пацифистские организации, в частности Братство Примирения и Комитет служения Друзей отходили от политических акций для того, чтобы обеспечить в случае войны четкую работу по защите своих членов, отказывавшихся от военной службы по религиозно-этническим мотивам. Социалистическая партия была расколота по вопросам внешней политики, а коммунисты оказывали разрушительное и непредсказуемое влияние.

Более того, прежний вакуум на политическом небосклоне быстро заполнился Первым Американским комитетом, организованным летом 1940 г. в ответ на усилия Ичелбергера во имя коллективной безопасности.

К январю 1941 г. Первый Американский комитет приобрел общественную и финансовую поддержку, на что не мог рассчитывать конгресс «Удержим Америку от войны». Антивоенные левые силы нехотя вступили в контакт с Первым Американским комитетом в первоначальной попытке организовать давление антивоенной общественности, но даже и это давление ассоциировалось с известной концепцией «Американской крепости». Выход из коалиции консерваторов и изоляционистов к весне 1941 г. привел к потере поддержки почти всех пацифистов. Доминирующее влияние антивоенных социалистов стало возрастать. К осени конгресс «Удержим Америку от войны», обанкротился и стал чисто бюрократической организацией¹⁷.

Вторая мировая война нанесла удар американскому народу с той же неожиданностью, с которой волны самолетов над Пирл-Харбором положили начало его уничтожению. Но для тех, кто защищал стратегию нейтралитета в деле сохранения мира, она явилась чем-то вроде разрядки в мучительной работе, так как они уже потерпели поражение в достижении своих важнейших политических целей. Президент предоставил союзникам военную и экономическую помощь,

взял на себя обязательства относительно ВМС в Атлантике и пересмотрел законодательство о нейтралитете.

Для тех нейтралов, которые одновременно являлись интернационалистами, поражение было еще глубже и острее. Перед лицом угрозы реальной войны и тоталитаризма они великолепно организовались для эффективной политической деятельности. Они создали сильную коалицию с традиционными интернационалистами, чью приверженность к сохранению мира посредством международной организации и справедливости они разделяли. Считая нейтралитет гибким инструментом интернационализма и рассматривая коллективную безопасность, как путь к более строгому ограничению национальных конфликтов, некоторые пацифисты использовали любую возможность связать народ обязательствами твердого и строгого нейтралитета. С этой целью они пытались оказать давление даже на мирную коалицию и явились свидетелями ее распада.

Столь же серьезной в тактическом плане была их неспособность поддержать независимую, международную и политическую организационную основу после распада Центра. Кроме того, по большому счету, они ставили специфические политические цели, которые были выше их понимания международных отношений, и особенно подчеркивали моральное превосходство невмешательства в войну над их собственным анализом международного конфликта.

Таким образом, нейтралитет неизменно, но не логично, ассоциировался только с изоляционизмом. Именно влиянию войны и тоталитаризма, которое привело к образованию огромной коалиции, символизирующей Чрезвычайной кампанией за мир, обострило различие во взглядах и разрушило коалицию, а также значительно ослабило силу видения международных отношений, к которой призывали те, кто находился в оппозиции к стратегии коллективной безопасности.

Накануне второй мировой войны или во время нее не было (как это было во время первой мировой войны) ни идеологической, ни организационной основы для широкой прогрессивной антивоенной коалиции. Интернационализм отождествлялся с коллективной безопасностью и позже с военными союзами. Нейтрализм отождествлялся с изоляционизмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О деятельности сторонников мира в период между двумя мировыми войнами подробнее см.: Maslasnd J. The Peace Groups Joint Battle // Public Opinion Quarterly, IV. Dec. 1940. P. 36-73; At water E. Organized Efforts in the United States Toward Peace. Wash., 1936. Organising American Public Opinion for Peace // Public Opinion Quarterly. I. 1937. Apr. P. 112-121; Kusisto A. The Influence of the National Council for Prevention of War on United States Foreign Policy, 1935-1939. Diss. ...Harvard University, 1950. P. 24-25.
- ² См.: American Public Opinion and Munchurian Crisis, 1933-1935 (unpublished Ph.D.Dissertation). Princeton University, 1966. P. 94.
- ³ Report of the general secretary to the trustees of the World Peace Foundation. 1935, Feb. 13.
- ⁴ James T. Shotwell to Newton D.Baker, 1935. Oct. 22; Baker Papers, Box 242. В состав комитета входили Джеймс Шотвэлл, Роланд Моррис (юрист из Филадельфии) и сенатор Джон Поуп. Джордж Блэйксли (президент Всемирного фонда мира) и Джон Кларк (бывший член Верховного суда, основатель Ассоциации беспартийной лиги наций) также участвовали в совещаниях комитета, а предварительный проект был составлен Бейкером (см.: Baker Papers, Box 242).
- ⁵ Полный отчет о деятельности ЧКМ и протоколы находятся в Swarthmore College Peace collection (SCPS), 1931-1933.
- ⁶ Их точка зрения нашла отражение в различных протоколах и резолюциях организации. Эти взгляды полностью не разделялись основной массой пацифистов или общественностью, однако руководители в значительной мере определяли круг проблем, обсуждавшихся их рядовыми коллегами.
- ⁷ По словам Керби Пейджа, конфликт между демократическими и тоталитарными государствами будет борьбой между «лицемерием сытых и убежденностью обманутых» (см. Thomas N. Socialism on the Defensive. N.Y., 1938. P. 11-12, 187).
- ⁸ Morison Ch.C. The Shattered Fabric of World Peace // The Christian Century. LIV. 1939. Sept. P. 11228-1129.
- ⁹ См.: Schorwell Paoers, League of Nations Records, Columbia University.
- ¹⁰ New York Times. 1936. 5 Mar.
- ¹¹ La ns bury J. My Pilgrimage for Peace. N.Y., 1938. P. 61-63.
- ¹² См.: New York Times. 1937. Feb. 23; U.S.Department of State, Foreign Relations, 1937. Wash., 1954. Vol. 1. P. 638-651; Hull. Memoirs. N.Y., 1948. Vol. 1. P. 549.
- ¹³ Текст доклада см.: New York Times. 1938. Jan. 28; Percy W. Barlett. The Economic Approach to Peace, with a Summary of the Van Zeeland Report. L., n.d.
- ¹⁴ См.: William L. Langer and S.Everett Glason, The Challenge to Isolation: The World Crisis of 1937-1940 and American Foreign Policy. N.Y., 1952. Vol. 1. P. 23-32; Arnold A. Offner. Ameri-

can Appeasement United States Foreign Policy and Germany, 1933-1938. Cambridge, 1969. P. 217-225.

- ¹⁵ Report of the Committee of Experts to the Conference on World Economic Cooperation. N.Y., 1938 / New York Times. 1938. Mar. 24-27.
- ¹⁶ Frederick J. Libby Diary, January 17, 18, 22 and 26, 1938; Minutes of the Keep America Out of War Committee. 1938. Feb. 7.
- ¹⁷ Minutes of the Keep America out War Congress, especially September 30, 1941.

ФРАНЦУЗСКИЙ ПАЦИФИЗМ В 30-Е ГОДЫ

М. Байсс

Исследование вопроса о французском пацифизме в 30-е годы представляется необходимым и одновременно рискованным. Необходимость диктуется тем, что ретроспективно пацифизм 30-х годов стал своего рода эталоном, нагляднее раскрывающим и другие явления, а в свете предыдущих исследований стало возможным вернее оценивать его структуру и масштаб. Рискованность определяется тем, что, несмотря на множество аналитических работ по частным вопросам, остается немало белых пятен и обобщающее исследование подготовить пока трудно, к тому же исследование пацифизма ставит ряд методологических и историографических вопросов.

Для одних пацифизм был важным выбором психологического или социального характера, для других — средством выражения склонности или идеологической антипатии. Существовал пацифизм активистов и неопределенный пацифизм общественного мнения. Воспоминания о пацифизме зачастую тесно связаны с его воздействием на проблемы безопасности Франции и с ее поражением, которое считается следствием пацифизма.

В начале межвоенного периода пацифисты составляли меньшинство. Большая часть общественного мнения опасалась реванша Германии, ставшей союзницей России, или объединения этих стран в целях борьбы с Версальским договором. Рапалльский договор значительно усилил этот миф². Когда Ф.Пуанкаре предпринял рурскую операцию, политическая обстановка стала более благоприятной для энергичных миротворческих действий. В этом ключе левые силы и развернули кампанию против военной экспедиции в Рур. В 1925-1930 гг. во французском обществе сформировался довольно широкий консенсус (за исключением правых националистов и крайне левых) вокруг духа Локарно и политики Бриана. Пакт Бриана-Келлога освятил эти идеи, провозгласив войну вне закона! Гуманитарный пацифизм социалистов, радикалов, христианских демократов, ассоциаций бывших фронтовиков, широко воспринятый большой

прессой, казалось, все больше и больше пропитывал французское общество³.

С 1930 г. постепенное ухудшение международного положения и ситуации в Германии свело на нет надежды многих и содействовало возрождению недоверия и скептицизма. Вместе с тем вновь разгорелись дискуссии между теми, кто на новую угрозу миру ответил усилением пацифистских кампаний за всеобщее разоружение, и теми, кто отвергал пацифистские и интернационалистские иллюзии, требовал энергичной политики для защиты национальных интересов. Внешняя политика, в отличие от предвоенного периода, в 30-е гг. не объединяла общественное мнение, а, напротив, стала причиной его раскола. Вместо того, чтобы содействовать согласию нации, дипломатическая стратегия вносила семена раздора, которые в большей или меньшей степени взаимодействовали с идеологическими разногласиями и расхождениями по вопросам внутренней политики⁴.

Накануне открытия Всеобщей конференции по разоружению (2 февраля 1932 г.) французское общественное мнение было расколото: с одной стороны, сторонники безопасности, а с другой — сторонники разоружения⁵. Возросло число пацифистских инициатив, в частности кампаний в прессе («Ле Пепль», «Ля Люмьер», «Л'Ероп-нувель», «Ле Популяр»). Действовали группы по оказанию давления: в левых политических партиях (партия радикалов и радикал-социалистов — СФИО), в профсоюзах, входящих во Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ), в ассоциациях, связанных с Лигой наций (Международное примирение, Новая школа мира), в гуманитарных ассоциациях (Лига прав человека, Общество друзей Ганди), пацифистских организациях (Воля к миру, Лига бывших фронтовиков-пацифистов, Комитет крестьянского действия за мир, Международная лига борцов за мир), женских клубах (Лига молодежи за мир и свободу, Лига матерей и воспитательниц за мир), католических движениях (Католический союз исследований в области международных отношений, Примирение, Молодая республика).

Иногда в рамках одного города эти группировки объединялись в картели мира. Анри де Жувенель отмечал почти религиозный характер демонстраций этих группировок⁶. Миротворческие мероприятия проводились и в общенациональном масштабе, как, например, Конгресс по разоружению, организованный Новой Европой, на котором 27 ноября собралось 1098 делегатов, прибывших из многих стран⁷; большая демонстрация в поддержку разоружения, проведен-

ная СФИО и ВКТ 29 января 1932 г.; свободная конференция по разоружению, организованная 23-24 апреля 1932 г. в Париже Лигой прав человека и картелями мира.

Изобилие инициатив совмещалось с разбродом и путаницей в целях: так, социалисты не хотели и слушать о предварительных условиях для создания системы безопасности, предлагая заменить дорогой для Э.Эррио и А. Бриана триптих «арбитраж, безопасность, разоружение» формулой «безопасность через арбитраж и разоружение».

В борьбу против войны вступили и многие писатели и интеллектуалы. Некоторые из них стали активными пацифистами, как например, Жан Джионо и, особенно, Анри Барбюс. Последний принимал участие во многих крупных пацифистских инициативах. Вместе с Роменом Ролланом он выступил инициатором Всемирного конгресса против империалистической войны, который состоялся в Амстердаме с 27 по 29 августа 1932 г. В комитет конгресса входили Альберт Эйнштейн, Поль Ланжевен, Ромен Роллан, Анри Барбюс, Максим Горький, Джон Дос Пассос, Эптон Синклер. Конгресс собрал 2200 делегатов, прибывших из 29 разных стран. Из Франции участвовали члены Французской коммунистической партии, Лиги прав человека, Лиги женщин за мир и свободу, Лиги противников военной службы по религиозным мотивам. СФИО же осталась в стороне ввиду того, что конгресс проходил под эгидой коммунистов. Конгресс завершился созданием Всемирного комитета борьбы против войны и Всемирного комитета по защите СССР.

Другой европейский конгресс состоялся с 4 по 6 июня 1933 г. в зале Плейель в Париже. В нем участвовало 3000 делегатов, прибывших из всех европейских стран. Был создан Всемирный комитет борьбы против войны и фашизма. Комитет Амстердам-Плейель стал ядром будущего Народного фронта так же, как и основанный в 1934 г. Комитет бдительности интеллектуалов-антифашистов, объединивший коммунистов (Л.Арагон, Ж.Коньо), социалистов (А.Дельмас, П.Риве, Ф.Шалайе), радикал-социалистов (Алэн, А.Байе, В.Баш) и независимых интеллектуалов (А.Жид, Ж.Джионо, Ж.Бенда, Геенно). Будучи антифашистским и пацифистским, Комитет бдительности активно выступил против угрозы войны, но вскоре его деятельность была парализована из-за возникших раздоров.

Во время Женевской конференции по разоружению настоящая мистика разоружения распространялась во Франции такими газетами, как «Ле Пепль» и «Ля Люмьер». Однако этой пропаганде противостояла мощная контрпропа-

ганда. Конгресс в Трокадеро был атакован членами консервативной военизированной организации «Боевые кресты», которых тайно поддерживали члены правительства. Военные потрясли пугалом безоружной Франции перед лицом перевооружавшейся реваншистской Германии. Они действовали столь эффективно, что духовные и политические силы Франции оказались расколотыми не между правыми и левыми, а на множество мелких группировок. Вот два примера. Линия раздела внешней политики Франции пролегла через партию радикалов, тесно связанных с идеями Лиги наций. На заявление Эррио: «Я не верю в разоружение как средство обеспечения безопасности», — Даладьё ответил: «Или разоружаться вместе, или погибнуть вместе — нужно выбрать»¹⁰.

Что касается католиков, то они были чрезвычайно встревожены дебатами о разоружении и пацифизме. В 20-е годы появилось довольно много светских религиозных концепций, пытающихся разделить католицизм и национализм, а также истолковать евангельские послания в пацифистском духе¹¹. По инициативе директора Народного действия отца Дебю-куа в церкви Богоматери побед ежемесячно с февраля 1931 г. служили мессы за мир.

1931 год ознаменовался войной манифестов. На манифест за мир, подписанный Габриэлем Марселем, Андре Те-ривом, Франсуа Мориакком и Жан де Панжем и появившемся 18 января 1931 г. в журнале «Нотре тан», ответил Манифест молодых мобилизованных интеллектуалов, выступивших против отставания Франции; манифест от 25 января 1931 г. в журнале «Ревю Франсез» подписали Брасийах, Жан-Пьер Максенс, Анри Масс, Тьерри Мольнье. 9 апреля 1931 г. ряд католических ассоциаций (Французская католическая ассоциация молодежи, Христианская студенческая молодежь, Христианская рабочая молодежь, Христианская сельская молодежь, Французская конфедерация христианских трудящихся, Социальная неделя, Народное действие) опубликовали декларацию молодых католиков и в афише, озаглавленной «Французские католики хотят мира», заявили, что подтверждают идентичность женевских идеалов Бриана с идеалами христианства, что «проблема разоружения должна быть связана с проблемами мира и арбитража». Группа «Молодая республика» пошла еще дальше, заняв четкую позицию в пользу разоружения. Жорж Хоог сослался на авторитет епископа из Арраса Жюльена¹². Но газета «Ля Круа», указав на различие между разоружением и ог-

раничением вооружений, заявила, что только последнее совместимо с потребностями национальной обороны.

Во время Всеобщей конференции по разоружению пацифизм далеко не возобладал во французском общественном мнении. Женевский идеал Лиги наций силой подавался приверженцам безопасности. В 1930 г. Лига прав человека открыла кампанию по сбору подписей за разоружение и мир, надеясь собрать миллион голосов. Однако к осени 1931 г. ей удалось собрать лишь 109673 подписи за разоружение и 111905 подписей за мир в целом. Чем вызван был этот явный неуспех, который, однако, постарались скрыть? Трудно сказать уверенно, но уместно напомнить, что в это время значительная часть французского общества связала свои надежды с идеей безопасности.

Парадоксально, что после неудачи Всеобщей конференции по разоружению пацифизм стал распространяться вглубь и вширь. Его идеи парализовали французскую внешнюю политику и отодвинули проблему безопасности Франции. Действительно все карты были спутаны. Когда Италия напала на Францию, являвшуюся членом Лиги наций, а Лондон и Париж обсуждали санкции против агрессора, был опубликован манифест интеллектуалов в защиту Запада и мира в Европе. На выборах 1936 г. правая «Аксьон франсэз» рекомендовала голосовать «против революции и против войны», в то время как левые газеты пестрели лозунгами: «Хлеба, мира и свободы!»¹³

«Спад пацифизма», по словам греческого дипломата Николаса Политиса, достиг своего апогея во Франции в 1936 г. 8 марта 1936 г. на другой день после захвата Рейнской области Гитлером, вся парижская пресса от «Аксьон франсэз» до «Юманите», все движения бывших фронтовиков, профсоюзы, партии, казалось бы, единогласно восприняли лозунг «Только не война!». Эти пацифистские идеи пронизали крестьянство¹⁴, предпринимательские слои, часть католических кругов¹⁴ и широко распространялись среди целого ряда социально-профессиональных категорий общества.

а) Ассоциации бывших фронтовиков отвергали войну и осуждали формулу «Если хочешь мира, готовься к войне», как скрывающую преступное признание возможности войны¹⁵. Их пацифизм подпитывался воспоминаниями о войне. Каждый год 11 ноября они отмечали одновременно траур и победу Франции. У этого поколения, преисполненного осознанием ужасов войны и стремлением ее предотвратить, не было сомнений в том, что Гитлер как бывший фронтовик

тоже выступает за мир. Комитет Франция-Германия, который в ноябре 1935 г. воссоздали Ф.де Брион, Ж.Скапини, президент Национального союза ветеранов войны Жан Гуа и президент Французского союза ассоциаций ветеранов войны Анри Пишо, заявил о стремлении трудиться в интересах сближения обоих народов.

б) Крестьяне-пацифисты, даже если они не придерживались одинаковых методов борьбы за мир, пацифизм их менялся в зависимости от основных направлений политического ветра, не исключали возможности защиты Родины в том случае, если она подвергнется нападению. Но крестьяне не желали сражаться за некую идеологию или за какой-либо чужой народ. Они были пацифисты, потому что не ощущали прямой угрозы. Аргумент, приводимый почти повсеместно, сводился к тому, что крестьяне не хотели войны потому, что составляли основную массу войск.

в) Среди профсоюзных организаций Национальный профсоюз учителей (НПУ)¹⁶ воспринимался как главный носитель пацифистской идеи. Он являл собой большую силу как по количеству членов, так и по воздействию на общество. Он объединял 100 тыс. членов (т.е. значительное большинство французских преподавателей, которых в 1937 г. насчитывалось 130 тыс.). В 1939 г. этот профсоюз составлял 10% членов ВКТ. Кроме того, учителя воздействовали на формирование общественного сознания граждан с помощью формирования или разрушения общественных стереотипов. Они учили морали или социальному конформизму. Они обладали своей собственной идеологией, которую распространял еженедельник «Эколь либератрис», основанный в 1929 г. Многие учителя проявляли свои пацифистские взгляды при торжествах на открытиях монументов в память погибших, а также своим сопротивлением военной подготовке и участием в антимилитаристских кампаниях. С 1932 г. доктрина профсоюза стала явно пацифистской. Эта доктрина, основу которой составляли идеи международного арбитража и всеобщего контролируемого разоружения была вновь выдвинута во время конгресса в Лилле в 1936 г., где столкнулись различные течения. Однако заключительная резолюция соответствовала линии, выработанной в 1933 г. Профсоюз не отвергал ни одного метода предотвращения войны, так как выступал за сохранение мира всеми возможными средствами. Это пацифистское мышление проявилось в отказе от какого бы то ни было усиления милитаризма и с наибольшей полнотой было отражено в позиции генерального секретаря Андре Дельмаса, излагавшего свои идеи в

газетах «Эколь либератрис», «Ле пепль» и на конгрессе ВКТ.

г) Социалисты и синдикалисты стремились любой ценой предотвратить такое стечение обстоятельств, которое могло бы привести к новой войне. На конгрессе в Туре французский социализм раскололся отчасти и по вопросу о национальной обороне. Позиция коммунистической партии решительно отличалась от пацифизма, который она критиковала, используя при этом его в борьбе против империализма и разыгрывая до конца карту антимилитаризма¹⁷. Французские коммунисты не поддерживали ни сторонников безопасности, ни поборников разоружения и громили главным образом социал-демократический пацифизм и деятельность Лиги наций.

Партия СФИО, за исключением небольшой фракции во главе с Реноделем и Поль-Бонкуром, решительно поддерживавших национальную оборону и вынужденные выйти из партии в период между двумя войнами утвердилась как партия мира. Леон Блюм был одним из редких политических деятелей, положивших в основу своей внешней политики идею разоружения. Однако он не поддерживал идеи полного разоружения. Тем не менее скрупулезность Леона Блюма не помешала таким последовательным пацифистам, как Фелисьен Шалай, ратовать за полное разоружение.

При попытке выделить наиболее яркие пацифистски настроенные социально-профессиональные категории населения, как правило, называют земледельцев, работников сферы услуг, квалифицированных рабочих старых специальностей и ремесленников, т.е. как раз те круги, которые голосовали за социалистическую партию. Это означало, что СФИО была преимущественно пацифистской партией. Социалистический пацифизм, однако, был не однозначен¹⁸. Различные группировки в СФИО по-разному реагировали на события, которые усложнила также и реконверсия коммунистической партии. Интернационалистский и пацифистский идеал социалистов ассоциировался с созданием Лиги наций и понятием коллективной безопасности. Леон Блюм стремился воплотить в жизнь моральное и политическое наследие Жана Жореса. Он считал, что мир может быть укреплен посредством пересмотра Версальского договора и всеобщим разоружением; напротив, создавать безопасность на основе роста вооружений значит привести к гонке вооружений, которая неизбежно привела бы к войне. Приход Гитлера к власти не изменил взглядов Леона Блюма, сформировавшихся в результате анализа международного поло-

жения. Разоружение, которое всегда оставалось приоритетом его политики, отрицало создание союзов. До 1935 г. он отказывался голосовать за военные кредиты и еще в марте 1935 г. выступал против закона о двухлетней военной службе. В момент ремилитаризации Рейнской области Леон Блюм приветствовал процедуру мирного урегулирования проблемы. В своем заявлении 23 июня 1936 г. он все еще говорил о разоружении. На стороне приверженцев твердого курса стояли активисты правого крыла партии (Ж.Монне, П.Броссолет, Д.Майер) и Жиромский, который руководил левым крылом партии под названием «Социалистическая битва». Эти сторонники жесткой линии считали, что мир не следует ставить превыше всего. Они проповедовали политику силы, громко осуждали вялую реакцию правительства Даладье и сторонников Блюма, требовали проведения блоковой политики, которая могла бы остановить Гитлера, так как с фашизмом никакой компромисс не возможен.

Горячие приверженцы пацифизма (Ф.Шалай) требовали одностороннего разоружения и провозглашали: «Лучше иностранная оккупация, чем война». Деятели из аппарата партии (генеральный секретарь Поль Фор и его заместитель Ж.Б.Северак) стремились воспрепятствовать вовлечению Франции в конфликт и для выигрыша времени были готовы на любые уступки. К этим пацифистам примыкали крайне левые деятели партии, из созданной в 1935 г. «революционной левой», группировавшиеся вокруг Марселя Пивера; они отвергали всякую идею национальной обороны и проповедовали революционный фанатизм. «Война под руководством нашей буржуазии? Ни за что, ни под каким предлогом, никогда!» — восклицал Марсель Пивер на конгрессе в Мюлузе (1935 г.).

Война в Испании стала испытанием для левых пацифистов, особенно профсоюза учителей, которому сохранение мира казалось самым важным делом. И именно этим можно объяснить его поддержку «политики невмешательства» и возможного посредничества. На конгрессе в Нанте в августе 1938 г. Андре Дельмас поставил вопрос, как помочь испанским республиканцам и при этом не оказаться втянутым «в эту всеобщую войну, которую мы ни за что не хотим». Недоверяющие Советскому Союзу социалисты отказывались от похода против фашизма.

В это же время, начиная с 1935 г., Французская коммунистическая партия изменила свою позицию в области внешней политики и национальной обороны. После поездки П.Лавалья в Москву и после указания Сталина ФКП неожи-

данно обнаружила необходимость национальной обороны, стала петь «Марсельезу» и ратовать за самый широкий союз против фашистов. С тех пор коммунисты стали решительными патриотами и антифашистами.

Таким образом, пацифизм доминировал в 1936 г. Международная организация — Всеобщее объединение за мир, — возглавляемая лордом Р.Сесилом и Пьером Котом, в 1937 г. призвала 16 млн. французов примкнуть к ней! Нацистская пропаганда, в свою очередь опираясь на широко распространенный пацифизм, сумела втереться в доверие во многие круги французского общества и эффективно поощряла психологический нейтралитет, усыпляя бдительность французов и ослабляя их готовность к борьбе.

Спустя два года пацифистские идеи уже пронизывали мюнхенскую атмосферу, чем частично объяснялся и отказ от борьбы в защиту Чехословакии. «Мюнхен» вместе с тем стал точкой слияния левого пацифизма и правого неопацифизма. В октябре 1938 г. 57% французов одобрили мюнхенские соглашения и 37% их осудили. В палате депутатов только 75 депутатов (все коммунисты, один социалист и Ан-ри де Керилис) проголосовали против мюнхенских соглашений, которые были одобрены 535 депутатами.

В сентябре 1938 г. большая часть общественных и политических сил выступили против войны. Это был в значительной мере конъюнктурный пацифизм. Неподходящий момент для оказания сопротивления Гитлеру был связан с английскими недомолвками и состоянием французской военной подготовки. Только коммунисты выступили решительными антимюнхенцами. Габриель Пери писал в газете «Юманите»: «Мы не аплодируем, так как думаем, что мир ослабляется каждый раз, когда ослабляют французскую безопасность, и что мюнхенские соглашения представляют собой дипломатический Седан». Коммунисты не переставали осуждать любой компромисс с «третьим Рейхом».

Однако эта воинственная позиция коммунистической партии усилила пацифизм тех, кто ответил антикоммунизмом как на правом, так и на левом фланге. Так, НПУ становится все более пацифистским тогда, когда коммунисты обостряли ситуацию в рамках ВКТ или в связи с войной в Испании. Чем больше КП усиливала антифашистскую, антигитлеровскую и воинственную политику, тем сильнее НПУ утверждал свой пацифизм.

В рамках СФИО происходили постоянные и острые дискуссии между сторонниками мира и сторонниками твердой позиции. На конгрессе в Руане «революционная левая»

группировка была исключена из СФИО, а партийные кадры оставались пацифистами. Они были убеждены, что ничто не оправдывает принесение в жертву тысяч молодых людей. Во время мюнхенских соглашений сам Леон Блюм страшно терзался. Его твердость уступала место духу компромисса. Он разрывался между трусливым утешением и стыдом. Но вместе с тем он констатировал, что «если война будет нам навязана извне, придется сражаться». В последующие недели он вновь обрел твердость. Поль Фор, пронизанный пацифистскими настроениями, («Ле Популяр» от 2 октября 1938 г.) был готов к любым испытаниям: «Выгадать время, вести переговоры, призывать все моральные и духовные силы мира, чтобы предотвратить применение оружия...»

В известном смысле приверженность к пацифизму усилилась даже в левых профсоюзных кругах. В мае 1938 г. по инициативе двух интеллектуалов Александра и Эмери и синдикалистов Мориса Шамбеллана, Жоржа Мопиу и Жиру был основан Профсоюзный центр действий против войны (ПЦДПВ). В разгар мюнхенского кризиса он был расширен и преобразован в Центр связи против войны, в который вошли также Комитет бдительности интеллектуалов-антифашистов, группы Марселя Пивера, Союз анархистов и несколько мелких групп. Руководители этого центра, секретарь НПУ Дельмас и секретарь профсоюза работников связи Жиру, совместно подписали петицию за мир «Мы не хотим войны» (26 сентября 1938 г.). За три дня эта петиция собрала 150 тыс. подписей. Среди подписавших петицию наряду с известными деятелями левого направления были и представители католических кругов.

Параллельно с левым пацифизмом формировался и неопацифизм — от правого крыла до левого центра. Эти пацифистские взгляды имели своим источником страх, вызванный деятельностью народного фронта и гражданской войной в Испании. Все это взрывало французское общественное мнение, углубляло или порождало расколы справа и слева¹⁹. Речь здесь шла о том, чтобы содействовать падению Народного фронта, изолировать коммунистов, не оказывать поддержку СССР, который стремился к распространению идей революции.

Во время мюнхенского кризиса можно наблюдать бурный подъем пацифистских идей в крестьянстве. В межвоенный период широкое распространение получила идея, что французское крестьянство, сильно пострадавшее во время первой мировой войны, в случае новой будет вынуждено принести

большие жертвы, чем другие категории граждан. Крестьяне неожиданно потребовали равенства в отношении к налогу кровью, ни за что не хотели войны и осудили воинственность лиц, занятых в промышленности. Это и послужило причиной широкого потока идущего из глубины пацифизма. Журнал «Ле ревю дез агрикультур де Франс» писал: «Победоносная война была бы столь же пагубной, что и проигранная война». Журнал «Синдика пейзаж» 28 сентября 1938 г. озаглавил одну из статей «Против изничтожающей крестьян войны, спасите мир». Крестьяне готовы были выступить в защиту своей земли, но они не хотели воевать ради удовлетворения каких-либо идеологических пристрастий.

Но парадоксальным стал факт, что после ремилитаризации Рейнской области в пацифизме под лозунгом «Мир любой ценой» была пробита брешь. Сторонники твердой линии появились и в организациях, наиболее пронизанных пацифистской идеологией: в Демократическом альянсе, в кругах радикалов, в СФИО, в ВКТ и даже в НПУ.

Спад пацифизма, ставшего заметным в 1936-1938 гг., значительно усилился после Мюнхена. Между октябрём 1938 г. и сентябрём 1939 г. можно было наблюдать некоторое моральное возрождение французского общественного мнения в его патриотическом рвении, о чем префекты сообщали в докладах в связи с 14 июля 1939 г.

Сильно изменились взгляды в крупных секторах общественного мнения: социалисты, находящиеся под влиянием Блюма, часть учителей, крестьянские организации и движения бывших фронтовиков, французская социалистическая партия, «Комите де Форж» (синдикат металлургической промышленности) и предприниматели (газеты «Ле Тан», «Ле Деба»). Обе главные организации бывших фронтовиков «Федеральный союз», руководимый Рене Кассеном, и «Национальный союз», где президентом был Жан Гуан, выступили за то, чтобы перекрыть дорогу гитлеризму. «Военные прогулки и завоевания без риска теперь кончились; Франция кричит: Остановись!»

Почти все крестьянские организации поддержали гашь тикку Даладье. «В сентябре 1939 г. ... крестьянского пацифизма уже не было». Журнал «Синдика пейзаж» вышел под заголовком: «Миротлюбивая Франция готова к войне, она ожидает с оружием в руках». Передовая статья от 10 сентября была озаглавлена: «Крестьянство, как и в 1914 г., выполнит свой долг во время войны. Оно просто желает, чтобы к нему относились справедливо».

В социалистической партии пацифистская фракция объединилась вокруг Поля Фора и Северака и еженедельника «Синдика». На конгрессе в Нанте в марте 1939 г. многие убежденно говорили о поражении Франции при столкновении с Германией: почему бы не признать зависимость путем переговоров? Придем к тем же результатам, что и в случае войны, но с меньшими издержками. Конгресс в Нанте завершился двусмысленной резолюцией, в которой позиция пацифистов соседствовала с позицией сторонников Блюма, поддерживавших внешнюю политику Даладье, Рейно и Манделя. После этого их партия вплоть до самого поражения Франции была парализована расколом и отягощена попытками сохранения (даже формально) своего единства. На конгрессе ВКТ (ноябрь 1938 г.) резолюция против войны, которую предложил Дельмас, собрала лишь 28% голосов. В отличие от этого в НПУ Дельмас сохранял пацифистскую линию, несмотря на рост влияния еженедельника «Ля Люмьер».

Почему же были пересмотрены пацифистские взгляды? Одни отвергли их из-за немецкой угрозы, другие потому, что политика национального сплочения перед лицом внешней опасности представлялась им наилучшим противоядием против Народного фронта. Не вызывает сомнения и то, что в период между мартом и сентябрем 1939 г. некоторые пацифисты еще сохраняли иллюзию о возможности сохранения мира. Это относилось к Ж.Бонне, большому числу социалистов, к «Аксьон франсэз» и многим средствам информации. Однако германо-советский пакт и немецкое нападение на Польшу показали тщетность их надежд. Резкий поворот британской политики сыграл большую роль в переходе этих пацифистов 1938 г. к войне в 1939 г.

Захват Праги и германо-советский пакт еще больше усилили национальную сплоченность, вызвав крушение французского коммунизма, который вновь стал пацифистским. Парадоксально, но германо-советский пакт способствовал тому, что антикоммунисты отказались от восприятия нацистской Германии как бастиона против большевизма, а сторонники твердой линии в отношении Германии перестали исполнять приказы из Москвы. Правый пацифизм потерял основу для своего существования.

Аналогичное явление наблюдалось и среди левых сил. Германо-советский пакт заставил некоторых профессиональных пацифистов, социалистов и синдикалистов, как Рене Белен, не предпринимать больше пацифистских акций, чтобы отмежеваться от коммунистов. Никто больше не хо-

тел объединяться с коммунистами. Если коммунисты вопреки своим собственным взглядам и играли определенную роль в поддержке национальной обороны, то этим они подрезали крылья всем другим пацифистам.

В сентябре 1939 г. пацифизм был представлен лишь незначительным меньшинством; в частности, на крайнем правом крыле находилось фашиствующее течение вроде группы «Я повсюду», которая в номере своей газеты от 1 сентября 1939 г. дала заголовок «Долой войну, да здравствует Франция!»; на левом крыле оставались последовательные пацифисты из СФИО и крайне левые революционные пораженцы. Если в сентябре 1938 г. пацифизм был в большой мере правительственным, признанным, антикоммунистическим и располагал большинством, то через год он стал антиправительственным, представлял меньшинство и был искажен приобщением коммунистов²⁰.

Перед войной народ вновь обрел единство. Первые же проведенные во Франции опросы общественного мнения выявили духовную мобилизацию, возросшую твердость и осознание неизбежности войны. Более трех четвертей из опрошенных французов заявили, что «готовы умереть за Данию»²¹.

Мобилизация в армию проходила в основном без протестов и столкновений. Исключением стали демонстрации нескольких выступивших с инициативой интеллектуалов: Ле-куен выпустил листовку под заглавием «Немедленный мир», которую подписали Алэн, Маргерит, Деа, Шалай, Онёе, Пивер, Зоретти, Эмери, Жонсон, Джоно. Последний срывал плакаты о мобилизации в Марселе. Но основная масса населения не следовала такого рода призывам. Полицейские доклады и регистрационные журналы судов содержали лишь редкие случаи акций пораженцев в конце августа и в начале сентября 1939 г. Это свидетельствовало о бессилии пацифистов.

По словам Андре Дельмаса, НПУ, столь активный во время мюнхенских событий, приглушил свою пацифистскую деятельность в силу двух причин: мобилизации некоторых его членов и возрастания национального единства. Марсо Пивер отказался вернуться во Францию. Ромен Роллан направил Даладьё послание солидарности. По докладам жандармерии и префектов, возобладала спокойная решительность. Самым распространенным аргументом стал тезис: «Нужно все же покончить с этим народом, который объявил нам уже третью войну».

В первые месяцы войны пацифизм оказался в ничтожном меньшинстве, потеряв свою аудиторию. Лишь в начале 1940 г. проявились элементы некоторой деморализации, которые, усиливаясь, создавали климат для восприятия пацифистской пропаганды, пытающейся вывести Францию из войны.

В 30-е годы пацифизм претерпел значительную эволюцию. В 1939 г. он уже не представлял непреодолимого препятствия для твердой политики по отношению к Германии. Мысли о побежденном пацифизме отчетливо видны в словах Анри Монтерлана, который 24 сентября 1939 г. сел в поезд на Восточном вокзале Парижа. Он видел «тысячи мужчин в кепках», которые совершенно спокойно, «с миром уезжали на войну». Эта картина побудила его дать следующий комментарий: «Двадцать лет пацифистской пропаганды были выпиты и без какого бы то ни было результата переварены французским народом». Он уточнил: «Пусть покажут мне хотя бы одного из нас, кто не любит мир и кто в этот час не пожертвовал бы значительной частью того, что составляет достояние его личной жизни, если бы это могло помочь достойно ее поддержать. Недостаточно заявлять о своей любви к миру. Необходимо быть достаточно сильным, чтобы навязать мир тем, кто хочет войны»²².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Barbier J.-B. Le pacifisme dans l'histoire de France. B., 1966; De-franse J. Le pacifisme, PUF, 1983 (Que sais-je, № 2092); Merle M. Pacifisme et internationalisme, 1966; Aron R. Paix et Guerre entre les nations. 1962 et entin; Brock P. A history of pacifism, vol. 3, Twentieth-Century pacifism, N.Y., 1970.

² Bournazel R. Rapallo, naissance d'un mythe, A.Colin, 1974.

³ См.: Gombin R. Les socialistes et la guerre // La SFIO et la politique etrangere franchise entre les deux guerres mondiales, Mouton, 1970; Bernstein S. Le parti radical-socialiste de 1919 И 1939, Presses de la FNSP, 2 tomes, 1982-1983; Re mo n d R. Les catholiques le communisme et les crises, A.Colin, 1960; Delbreil J.C. Les catholiques frangais et les tentatives de rapprochement franco-allemand, 1920-1933. Metz, 1972; Vaisse M. Le Bulletin catholique international, 1925-1933; Gadille J. Conscience Internationale et conscience sociale dans les milieux catholiques d'expression franchise dans l'entre-deux-guerres// Relations

- Internationales, № 27. 1981, aut. P. 343-360 et 361-374; Prost A. Les anciens combattants dans la société française, 1914-1940. 1977.
- ⁴ Remond R. L'image de l'Allemagne dans l'opinion publique française de mars 1936 à septembre 1939 // Deutschland und Frankreich, 1936-1939. Artemis Verlag, 1981.
- ⁵ Weisse M. Sécurité d'abord: la politique française en matière de des armement, 1930-1934. P., 1981. P. 149-166.
- ⁶ Jouvenel A. de. La paix franchise. P. 26-31.
- ⁷ Weiss L. Mémoires d'une Européenne. T. 2. P. 318.
- ⁸ Jocelyne Prezeau Cf. Le mouvement Amsterdam-Pleyel; Dudiatel B. Romain Rolland et la préparation du congrès d'Amsterdam // La guerre et la paix... dans les lettres françaises de 1925 à 1938; Reims, 1983. P. 106-123.
- ⁹ CM.: Racine N. Le CVIA // Le Mouvement social. 1977. № 101. P. 89-113.
- ¹⁰ Siegfried A. Tableau des partis en France. Grasset, 1930. P. 130 sqq.; Kimmel A. Der Aufstieg des Nationalsozialismus im Spiegel der französischen Presse, 1930-1933. Bonn, 1969. P. 119 sqq.
- ¹¹ CM.: Mayeur J.M. Les catholiques français et la paix, 1900-1939 // Les Internationales, et le problème de la guerre au XX siècle. Rome, 1977. P. 151-164.
- ¹² Deroo A. L'épiscopat français dans la mêlée de son temps. Roubaix, 1955; Sur Mgr Julien, cf. Ghislaine Bellart Monseigneur Julien, 1856-1930, évêque d'Arras, Travaux et Recherches de Lille III, 1980.
- ¹³ Duroselle J.B. La Décadence, 1932-1939, Imprimerie Nationale. P., 1979; Jacques Bariety-Raymond Poidevin. Les relations franco-allemandes de 1815 à 1975. A. Colin, 1977.
- ¹⁴ CM.: Les relations franco-allemandes, 1933-1939, 1976; La France et l'Allemagne, 1932-1936, 1980; Driz J. Le parti socialiste français devant la montée du nazisme; Bruhat J. Le PCF face à l'hitlérisme.
- ¹⁵ CM.: Prost A. Op.cit.; et Les anciens combattants, collection Archives, 1977. P. 177.
- ¹⁶ Bianconi A. L'idéologie du SNI de 1920 à 1939. Toulouse. P. 69-142.
- ¹⁷ CM.: Rabaut J. L'antimilitarisme en France (1810-1975). Hachette, 1975; Reberieux M. Les jeunes communistes et l'antimilitarisme // Politique aujourd'hui, janvier-février 1976; Faucier N. Pacifisme et antimilitarisme dans l'entre-deux-guerres. P., 1983.
- ¹⁸ Bilis M. Socialistes et pacifistes ou (l'impossible dilemme des socialistes français. Syros, 1979.
- ¹⁹ Pike D. Les Français et la guerre d'Espagne, 1975.
- ²⁰ Brunei J.P. La presse française et le pacte germano-soviétique // Relations Internationales. 1974. № 2. P. 187-212; Rossi - Landi G. Le pacifisme en France 1939-1940 // Français et Britanniques dans la drôle de guerre.
- ²¹ CM.: Edouard Daladier chef du gouvernement // Presses de la FNSP, 1977.
- ²² Montherlant H. de L'équinoxe de septembre.

SUMMARY

This book is a result of research made by an international collective of authors, who studied history of pacifism and peace-making. It is a third book on history of pacifism published by Institute of World History in recent years, after «Peace/Mir. An Anthology of historic alternatives to war» (1993) and «Long Way of Russian Pacifism. Ideal of international and inner peace in Russian religio-philosophical and socio-political thought» (1997). «Pacifism in History» contains chapters on history of World pacifism in Europe, Asia and America since ancient times until the World War II. The first chapter deals with the sources of peace ideas in ancient Greek and Roman culture and in early Christianity. Then chapters on early Quakers and on ideas of peace during the European Enlightenment follow, and after them - chapters on creating peace societies and peace doctrine in Europe in 19th Century. Special chapters deal with such significant figures of peace ideas and practice as Leo Tolstoy, M. Gandhi, Kan U Vay. Some detailed analysis is given concerning Scandinavian, British, German, French, American, Japanese Pacifism of 19th and 20th Centuries. Scholars from Germany, France, Great Britain, Switzerland, USA, Russia and Japan made their contributions to this volume.